

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин САЙИД
Мухаммад АЛИ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий БАУЭР
Анатолий ЕРШОВ
Раим ФАРХАДИ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Баходыр АХМЕДОВ
Раиса КРАПАНЕЙ
Виктор ШУЛИКА

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Виктор ГОРОШИН

проза

РАЗВОД ПО-АМЕРИКАНСКИ

Рассказ

В Союз Сергей вернулся за несколько месяцев до того самого вроде бы исторического апрельского пленума, который ввел в русский язык неологизмы «гласность» и «перестройка». За четыре года защитил кандидатскую, получил лабораторию. В то время еще существовала какая-то атрибутика Советского Союза, и звезда Героя вкупе с платиновым изображением Муляжа оказывали ему существенную помощь. В середине девяностых он стал одним из самых молодых докторов наук России. Сделал довольно серьезное открытие, печатался в престижных мировых научных изданиях, мотался по международным конференциям. В свободное от суеты время плейбойствовал, совершенствовался в своих любимых единоборствах. Наука в России в то время была уже никому не нужна, перестройку заменила перестрелка. Сергей подумывал об эмиграции.

Ашот ДАНИЕЛЯН

ПОЭЗИЯ

Светлой грусти тонкая нить...

Бродят тени в ночном саду,
И над теменем у ребенка
Дует Ангел в пастушью дуду
Светлой грусти мотив негромкий.

Тем, кто верит не в порчу, не в сглаз,
А в несмелой души спасение,
Светлой грустью иконостас
Улыбается по воскресениям.

Кучкар НАРКАБИЛ

переводы

В РЕШЕТЕ ВОДЫ НЕ УТАИШЬ

Рассказ

Ильхом нехотя взял бумаги. Начал читать и... побледнел. Усмехнулся. А затем расхохотался:

– Что это?

– Ре... рецензия – недоуменно протянул Довул.

Ильхом снова пробежался глазами по написанному.

Уважаемый _____ вич!

Ильхом Зафар, я думаю, не достоин быть руководителем крупного творческого объединения, потому что он ненавидит талантливых людей и всячески им мешает. Разве справедливо, что такие, как Ильхом Зафар, являются руководителями, да еще членами жюри конкурса? Прошу Вас провести тщательную проверку и принять соответствующие меры...

Подписываюсь псевдонимом: Одил Ростгуй (Справедливый человек)

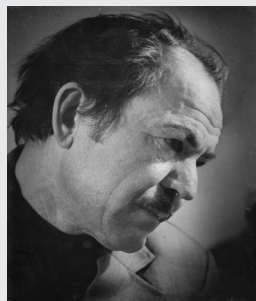

возвращение к читателю

Явдат ИЛЬЯСОВ

ТРОПА ГНЕВА

Фрагменты из повести

...Вот если человек разрушает созданное другим человеком, что он делает? Он идет против смысла человеческой жизни. Значит, он уже не человек, а враг человека. А враг заслуживает... чего? Смерти! Его уничтожают. Но возможно ли это без битвы? Нет, врага уничтожают в бою. А бывает ли битва без жертв? Не бывает. Одни получают раны, другие погибают. Нет слов, это тяжело. Но перед лицом смерти человек помнит: он погиб ради сохранения творений рук своих. Это и называют настоящим подвигом, я думаю. Значит, человек рождается и существует для подвига. Если человек не совершил в жизни ни одного подвига, он напрасно ел мясо, напрасно спал, напрасно дышал воздухом, ибо не сделал того, для чего он был создан.

НОВЫЕ ИМЕНА

Вероника ШУППЕ

Слияние красок — сплетение чувств

А ведь художник был еще живой,
Едва ли кисть живого не грешна...
О чем он думал, глядя в холст пустой,
Когда земным пресытилась душа?

Молиться буду, обращусь к нему.
Мои минуты вечность не смущает.
Безумных люди на земле прощают,
А рассудительным готовят жизнь в раю...

Безумию молитву воздаю.

литературоведение.
литературная критика

Феруза ХАБИБУЛЛАЕВА

КРИТЕРИЙ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА

Перевод художественных произведений с одного языка на другой требует кропотливого труда и серьезной профессиональной подготовки. В идеале переводчик должен в совершенстве владеть обоими языками, только тогда будет обеспечена полноценная передача подлинника на языке перевода. Ибо полноценный перевод — это не простое воспроизведение текста на языке перевода, а воссоздание той национальной картины мира, которая отражена средствами языка оригинала со всеми тонкостями и оттенками смысла.

...Серьезные трудности в переводе вызываются тем, что в тексте оригинала отражаются особенности мировосприятия, культурные и духовные ценности носителей языка.

СОДЕРЖАНИЕ

Галина ДОЛГАЯ. Конкурс «Воды бесценный дар». 15

ПРОЗА

Бах АХМЕДОВ. Китовый блюз. Рассказ. 5

Виктор ГОРОШИН. Развод по-американски. Рассказ. .. 21

Гоар РШТУНИ. Запоздалые открытия. Рассказы. 61

Шухрат САКИЕВ. Стыдобушка. Рассказ. 70

ПОЭЗИЯ

Андрей СЛОНИМ. Бессловесны тайны мироздания. 16

Гуарик БАГДАСАРОВА. Творчество – состояние души. .. 19

Ашот ДАНИЕЛЯН. Светлой грусти тонкая нить... 57

Елена ЮРЧЕНКО. Совершенно секретно. 107

НОВЫЕ ИМЕНА

Фатима ДЖАЛЛОВА. Сильные духом. Рассказ. 11

Вероника ШУППЕ. Слияние красок – сплетение чувств. .. 67

Умида КАРИМОВА. Росчерк прошлых дней... 92

Константин ПЕРЕВЕРЗЕВ. Ностальгия. 136

ПЕРЕВОДЫ

Мухаммад АЛИ. Амир Темур Великий. Книга четвертая.

Шахрух Мирза. Перевод с узбекского Диноры Азимовой. . 76

Нарзулло БАТИРОВ. Ловкость рук. Рассказы. Перевод

с узбекского Галины Рахматуллаевой. 95

Усман АЗИМ. Офисная выставка. Рассказ. Перевод с уз-

бекского Раъно Азимовой. 114

Кучкар НАРКАБИЛ. В решетке воды не утаишь. Рассказ.

Перевод с узбекского Саодат Камиловой. 139

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Несмотря – и вопреки!

Явдат ИЛЬЯСОВ. Тропа гнева. Фрагменты из повести. .. 46

КАРАВАН ИСТОРИИ

Дильшода СУЛТАНОВА. Инновации художников

Жарских. 142

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Два полюса симфонии...

Татьяна ОСИНА. Испытание чистилищем. 110

Алла ПОПОВА. Симфония?... 112

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Феруза ХАБИБУЛЛАЕВА. Критерий адекватности

перевода. 132

Саодат КАМИЛОВА. Монтаж и символика в рассказе

С. Афлатуни «Проснуться в Ташкенте». 146

Хусрав ХАМИДОВ. Классификация первоисточников

хикоятов «Маснави». 148

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала сцены из спектакля театра «Ильхом» «Симфония... ну что, начнем?».

Звезда Востока

2019 № 1

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован

Узбекским агентством печати и информации

Рег. № 0296

05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор,

Адиблар хийёони, здание

Союза писателей Узбекистана.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

zvezdavostokazv@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Елена Юрченко

Подписано в печать 4. 02. 2019 г.

Формат 70х108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 900 экз. Заказ

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ООО «PRINT REBEL».

г. Ташкент, Алмазарский р-н, ул.

Уразбаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет авторов о том, что к рассмотрению принимаются рукописи, выполненные в компьютерном наборе объемом **не более 50 страниц**.

Набор текста в любом формате с приложением электронной версии и распечатки.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Письменные заключения не даются. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока» обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

КИТОВЫЙ БЛЮЗ

Рассказ

БАХ АХМЕДОВ

Рассказ занял I место в конкурсе «Воды бесценный дар» (май–ноябрь 2018 г.)

*Кит плыл.
Город молчал.
Наступал вечер.*

Наталья Белоедова

КИТ ПЛЫЛ...

По улице плыл кит. Он был старый, краска во многих местах вышвела, а стершийся левый глаз был заново нарисован черным фломастером. Прохожие оглядывались на мальчика с китом под мышкой, некоторые улыбались. Кит был большим, как и полагается киту. Мальчик очень гордился им и почти всегда брал с собой, когда выходил из дому.

Каждое утро, перед тем как сесть завтракать, мальчик надувал кита. Шестнадцать вдохов полной грудью и столько же выдохов – ритуал, к которому он привык за то время, что у него была эта болезнь. Впрочем, два года назад вдохов было двадцать три.

Когда взрослые спрашивали, как зовут его кита, мальчик отвечал: «Моби Дик». Некоторые взрослые удивлялись: «Ты читал "Моби Дика"? А тебя случайно не Ахавом зовут?» Мальчик не читал Мелвилла, но про Ахава уже знал. Иронию взрослых он прекрасно чувствовал, но предпочитал не обижаться.

На самом деле Моби Диком кита назвал папа мальчика, у которого этот роман был в числе любимых. Он даже вытащил его из книжного шкафа и показал сыну толстую старую и довольно потрепанную книгу, на обложке которой было написано «МОБИ ДИК». Мальчик попросил рассказать папу, про что эта книга, и отец сказал: «Про одного гениального белого кита, по имени Моби Дик, и про одного гениального капитана, по имени Ахав, который охотился на этого кита». «У тебя даже киты гениальные», – сказал мальчик. «Почему бы нет? – искренне удивился папа и с легкой грустью добавил: – Мы знаем о них очень мало... Катастрофически мало...»

После того как ему подарили кита, мальчик захотел узнать о них все что можно. Сначала была детская энциклопедия с картинками и передача «В мире животных». Чуть позже, когда он пошел вместе с папой к своей бабушке, он увидел в стенном шкафу со стеклянными дверцами пятьдесят два толстых темно-синих тома Большой

Бах АХМЕДОВ. Кандидат физико-математических наук. Родился в 1967 г. в Ташкенте. Окончил МГУ. Публикуется в литературных журналах и альманахах Узбекистана, России, Великобритании, Израиля, Казахстана, Эстонии. Участник международных конкурсов, форумов и конференций. Автор нескольких сборников стихотворений.

Советской Энциклопедии. Том с буквой «К» был на второй полке сверху. Пришлось встать на шаткий стул и, качаясь, рискуя грохнуться, с трудом вытащить тяжеленный кирпич, пахнувший старой бумагой и временем.

В середине тома было несколько страниц с цветными иллюстрациями. Мальчик долго смотрел на фотографии разных китов, а потом, низко склонившись над книгой, начал читать статью о них. В этот момент в комнату зашел папин младший брат, который жил с бабушкой. Дядя удивленно посмотрел на мальчика, перевел взгляд на открытую страницу, улыбнулся и одобрительно хмыкнул. От него сильно пахло водкой, но мальчик уже привык, что от него почти всегда так пахнет. «Да-а, – задумчиво произнес дядя, – киты, они такие...» Мальчик молча посмотрел на дядю, хотел спросить, какие киты «такие», но так и не решился. «Ну ладно, читай, читай, не буду тебе мешать», – дядя тихонько похлопал мальчика по плечу, взял из тумбочки три рубля и чуть ли не на цыпочках вышел из комнаты. Мальчик испытывал к нему какое-то особое чувство теплоты и нежности, словно он, дядя, сам еще был ребенком, которого надо оберегать и защищать.

Еще в жизни мальчика была Ребекка Марковна, пожилая врачиха-аллерголог с короткими седыми волосами и пальцами, распухшими от артрита. Когда мальчик приходил к ней вместе с мамой, она всегда встречала его вопросом: «Ну, что нового у нашего кита?» Затем следовало прикосновение холодного стетоскопа к спине и грудной клетке. «Дыши, не дыши... Хорошо. Еще немного есть хрипы, поэтому с гистаглобулином пока повременим».

Мальчик сидел на кушетке, правая рука на ките, и задумчиво смотрел, как за окном кабинета качает весенней веткой знакомый каштан. Чуть дальше, за крышами больничных корпусов, виднелась верхушка водонапорной башни. А еще через открытое окно доносились короткие резкие гудки тепловозов – рядом был вокзал.

Обычно мальчик не слушал скучного разговора мамы с Ребеккой Марковной о лекарствах и диете, он думал о чем-то своем, но в этот раз до его слуха донеслись новые слова: «Хорошо бы вам летом выбраться на море. Хорошая закалка на весь год...» – сказала Ребекка Марковна, протягивая листок бумаги с назначениями: ровный прямой почерк, буквы, звучащие в унисон друг с другом.

Глаза у мамы сразу стали почему-то грустными, она кивнула головой и сказала, что подумает, хотя знала заранее, что в этом году никакого моря не предвидится.

Мальчик любил приходить в этот чистый, аскетично обставленный кабинет, где пахло уколами, спиртом и чем-то еще непонятным, но приятным. Он любил Ребекку Марковну за ее спокойную, неторопливую речь, за ее теплые руки и внимательные серые глаза. А еще за то, что именно благодаря ей в его жизни два года назад появился кит.

Хотя, если вдуматься, у мальчика было много причин не любить ее. Уже во время первого посещения, когда он еще не начал ходить в школу, Ребекка Марковна составила длинный список продуктов, которые должны были надолго исчезнуть из его жизни, потому что аллергия, переходящая в астматическую реакцию... С некоторыми названиями мальчик смирился легко, поскольку ему было все равно, и он не очень любил куриный бульон или рыбу. Но шоколад, но мандарины и апельсины!.. Но малина и прочие вкусные ягоды!.. И тем не менее мальчик любил эту женщину в белоснежном накрахмаленном халате с тихим, немного скрипучим голосом. Кит возмещал ему все потери с лихвой. И он чувствовал тайную солидарность с ним, потому что ему, киту, тоже нельзя было кушать все эти веши. Так сказала Ребекка Марковна. Она даже добавила, что мальчик должен поддерживать кита, потому что ему сложно жить в мире, где нельзя есть столько вкусностей.

А кит будет поддерживать мальчика, когда ему станет трудно дышать. Да-да, кит будет учить его дышать. Спокойно, ровно, не нервничая... «Сейчас все

пройдет, не волнуйся. Ты же знаешь, что иногда это бывает. Вот уже и окно нам открыли, видишь? Свежий воздух, такой прохладный, влажный после дождя. А в океане мне тоже иногда не хватает воздуха. Тогда я выныриваю на поверхность и дышу полной грудью. Представь, что ты сейчас тоже под водой, но мы уже всплываем с тобой наверх. Осталось совсем немного, потерпи, мой хороший...» – так говорил ему кит, и так говорила ему мама, и мальчик слушал их и терпеливо ждал, когда пройдет приступ, и они вынырнут на поверхность.

Они вышли из кабинета, сопровождаемые недовольными взглядами очереди, и пошли в больничную аптеку. Мальчик в этот раз не стал задавать никаких вопросов, почувствовав настроение мамы. Навстречу прошла женщина с девочкой лет шести, и та с интересом посмотрела на кита. Мальчик улыбнулся: он гордился своим китом, он знал, что у него самый красивый и умный кит в мире. Школьные тетради мальчика были разрисованы китами, и в классе он получил прозвище Китенок. Все его близкие и друзья были уверены, что он станет океанологом и будет изучать жизнь китов. И сам мальчик так думал, рисуя очередного кита в тетради по геометрии.

Город молчал...

Пустыня наступала постепенно, но с каждым годом все сильнее сжимала свое кольцо вокруг города. На окраинах она уже хозяйничала вовсю. Пустые здания утопали в песке, песок брал их за горло, проникал в квартиры многоэтажек и заполнял их благодаря своей непреодолимой текучести. Песок был вездесущ и непобедим. Люди переселялись ближе к центру, занимая дома тех, кто успел уехать. Но и в центре песок все чаще напоминал о себе. Каждое утро все подоконники снаружи были покрыты тонким его слоем, он проникал даже через плотно закрытые окна и появлялся на мебели, полу, страницах книг, на продуктах в шкафу, тщательно обернутых полиэтиленовой пленкой.

Песок всё чаще скрипел на зубах и попадал в глаза, вызывая острое раздражение или боль. Люди пытались бороться с пустыней, но силы были неравны. И они знали, что город обречен. Его превращение в пустыню было делом времени, которое, конечно, было на стороне песка, как одной из лучших своих метафор.

...Океанологом Игорь так и не стал. Он стал филологом и переводчиком, специалистом по американской литературе. А еще он стал Игорем Кирилловичем, кандидатом наук, автором многих публикаций, преподавателем в университете. Много поездок и два неудачных брака позади, впереди, на горизонте, какие-то каменистые островки, крики чаек и почти израсходованные запасы пресной воды на борту.

Впрочем, китов он все-таки не бросил, решив сделать новый перевод знаменитого романа Мелвилла. Но Моби Дик не давался и постоянно уплывал в недоступные глубины, как и положено настоящему киту. Работа затянулась на годы, а потом Игорь и вовсе отложил ее до лучших времен, в чье наступление, впрочем, мало верил. Потому что все вокруг стремительно теряло смысл, облетало, как осенние листья, оставались лишь голые ветки скудных достижений, которые тянулись из прошлого в будущее и одновременно боялись его. Только уплывающий белый кит был бессмертен, словно белый лист бумаги, точнее, образ этого листа, оставшийся прямоугольным белым пятном на географической карте вечности.

Игорь сидел у окна, курил и смотрел на улицу. А там после долгого осеннего дождя было серо, мокро и скучно. Мимо мусорки, опираясь на палку и оставляя следы на мокром песке, медленно шла Роза Михайловна, старушка из соседнего подъезда. Когда-то Игорь ходил с ее сыном Гошей в зоопарк, где они долго стояли возле террариума с ящерицами, выжидая их молниеносные короткие движения. Иногда ждать приходилось долго, но терпение всегда вознаграждалось.

Игорь перевел взгляд на дневник. Каждая запись в нем была обращена к одному человеку. Это было похоже на письмо, которое никогда не будет отправлено, потому что адресат давно пребывает в глубинах, недостижимых ни для одного послания, кроме разве что мысленного.

В детстве, когда у него был надувной кит, Игорь мечтал увидеть кита настоящего. Мечта долго не сбывалась, а потом неожиданно сбылась, оставив долгое послевкусие горечи и саднящую боль в сердце. Он поехал на очередную конференцию по Мелвиллу на острова одного нового государства, и организаторы на второй день повезли их на берег океана, где лежали восемь огромных китов, выбросившихся на берег. Все были мертвы. Впрочем, один кит, кажется, еще с трудом дышал. Игорь подошел к нему совсем близко. Из рта вырывался чуть слышный хрипловатый свист. Дыши, не дыши... Дыши. Игорь побежал к местным специалистам: «Вон тот еще живой, может, можно его затащить обратно в воду?» Но они почему-то лишь грустно качали головами и говорили, что слишком поздно и что это не так просто сделать: надо подгонять несколько шхун, брать кита на прицеп и прочее, и прочее.

Дыши, не дыши... Дыши...

Когда их привезли обратно в отель, Игорь собрал вещи и уехал, отменив свой доклад и сухо попрощавшись с недоумевающими коллегами.

Игорь перелистал дневник. Вот запись пятилетней давности.

«...А вчерашнее мероприятие по открытию памятника дереву, на которое меня пригласили, достойно пера Гоголя или Кафки... Видел бы ты эти лица, эти застывшие фигуры, напоминавшие наспех высеченные скульптуры, уродливые, страшные, с искаженными пропорциями... Шемякин нервно курит в сторонке...»

Он смотрел в окно, вспоминал и думал о своих отношениях с родным городом. Какая-то банальная любовь-ненависть, отчуждение, усталость, невозможность понять происходящее и забыть то, что уже произошло несколько лет назад, когда город охватила странная ментальная эпидемия, всеобщее помешательство, не оставившее шансов никому.

Вдруг всеми горожанами овладело непонятное и непреодолимое желание расправиться с городскими деревьями. Пилы стали самым востребованным инструментом и шли нарасхват. Никто не остался в стороне, работали все от мала до велика. И убежденные седины старики, и юноши со взором горящим. И отчаянные домохозяйки, и отчаявшиеся дамы бальзаковского возраста, и прекраснокудрые девы с модельной фигурой и ангельскими личиками. Все как один пилили, рубили, распиливали бревна на дрова, корчевали пни и даже асфальтировали парки, дабы не осталось никаких напоминаний. Так продолжалось несколько месяцев. Все были счастливы от участия в общем великом деле. Все были на подъеме, и любовь к городу, зарастающему тюремной шетиной серого асфальта, была искренней и высокой.

А потом вдруг эпидемия прошла так же внезапно, как началась. Однажды утром люди проснулись и поймали себя на мысли, что им больше не хочется спиливать деревья и корчевать пни. Горожане вспомнили о том, что было еще вчера, и их охватил ужас. Многие, не успев позавтракать, выскочили на улицу и увидели, что в городе не осталось ни одного дерева. Впрочем, каким-то непостижимым, чудесным образом одно дерево все-таки осталось. Оно затерялось во дворе старого дома, предназначенного под снос, и только поэтому уцелело.

Его торжественно пересадили в центр, на главную площадь, но через несколько недель оно засохло. Однако самое худшее состояло в том, что и новые саженцы, срочно в больших количествах завезенные из сельской местности, тоже не приживались и засыхали на корню, словно теперь сам город заразился этим вирусом и отторгал любую растительность.

После этого и началось великое наступление пустыни. Она почувствовала, что последние преграды на ее пути устранены, и начала захватывать город.

...А то случайно уцелевшее, а потом засохшее дерево сохранили, и лучший скульптор города создал его бронзовую копию в масштабе один к одному. Памятник самому стойкому дереву, памятник всем погибшим деревьям, памятник неумирающему безумию человека...

Игорю повезло: он в те месяцы был в Штатах на годовом гранте. Но когда вернулся, долго не мог поверить, что увиденное им – не страшный сон, а новая реальность, в которой предстояло как-то жить. Или делать вид, что живешь.

Шепоты заполняли город. Шепоты и песок. Дыши, не дыши... Первое становилось делать все труднее, второе было привычным, но тоже непростым делом. Уходи под воду, углубляйся в свои кабинетные мысли, пиши, не дыши, окружи себя книгами, из которых уже сыплется песок, закрой окна, двери, ставни, все странички в интернете и даже почтовый ящик. Иногда это удавалось. Правда, ненадолго.

Игорь знал, что когда-нибудь, когда дышать станет совсем трудно, как бывало в детстве во время приступов, он выбросится на берег. Он относился к этому спокойно, потому что всегда помнил про того кита, который был еще жив и смотрел на него огромным глазом, и в нем читалось не столько страдание, сколько непонимание. Отказ понимать происходящее в мире.

Игорь перевел взгляд на книжные полки. Сколько исследований, монографий, статей, докладов и смелых гипотез было написано, опубликовано и высказано за 175 лет, прошедшие со дня публикации «Моби Дика»! А он и ныне там, в глубинах подсознания, среди самых глубоких метафор, ускользающих от логики, от анализа, от слов... И кто из ученых, посвятивших почти всю жизнь изучению великого романа, может сказать положить руку на сердце, что прожил ее не зря? Моби Дик победил на страницах книги и продолжает побеждать до сих пор.

Может, надо было все-таки стать океанологом? Бороздить океаны, опускаться в батискафе в темные глубины, общаться с рыбами, дружить с любимыми китами и дельфинами. В этом было бы намного больше подлинной свободы. И всегда, всегда дышалось бы легко, потому что морской воздух, потому что пространство, потому что океаны...

Сигарета потухла, на дне кружки с чаем тонким слоем лежал песок, и тихое тиканье часов казалось беспощадно громким, заполняя весь дом. Игорь взял ручку и написал в дневнике: «Я бы хотел, чтобы город стал китом и рассказал мне историю своего спасения. Город, ты ведь когда-нибудь станешь китом, правда?» Каждый день Игорь задавал городу этот вопрос. И каждый день ждал ответа. Дыши – не дыши...

Но город молчал...

Наступал вечер...

...И в окнах больницы отражались лучи красного летнего заката. Старик сидел в больничном дворике на скамейке, смотрел слезящимися глазами на старый двухэтажный корпус и рассказывал мальчику о китах. Мальчик слушал внимательно и задумчиво, не перебивал, не задавал вопросов. Он не думал о предстоящей операции, точнее, не волновался. Так велела мама. Она сказала, что и думать нечего, что все будет хорошо, потому что доктор очень опытный, и мальчик просто уснет, а потом проснется, и все будет уже сделано. И даже больно не будет. Ну, может, совсем чуть-чуть.

Несколько дней назад он оказался в больнице, познакомился с этим странным стариком, и они почему-то сразу подружились.

Старика звали Игорем Кирилловичем, он знал все на свете и помнил наизусть много стихов. А еще он умел сочинять сказки.

– Пойдем-ка в палату, становится прохладно, – сказал старик.

Они встали со скамейки и пошли по направлению к корпусу. А навстречу им прошла большая бригада дворников с мощными метлами. Наступал очередной час борьбы с песком, и им предстояло подмести все больничные дорожки и прилегающую к корпусам территорию.

– А что вам снится по ночам? – спросил мальчик. – Наверное, киты?

– И киты тоже, но очень редко...

– Жаль.

– И мне жаль, но ведь им не прикажешь. Плавают где хотят.

– А почему они выбрасываются на берег?

– Не знаю, Игорь. Наверное, потому что устают.

– Разве киты могут устать?

– Еще как могут! Ты даже не представляешь как.

Они постучали ногами по железной решетке у входа, стряхивая с обуви налипший песок, и зашли в корпус. В холле в глубоком кресле сидел главный врач и задумчиво смотрел на аквариум.

– Гуляли? – спросил врач у мальчика.

– Гуляли, – ответил за него старик.

Главврач сделал вид, что не услышал ответа. Ему было запрещено разговаривать с этим стариком. И на самом деле врач его немного побаивался. Игорь Кириллович и мальчик поднялись на второй этаж. Мальчик проводил старика до палаты.

– Зайди ко мне завтра утром, я тебе кое-что подарю. Ведь у тебя завтра день рождения, да?

– Да, – ответил мальчик, – день варенья. А вам не скучно одному в палате?

– Что ты, совсем нет, скорее, наоборот. Приходи часиков в 9 после процедур.

– Процедуры... Опять будут укол делать, так надоело!

– Ну что ж, потерпи. Зато потом будешь здоровым, как...

– Как кто? Вы хотели сказать, здоровым, как кит?

– Наверное, – старик вдруг о чем-то задумался и забыл про мальчика.

– Ладно, до завтра. Спокойной ночи. Если что-то интересное приснится, не забудьте записать!

– Обязательно, тезка, – ответил Игорь Кириллович.

Мальчик прошел в свою палату в конце коридора, где его уже ждала мама, лег на кровать и накрылся одеялом.

– Ну, как ты?

– Хорошо. Ты принесла книжку, которую я просил?

– «Моби Дика»? Принесла.

– Почитаешь?

Мама открыла первую страницу и начала читать: «Зовите меня Измаил...»

Мальчик слушал и смотрел в окно на закатное небо, по которому плыли облака. Теперь ему казалось, что каждое облако было немного похоже на кита. Он перевел взгляд на маму. Ее лицо было усталым и осунувшимся.

– Мама, а ты видела живого кита?

– Нет, дружок, не видела... – она отложила книгу и взяла сына за руку. – Может, хочешь спать?

– Нет, почитай еще, пожалуйста. Мне нравится эта книжка...

На следующее утро мальчик решил зайти к старику до процедур и до завтрака. Уж очень ему не терпелось получить подарок.

Мальчик приоткрыл дверь палаты. Старика на кровати не было, а на соседней койке лежал большой надувной кит и смотрел на мальчика нарисованными черным маркером глазами.

– Игорь Кириллович, вы где?..

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

Рассказ

ФАТИМА ДЖАЛАЛОВА

Рассказ занял II место в конкурсе «Воды бесценный дар» (май–ноябрь 2018 г.)

Морщинистые пальцы с трепетом перелистывают страницы запывившегося дневника. Наткнувшись на черно-белое фото, пальцы судорожно сжимают его и подносят к близоруким глазам. С потрепанной картонки глядят четыре пары искрящихся радостью глаз: выставяющий напоказ большой улов коренастый мужчина, ногу которого обхватили пухленькие ручки маленького мальчика, за ним – крупная девочка с множеством мелких косичек, которую за плечи нежно обнимает невысокая женщина; на заднем плане толпятся грузчики, рыбаки; берег усеян лодками и пароходами, а за ними простирается море, где-то вдалеке сливающееся с небом. Пальцы медленно переворачивают фотографию, и глаза с трудом читают сквозь пелену выступивших слёз:

«5-ое мая, 1968 год.

Мы с семьёй вернулись с рыбалки. Дети так быстро растут! Осману недавно исполнилось 3 года, а Айгуль уже 5. Надеюсь, что Осман продолжит моё ремесло. Уговариваю Зухру родить ещё одного».

Упавшая слеза размывает чернила, и пальцы поспешно вытирают глаза. Пересохшие губы дрожат. Пальцы левой руки хватаются за ручку и, найдя пустую страницу в дневнике, начинают писать:

«Умейте находить повод для радости.

Проживая самые счастливые дни своей жизни, я не осознавал своего везения, продолжая строить планы на будущее и мечтать о лучшем. Только теперь я понимаю, что выезды на природу с семьёй в выходные после тяжёлой, но плодотворной рабочей недели – вот что было для меня настоящим счастьем.

Теперь, спустя 25 лет, я прикован к постели. Единственное, что скрашивает жизнь, – это вечера, когда вы заходите ко мне с внуками. Я бы хотел иметь силы играть с ними, рассказывать истории, обучать чему-нибудь, чтобы они запомнили своего дедушку. Но проклятая болезнь не отстаёт, и мне больно от мысли, что не увижу, как они пойдут в школу, не похвалю за первую пятёрку...

Когда рыболовный промысел начал угасать, я думал, что это худшее, что могло со мной случиться. Вода в Арале с каждой неделей опускалась всё

Фатима ДЖАЛАЛОВА. Родилась в 2001 г. Живет в Ташкенте, учится в 11 классе частной Ташкентской международной школы. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

ниже, уменьшалось количество пойманной рыбы. Первое было следствием недалёковидной политики государства, озабоченного лишь темпами роста экономики без учета рисков для природы, второе – следствием истощения морской жизни из-за высокой концентрации соли. Рыбоконсервные заводы начали закрываться, а за ними опустели и дома: люди спешно покидали край. Мне же, прожившему всю жизнь в Муйнаке, некуда было бежать, да и в душе теплилась надежда, что это временно, стоит лишь немного потерпеть. В день удавалось поймать лишь две-три рыбы, и самым страшным для меня стало возвращение домой к грустной улыбке беременной Зухры и к вашим похудевшим личикам, потому что жили мы только рыбой. Тысячи семей неожиданно испытывали на себе ужасы недостатка питьевой воды и пытки голода. Неизвестность и бездействие потихоньку ломали людей, всю жизнь зарабатывающих рыбным промыслом и отказывающихся верить в суровые предсказания.

Вскоре я получил следующий удар – в самое сердце: истощённая недоеданием, Зухра умерла во время родов.

Но малыш Тохир выжил. В тот день, выйдя из роддома с болью в груди, я прошёл к морю и впервые трезво оценил, что происходит с моей родиной и моей жизнью. Взору открылся пустынный берег, покрытый толстым слоем соли, оставленной отошедшим Аралом. Шагая к лодке, я чувствовал, как соль, поднятая ветром, ударяла мне в лицо, как она проникала в меня с каждым вдохом. Я сел в лодку, ощущая ковёр соли под подошвами ботинок. Когда я смотрел вдаль, где море сливалось с горизонтом, мне чудилось, что я слышу смех людей на набережной, гудки отчаливающих пароходов, гул моторов... Но на самом деле меня окружала давящая тишина, временами прерываемая криками чаек. Я с горечью осознавал, что это моя жизнь и что былую жизнь не вернёшь.

Из лодки я вылез другим человеком и твёрдой поступью направился в сторону роддома. Мои чувства не выдержали нагрузки и отключились. Единственная мысль врезалась в сознание: "Двое подростков и новорожденный – смысл моей жизни – погибли, если я, убитый горем, опущу руки. Сломаться легче, чем пережить ситуацию. Пусть будет тяжело, но я буду трудиться изо всех сил".

Вернувшись в роддом, я застал врача, которая приняла роды, у кровати заснувшего младенца. Она взглянула на меня и осторожно заговорила:

– Неделю назад одна пациентка родила. Ребёнок умер, не прожив и дня. Она и её муж много лет мечтают о ребёнке, но женщина уже в зрелом возрасте, и вряд ли ей выпадет другой шанс. Они будут счастливы принять в свою семью ребёнка. Эта пара – люди воспитанные и образованные; материальное положение позволяет им вырастить ребёнка достойно. И, самое главное, у женщины есть молоко...

Воцарилось долгое молчание. Моим первым порывом было проигнорировать предположение врача, что я отдам своего сына в чужие руки. "Я смогу вырастить Тохира, – думал я, представляя, как укладываю его спать, кормлю... – Материнское молоко... да, малышу придётся испытать лишения, но я буду покупать ему коровье... А на какие деньги? – вдруг спросил я себя. – Ведь успевать ухаживать за малышом и работать – дело немыслимое. Старшие скоро окончат школу, им тоже нужны моя поддержка и внимание..." Казалось, я задохнусь от душивших меня мыслей. Я отчаянно не желал признавать, что не смогу поднимать ребёнка один, что не смогу создать ему необходимые условия. Врач всё это время сидела тихо и, видимо, понимала меня. Я долго глядел на Тохира: маленький, бледный, он был очень похож на Зухру. Чувство, овладевшее мною

в лодке, возникло вновь, но я вдруг вспомнил о своём обещании. Мысли прояснились и, не отводя взгляда от Тохира, я хрипло промолвил:

– Мне надо познакомиться с этими людьми, прежде чем я приму решение.

По лицу врача пробежало сомнение, но голос звучал твердо, когда она ответила:

– Меня зовут Айжан, – я резко впился ей в глаза, только теперь заметив красноту её глаз и морщины под ними, и услышал её прерывистое дыхание. Она продолжала: – Моего мужа зовут Едиге. Я обещаю, что мы будем растить вашего сына как родного и поддерживать с вами связь. Правда, должна сразу предупредить: скоро мы уезжаем к родственникам в Нукус – мужу предложили работу на заводе.

Я нервно глотнул воздуха, прежде чем ответить:

– Я бы хотел познакомиться с вашим мужем как можно скорее. Душа моя желает хоть немного побыть с Тохиром, но я знаю, что после этого не смогу с ним расстаться, да и дети... Как я посмотрю им в глаза и скажу, что мы отдаём малыша, что отец не имеет возможности растить всех троих? Нет, будет лучше решить всё сейчас.

В тот момент, когда Едиге переступил порог палаты, я почувствовал себя так, будто оказался в совершенно чужой жизни, будто смотрел на события со стороны, как в фильме. Руки сами протянулись для пожатия, а губы промолвили несколько вежливых слов. Всё же я чувствовал, как от этой пары исходит доброта, видел, как светятся добротой их глаза. Взяв Тохира на руки, я сказал:

– Только, пожалуйста, оставьте ему имя – Тохир. Это было последнее желание моей покойной жены. Она словно знала, что он улетит из родного края, нарекая его птицей на фарси. Я верю, что когда-нибудь он прилетит, чтобы навестить нас. Живи счастливо и дари радость своим близким, Тохир!

С этими словами я передал сына в руки Едиге. Айжан заверила, что они будут держать меня в курсе событий жизни Тохира. Распрошавшись, я пошел домой. Подойдя к двери, машинально вставил ключ в замочную скважину. Щелчок открывшейся двери заставил очнуться и осознать, что только что произошло. Не закрыв дверь, я бросился бежать в сторону дома Едиге. Но навстречу попались вы, с тяжёлыми рюкзаками и недоумевающими лицами. Опомнившись, я крепко обнял вас. Впервые за день дал волю слезам. Я рассказал вам тогда лишь часть истории о вашей матери... Моя вина, что не рассказал всю правду. Простите меня.

Как мы жили дальше, вам известно: я кочевал с одной работы на другую, вы учились и одновременно пытались подработать. От Айжан регулярно приходили письма, порой даже с фотографиями. Тохир подрос и окреп, в линии губ и взгляде улавливались черты Зухры. Я был рад, что Тохир живёт хорошо, что Едиге и Айжан счастливы, но в глубине души не переставал винить себя за то, что согласился его отпустить.

В юности казалось, что любящий и трудолюбивый человек всегда будет жить в счастье и достатке. Но жизнь быстро развеяла эти мечтания. До тех пор пока рыболовное ремесло, которому я, да и тысячи жителей Муйнака, отдали свою молодость, не погибло вместе с Аралом, я даже не осознавал, какую роль в жизни играет природа. Начались песчаные бури, поднимавшие не только всю соль с земли, но и ядовитые вещества с острова Возрождения. Отравы попадала в воду, убивая рыбу. Одной подписью об использовании вод Арала для орошения полей джентльмены в отглаженных костюмах, сидящие с серьёзными лицами в прохладном зале, превратили Аральское море из источника

жизни в смертельное оружие, убивающее и плоть, и души жителей. Люди, не имеющие иного дома, начавшие болеть, худеть, оказались забыты миром, озачиненным повышением любой ценой темпов развития экономики.

Когда-то отец с блеском в глазах рассказывал мне о зелёных бухтах и резвых сайгаках острова Возрождения, превращённого в военный объект. Было очень грустно, что я не застал этой красоты. Однако даже в голову не приходило, что грядёт разрушение ещё большее и что я сам буду рассказывать новому поколению о былых днях, когда жизнь кипела в полноводном Арале и по его берегам жили крепкие, здоровые, уверенные в своем будущем люди. Когда дома меня встречали улыбка Зухры и ваш смех, я мгновенно забывал о неприятностях на работе.

Но я благодарен судьбе, что у меня есть вы, что у вас есть семьи, что вы заботитесь обо мне. Это даёт повод радоваться. Однако одолевают мысли о будущем: что станет с нашим краем, сможете ли вы тут жить? Я одобряю ваше желание посвятить жизнь возрождению края, но боюсь, как бы это не подвергло опасности ваши семьи, ваше здоровье, ваши жизни. Я считал, что болезни, распространяющиеся по региону, меня обойдут стороной, но как же я ошибался! Учитесь на моих ошибках и берегите себя! А родному краю вы сможете помочь даже издалека, рассказывая миру о проблеме. Возможно, тогда государство начнёт, наконец, предпринимать что-то для изменения условий жизни края, а весь мир, узнав о катастрофе, будет задумываться о последствиях своих действий. Вы можете также снять копии с работ Рафаэля Матевосяна, который запечатлел Арал в разные годы. Увидев его картины, я восхитился тем, как искусство может поднять острую проблему. Так что открывайте свои переживания миру!

Если Тохир когда-нибудь найдёт вас, покажите ему это письмо и передайте, что я люблю его и надеюсь на прощение. Знаю, что вы почувствуете в нём родную кровь и примете участие в его жизни.

Горжусь вами, дети! Живите счастливо!

Любящий вас отец».

Дрожащие пальцы аккуратно вырвали страницы из дневника и положили их в конверт вместе с черно-белой фотографией. Затем, с любовью выводя каждую букву, подписали конверт: «Моим детям».

* * *

Рассказывали, как через несколько лет приятный молодой человек приезжал искать свои корни. Айгуль и Осман рассказали ему о смерти отца и отдали письмо. Прочитав его, он долго бродил по пескам в одиночестве и уехал в тот же день, успев снять копии с картин Рафаэля Матевосяна.

Спустя недели он вернулся с группой джентльменов в отглаженных костюмах, которые прошлись по окрестностям, пообщались с жителями и уехали.

А через полгода он приехал в сопровождении нагруженных баллонами с водой, свежими фруктами, овощами, вакцинами, лекарствами, тёплой одеждой грузовиков и автобусов, с врачами и опытными фермерами.

Айгуль и Осману, да и остальным жителям стало легче находить повод для радости.

А приятный молодой человек поселился в доме покойного отца – на той земле, где родился.

КОНКУРС РАССКАЗОВ «ВОДЫ БЕСЦЕННЫЙ ДАР»

В мае 2018 года инициативная группа писателей при участии членов Совета по русской литературе Союза писателей Узбекистана объявила конкурс рассказов на тему «Воды бесценный дар», продлившийся до ноября 2018 года. Конкурс был посвящен проблеме Приаралья. От Аральского моря, еще в конце 50-х годов XX века считавшегося четвертым по величине среди внутренних морей Земли, как известно, в наши дни осталась десятая часть. Все остальное превратилось в пустыню, и у нее появилось официальное название – Аралкум. Но трагедия не только в потере моря. Трагедия приобрела больший размах, охватив экономику, условия жизни, здоровье населения, проживающего в этом регионе. Экологическая обстановка в некогда благополучных районах, с древности процветающих как вехи Великого Шелкового пути, вышла на красную черту опасности для жизни.

Конкурс на тему Арала – это еще одна попытка привлечь внимание общественности к экологии региона, дать еще один повод человеку остановиться в своей деятельности и подумать о важности сохранения гармонии в природе.

Организаторы конкурса поставили перед авторами цель – написать не публицистическую заметку, очерк или статью, а художественное произведение – рассказ определенного объема.

Ограничение объема текста, лаконичность подачи материала, на взгляд организаторов конкурса, способствуют целенаправленному поиску интересного сюжета, для создания которого автору придется немало потрудиться – искать необходимый материал, изучать его, совершенствовать форму подачи материала. Выстраивая свою работу над текстом в соответствии с правилами конкурса, автор включается в увлекательную игру, победой в которой может стать создание лучшего произведения, и не только в рамках конкурса, но и в своем творческом архиве.

Подведение итогов конкурса состоялось в конце ноября в конференц-зале Союза писателей Узбекистана. Присутствовали конкурсанты, члены жюри, представители Союза писателей, редакций журналов «Шарқ Юлдузи», «Жахон адабиёти», «Ёшлик», «Звезда Востока», ведущих блогов.

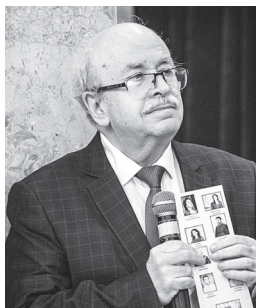
На конкурс «Воды бесценный дар» поступило семнадцать работ на русском языке и две – на узбекском. Возможно, такая низкая активность писателей Узбекистана связана с необычным форматом конкурса. Он был объявлен как некоммерческий на сайтах информационных партнеров конкурса, в социальной сети Фейсбук, правила конкурса были напечатаны в газете «Леди». Но тем не менее конкурс состоялся и оправдал цели. Участники конкурса отразили в своих работах проблему Приаралья, а писательский цех Узбекистана пополнился новыми именами.

Лучшими работами, по мнению жюри, в составе которого были Раим Фархади, Галина Долгая, Эльмира Олейникова, Раиса Крапаней, Владимир Васильев и др., признало рассказы известного узбекистанского поэта Баха Ахмедова «Китовый блюз» и рассказ молодого, удачно заявившего о себе автора, Фатимы Джалаловой «Сильные духом».

Конкурс рассказов в поддержку Аральского моря – это вклад людей, неравнодушных к благополучию Земли – нашего единственного дома – в борьбу за прекращение неразумной деятельности человека в отношении главного сокровища природы – воды.

*Я верю, что счастливый день настанет,
И в свете солнца волны зашумят,
Арал вернётся, людям жизнь подарит,
Такры сменит дивный райский сад.
(Александр Евсеев)*

Галина ДОЛГАЯ

АНДРЕЙ СЛОНИМ

Бессловесны тайны мирозданья

25 января 2019 года А. Е. Слониму исполнилось 70 лет. Общественный совет и редакция журнала «Звезда Востока» поздравляют юбиляра, желают доброго здоровья, творческого вдохновения и долголетия.

Соло Любви

На миг замрите, жители Земли, Замолкнут пусть слепые ваши страсти! Ведь с вами – Я! Вблизи Я – и вдали, И в радости, и в горе, и в пыли, И в нежности дарованной мне власти. Во всём земном и в неба вышине Я к вам стремлюсь в исходах и начале. Но, даже обратив лицо ко мне, И в шуме дня, и в полной тишине Меня в упор вы видеть перестали.	Вы много слов сказали про меня, Но не постигли главного при этом! А мне дано лишь, тайны все храня, Беречь огонь любви... Но, как броня, Крепка преграда перед ясным светом. Твердите вы: «Любви на свете нет...» Но кто сумеет верить – будет встречен Мной с радостью! И, может быть, в ответ Я подарю ему свой вечный свет, Что в ослепленьях вами не замечен.
---	--

По жизни поведу его сама.
И в жаркий зной, и в лютые морозы
Свершится всё: и радости, и тьма,
И горечи, и пиршество ума,
И счастье обновления, и слёзы...
От многого смогу я заслонить,
И тьма отчасти пронесётся мимо.
...А дальше – за чертой, где рвётся нить, –
Смогу такое чудо совершить,
Что в этих днях для вас непостижимо!..

Андрей СЛОНИМ. Режиссер-постановщик ГАБТа им. А. Навои. Заслуженный деятель искусств Республики Узбекистан. Родился в 1949 г. в Ташкенте. Автор поэтических сборников «Перекрестки», «Мгновения». Публиковался в журналах и альманахах Узбекистана и России.

* * *

Время нам на пятки наступает,
Обгоняет, бурно рвётся вдаль.
Кажется – минувшего не жаль,
А что будет – Бог один лишь знает.
Всё пройдёт... Неясная печаль
Каждое мгновенье провожает.

Словно дети, веря, что летим,
По тропе, хромая, ковыляем.
А вокруг туман – не замечаем
Контуры путей своих за ним...
И, гордясь, решенья принимаем,
Не постигнув, – что же мы творим?

Чьи шаги глухие там и тут
Мерной чередой звучат в сознание,
Нарушая звонкое молчанье
В прошлое умчавшихся минут?
Бессловесны тайны мирозданья
В тупиках сомнений тёмных смут.

В том, что в правоте ничтожной правы,
Твёрдо мы всегда убеждены,
Верим – прегрешенья прощены,
Не внушают страх судеб забавы.
От ответов мы отстранены
Призрачностью человеческой славы...

В свете дня иль в полночи бессонной
Некий Взор рассматривает нас.
Оценён наш каждый миг и час
Властной волей силы неуклонной...
Хоть во многих душах свет угас,
Машем мы крылами в тьме бездонной.

Лишь, как прежде, горькая печаль
Нам сердца украдкою сжимает.
Утомлённый разум уж не знает,
Жаль ему чего-то иль не жаль?
Смогло всё... А Время нас толкает
Снова в спину, устремляя вдаль...

* * *

– Кто истин ищет в новом смысле,
Презрев привычности основ?
– Тот, кто вникает в тайны мысли
Ещё не высказанных слов.
– Кто верует, что всем владеет?
– Тот всех беднее – и всего!
– Кто знает всё и всё умеет?
– Не ведает тот ничего!

– Кто страстью в слепоте играет?
– Тот, кто любви вовек не знал.
– Кто в ужасе, что проиграет?
– Тот, кто давно всё промотал.
– Кто ценит вечное желанье
Сильней, чем смыслы и исход?
– Лишь тот, кто мигу обладанья
Стремленье духа предпочтёт!

– Кто полон песнею неспетой?
– Тот, кто сумел её найти.
– Кто счастлив в бурной жизни этой?
– Тот, кто всегда, всегда в пути.
– Кто шёл сквозь брентную жизнь нашу,
Не встретив потайное дно?
– Тот, кто свою наполнил чашу
Воображаемым вином...

– Кто видит белый цвет одежды
Через заслон судьбы стопы?
– Тот, кто чуть слышный зов надежды
Изведать смог сквозь рёв толпы...
– Но кто ж узнает всё, что будет?
– Тот, кто, быть может, и дойдёт...
– ...А кто всё взвесит и рассудит?
– Тот, кто, дав выбор, вечно ждёт...

* * *

Это всё – лишь слова...
А слова
Жизнь земная,
их зная,
развеет.
Но желтеет трава.
Как дрова,
Мир пылает,
сгорает
и тлеет...
Что шипишь ты, молва?
Ведь жива
Яркость лета,
рассвета
и грёзы!
Неба вечно нова
синева,
И ждут света
привета
берёзы...
Всем безмолвье сулит
холод плит
Векового
глухого
молчанья.
Кто-то в мире не спит
и твердит
Текст больного
пустого
признанья
В том, что жизнь всё летит
и спешит,
А основы
все снова
застыли.
Что утратил свой вид
и забыт
Смысл и слова,
и крова,
и были...

Как же быть нам? Понять
речи снов?
Но так ветхи
заметки
всех мнений...
Ждут, быть может, нас пять
лепестков
В шансе редком
на ветке
сирени?
В исступленьях опять –
мир не нов! –
Мы ту ветку
нередко
ломаем,
Чтоб найти эти пять
лепестков,
Что столь редко
на ветках
встречаем...
А сирень всё цветёт
и зовёт!
Призрак счастья,
он – в сласти
соцветий
Манит дух и живёт.
В нём – исход
Всех ненастий,
несчастий
стоletий.
Что ж! В осколках основ,
в безднах снов,
В тьме бесстрастий
дар счастья
оценим!
Пять найдём лепестков
без оков –
Символ власти
и страсти
сирени!

Ветер

*«Ветер, ветер
На всём Божьем свете!»*
(А. Блок)

Как в строчках Поэта – на всём Божьем свете,
Над шагом столетий, над тяжестью плит
Таинственный ветер,
Неведомый ветер,
Незнаемый ветер

Всё время летит...

И кто бы за что бы ни был бы в ответе, –
Иль – царь всемогущий, иль – мнимый кумир, –
Единственный ветер.
Неистовый ветер,
Всевластнейший ветер

Меняет весь мир.

В смятениях, в необретённом ответе,
В туманах эпох, что клубятся, как дым, –
Сдувает всё ветер,
Сметает всё ветер,
Счищает всё ветер

Порывом своим...

В раздорах трагедий смятенных столетий,
В пирах и смертях в свой потайный черёд –
Один только ветер,
Бесстрастнейший ветер,
Ниспосланный ветер

Свершает исход.

...Уходят в цепи Высшей воли соцветий
Эпохи и люди под толщу песка.
И слышит всё ветер,
И видит всё ветер.
И знает всё ветер...

И вечна тоска...

ТВОРЧЕСТВО – СОСТОЯНИЕ ДУШИ

Редкий концерт в узбекской столице обходится без руководства или профессионального совета Заслуженного деятеля искусств Республики Узбекистан, Заслуженного работника культуры, кавалера ордена международной ассоциации «Искусство народов мира», режиссёра-постановщика, театрального сценографа, поэта, публициста А. Е. Слонима.

А. Е. Слоним – коренной ташкентец. Его прадедушка и прабабушка прибыли ещё на верблюдах в Ташкент в конце XIX века из Оренбурга. Дед Моисей Ильич Слоним – выдающийся медик, профессор, основатель ТашМИ, первый директор Института усовершенствования врачей. Отец – Евсей Моисеевич – остался в светлой памяти наших

земляков как талантливый архитектор-педагог и искусствовед. Сестра отца – доктор физико-математических наук Юдифь Моисеевна – астроном международного масштаба. Более 60 лет она возглавляла отдел физики солнца Ташкентского астрономического института и создала свою научную школу изучения и прогнозов солнечных вспышек. Бабушка со стороны матери, Евгения Валериановна Рачинская, была известным работником просвещения Узбекистана, она внесла весомый вклад в дело расселения по узбекистанским семьям и детским домам тысяч детей-сирот, эвакуированных в годы войны. По проектам матери А. Е. Слонима, архитектора Ирины Александровны Рачинской, были построены десятки школьных и жилых зданий в Узбекистане с конца сороковых до середины шестидесятых годов прошлого века.

Окончив в 1966 году (памятном разрушительным землетрясением) с золотой медалью 110-ю школу, он, собираясь стать физиком, поступил на физфак ТашГУ. Но любовь к классической музыке, привитая с детства, взяла верх. Андрей Слоним окончил Ташкентский театрально-художественный институт им. А. Н. Островского, педагогический уровень которого в те годы был сопоставим с лучшими творческими вузами Москвы, став оперным режиссёром.

За 45 лет разнообразной и плодотворной деятельности Андрей Евсеевич осуществил на разных сценах постановки более 65 спектаклей. С 1990 года он – ведущий режиссёр-постановщик и сценограф государственного академического Большого театра Узбекистана имени Алишера Навои. Андрей Евсеевич плодотворно сотрудничает со всеми дирижёрами Узбекистана.

В настоящее время А. Е. Слоним признан одним из ведущих мастеров оперной режиссуры республики. За последние 20 лет он поставил на сцене ГАБТа имени А. Навои более 25 произведений композиторов Узбекистана и произведений русской и мировой классики.

Сегодня зрители являются свидетелями ещё одного смелого эксперимента Маэстро – постановки весьма своеобразной оперы узбекского композитора Н. Закирова «Путь к трону» на сюжеты трагедий В. Шекспира «Гамлет» и «Макбет».

Андрей Евсеевич не только автор оперных постановок, но и постановщик более 200 театрализованных проектов, концертов-композиций, сочетающих оперное, камерное исполнительство и поэтическое слово, а также организатор, постановщик и участник многих творческих литературных вечеров.

Около 40 лет он занимался театральной педагогикой и руководил курсом «Оперного мастерства» в Ташкентском театрально-художественном институте имени А. Н. Островского. Разработанная им специальная методика подготовки певца-актёра оперы была высоко оценена в Узбекистане и за его пределами.

Андрей Евсеевич активно участвует в общественной жизни республики, достойно представляет узбекистанское музыкальное искусство за рубежом. Организатор, председатель и член жюри многих театральных и музыкальных фестивалей и конкурсов, в том числе международных, А. Е. Слоним сотрудничает с различными культурными центрами Узбекистана – русским, украинским, польским, немецким, белорусским, азербайджанским.

Андрей Слоним – автор поэтических сборников «Перекрыстки», «Мгновения», авторизованного перевода цикла Г. Грасса «Страна ноября», а также многих публикаций в журналах и альманахах Узбекистана и России, лауреат ежегодной премии Союза писателей Узбекистана «Творить во имя Родины» (2013) за публицистическое творчество. Много лет А. Е. Слоним руководит литературно-творческим объединением «Истоки» и поддерживает творческую дружбу с АТО «Данко», организует литературно-музыкальные вечера.

Благодарные зрители желают Андрею Слониму здоровья, верности избранному пути, новых озарений в литературном и театральном творчестве.

Гуарик БАГДАСАРОВА

РАЗВОД ПО-АМЕРИКАНСКИ

Рассказ

Виктор ГОРОШИН

*Только стечение обстоятельств открывает нашу
сущность окружающим и, главное, нам самим.
Франсуа де Ларошфуко*

Сеть ресторанов «Меркурий» существует уже около ста лет и раскинулась от Нью-Йорка до самых до окраин, или, как поется в другой популярной песенке, от гор до прерий. Конечно же, с Божьего благословения. Поговаривают, что сеть эту создали в свое время бутлегеры с разумной целью сократить число посредников в обеспечении измученных сухим законом сограждан всякими там животворящими напитками. Но время шло. Неумный закон отменили, вчерашние бандиты превратились в уважаемых бизнесменов или даже политиков, а сверкающие позолотой и хрусталем залы «Меркурия» сохранились. В течение десятилетий их продавали, захватывали, завешали благодарным и не очень наследникам, пока, наконец, все они не достались одному небезызвестному магнату. На местах у него сидят адвокатские компании, подбирающие персонал, получающие свои проценты и свято блюдушие интересы нанимателя. Человек, появившийся в тот вечер в фойе «Меркурия», являл собой разительный контраст с обстановкой и публикой ресторана. Да, на нем был костюм, но определить, сколько ночей он проспал в нем на парковой скамейке, было сложно. Пиджачок как-то нелепо топорщился в самых неожиданных местах, а брюки не гладились, видимо, со времен тех самых бутлегеров, с которых все и началось. Правда, он был в галстук, не самом модном и чистом, но все же в галстук, как и положено посетителю уважаемого заведения. Описывать обувь мы не станем, но что-то там на ногах все же было. Облик незнакомца завершали спутанные волосы, смущенный взгляд и трехдневная щетина, не имеющая никакого отношения к моде и стилю.

Первым, как и положено по должности, вошедшего заметил менеджер ресторана, уютно расположившийся за стойкой у входа. Вы представляете, он ему даже ободряюще улыбнулся: дескать, ничего, браток, ошибся дверью, с кем не бывает... И вернулся к своим бумагам. Но человек как-то робко, бочком, подошел к нему и с легким восточно-европейским акцентом произнес:

– Здравствуйте. Не могли бы вы проводить меня к столику? Я сегодня хочу пообедать в вашем ресторане.

Виктор ГОРОШИН. Писатель, журналист, теле- и радиоведущий. Родился в Ташкенте. Окончил ТашГУ (ныне НУУЗ). Один из основателей и глав. ред. газеты «Читай!». Создатель и ведущий программы «Галопом по Америкам» на «russiantownradio» Атланты. Автор сборника рассказов и детективной повести «Непонятное дело Полины Томпсон».

Сергей

– ...А у руля большой программы мира...

– Товариш Брежнев Леонид Ильич!!! – заканчивает стихотворение двенадцатилетний мальчишка. И шесть тысяч делегатов очередного съезда вскакивают со своих мест и аплодируют, аплодируют. И не могут остановиться, и восторг охватывает их сердца. И уже в который раз осознают они, что живут в самой лучшей на свете стране. И руководит ими самый умный, самый сильный, самый смелый и самый красивый. Как в том прекрасном мультике про львенка, который мальчишка любил смотреть по телевизору.

Он был умным мальчиком и уже тогда понимал, нет, скорее, чувствовал, что эти взрослые чего-то недоговаривают, а порой и ловил их на откровенной лжи. Как этот пожилой, не очень образованный человек, едва поднимающий руку, может быть у какого-то там руля?

Через три года он выиграл Всесоюзную олимпиаду по химии. В финальном туре схватился с девчонкой из Бурятии по трактовке общественной значимости закона Ломоносова-Лавуазье. Ему так хотелось рассказать ей, жюри, папе с мамой, что, чем больше тратится денег на всякие нелепые проекты, тем меньше остается их на что-то действительно нужное. Но он был умным мальчиком. И помнил о судьбе Лавуазье. А потому говорил только то, чего от него ждали.

В двадцать лет, начав заниматься восточными единоборствами, полетел в далекий Ташкент на первый и, увы, единственный чемпионат Союза по карате. И даже почти выиграл у самого известного в стране пирата-каратиста, того самого, которого спустя несколько лет убили друзья-единоверцы.

Это было странное время. Время, когда под неба утреннего стяг... вся страна... в едином порыве... под мудрым руководством... не расставаясь с комсомолом... И Муляж в мавзолее такой, мать вашу, молодой, и октябрь почему-то юный, хотя вроде бы и осенний. Но!!! Что это были за НО! Там Окуджава путешествовал со своими дилетантами. Там буйствовал бесстрашный Аксенов. Там, как черт из табакерки, выскакивал бесподобный демон – альтист Данилов. А Катаев, этот старенький, так и не оправившийся от страха Катаев, вдруг вытащил на свет то, что десятилетиями прятал в тени одинокого паруса и боялся показать даже ближайшим родственникам. И страна месяцами играла в его угадайку и сопереживала новому Вертеру. А еще «Иностранка», эта скучная, косная «Иностранка», так любящая прогрессивных африканских писателей, вдруг отчаянно выплескивалась то Ирвином Шоу, то Уайлдером, а то и Айрис Мердок до всякой там терпимости и лояльности к меньшинствам. И Градский кричал из окон, мол, «деспот пирует в роскошном дворце»!..

Извините, отвлекся. Но вернемся к нашему герою, который уже заканчивает университет и готовится к аспирантуре. Впереди блестящее будущее. Не без которого конформизма, конечно, но не мы его придумали. Однако, как вскоре выяснилось, судьба решила внести свои коррективы. И это за три дня до защиты дипломного проекта!

В те времена на каждом углу были огромные панно с портретами Леонида дорогого Ильича. Вот и на остановке, где Сергей с другом ожидали общественный транспорт, что-то такое установили. И дернул дружка черт за язык:

– Смотри, какие у него часы хорошие, – указал он на портрет.

– Да, – лениво отозвался Сергей, – видимо, может себе позволить.

– Точные, наверное.

– Не будь наивным, – Сергей поборол зевоту, – отстают лет на двадцать пять...

И как-то не обратили они внимания на дяденьку лет пятидесяти, скромно стоящего рядом. А дяденька по профессиональной привычке обращал внимание

на все. Поэтому он подозвал проходящего рядом милиционера, достал какую-то корочку и представился:

– Майор Мишин. Комитет государственной безопасности. Пройдемте-ка, молодой человек, со мной. Здесь недалеко. Познакомимся.

– А я? – спросил друг.

– А вы идите по своим делам. К вам у меня претензий нет.

– А к нему какие претензии? – друг ответил преданный, друг ответил искренний.

– Идите, идите, юноша. А то и к вам появятся.

К чести Сергея скажем, что ему абсолютно не хотелось втягивать товарища в скверную историю. Поэтому он, не оборачиваясь, пошел прямо в указанном майором направлении. Впрочем, тот большой мрачный дом, к которому они направились, в городе был известен всем.

Войдя в здание, майор привычным и явно формальным жестом показал дежурному свое удостоверение, на ходу бросил: «Этот со мной!» – и прошел к лифту. Сергей тянулся следом, гадая, поедут ли они наверх или совсем в другую сторону, как, скажем, Штирлиц с Мюллером. Поехали на пятый этаж, что почему-то немного успокаивало. Мишин завел Сергея в какую-то комнату, в которой из мебели были только письменный стол и два стула.

– Документы есть?

– Есть, – сказал Сергей, протягивая студенческий билет.

Мишин раскрыл книжечку, наметанным взглядом сличил фотографию с оригиналом и бросил ее на стол. Он уже пожалел, что в необдуманном порыве служебного рвения притащил сюда этого парня, ровесника своего сына. Он знал таких ребят, часто видел их у себя дома, любил с ними разговаривать. Его удивляла и почему-то радовала та страстность, с которой они отстаивали свою точку зрения, даже зная о его профессии. Он завидовал им. По крайней мере, тому, что выросли они уже в более-менее вегетарианские времена и могли позволить себе многое из того, за что он в их возрасте получил бы десять лет лагерей, а то и пулю в подвале. Майор вспомнил недавний разговор с сыном. Валерка называл этих странных ребят – Синявского и Даниэля – совестью нации. Мишин уже почти забыл процесс над ними, прошло довольно много времени, но хорошо помнил, что одному дали всего пять лет, а другому – семь.

– А ты можешь представить, что бы с ними стало лет тридцать назад?

– Папа, нельзя сравнивать себя с палачами прошлого. Неужели ты не понимаешь, что такое не могло произойти ни в одной цивилизованной стране? Как ты можешь быть частью этой давилъни?

И он не смог ответить этому самому любимому существу на свете, что стал частью давилъни просто потому, что сам очень боялся быть раздавленным.

В общем, парня нужно было немедленно отпускать. Мишин начал было подниматься, чтобы вывести его из здания, но тут в кабинет вошел его непосредственный начальник подполковник Смирнов.

– Хорошо, что ты здесь, – сказал он. – Есть срочное дело. Зайди ко мне минут через пять.

Тут он заметил сидящего на стуле Сергея.

– Кто это у тебя? Очередной изменник Родины?

Взяв со стола студенческий билет Сергея, он заглянул в него.

– И за что вы здесь, Сергей Владимирович?

– Пошутил неудачно...

– Ах пошутили неудачно. «Мастера и Маргариту» читали, надеюсь? Помните, там рыцарь был один? Тоже пошутил неудачно. К Сатане попал. Вот и вы тоже... Попали. Что делать-то собираетесь?

– Собирался в среду диплом защищать. Потом на военные сборы...

– Вот и защищайте. И валяйте на свои военные сборы. Билетик-то ваш я пока у себя подержу. Там подумаем, что с вами, шутником таким, делать.

Он снова повернулся к майору.

– Гони его на хрен. И быстро ко мне.

Защита прошла успешно. Красный диплом был обеспечен. Через пару недель Сергей уехал на сборы. Вся эта история не то чтобы стала забываться, но появилась надежда, что о нем забыли. Или простили.

Но за пять дней до окончания сборов Сергея вызвали в штаб, где буднично сообщили, что приказом ректора его место в аспирантуре отдано другому претенденту, а он распределяется в Министерство обороны СССР и направляется в ограниченный контингент Советских войск в Афганистане.

– Ну, знаешь, наверное. Это страна такая. Мы ей военную помощь оказываем. Чтобы всякие там империалисты ей какого зла не причинили, – пошутил начштаба. – И молодые лейтенанты там ох как требуются.

Такой неожиданный поворот судьбы мог организовать либо Господь Бог, либо Комитет государственной безопасности. Впрочем, в те времена второе немногим уступало первому.

В Афганистан Сергей прибыл аккурат в день смерти дорогого Леонида Ильича.

– Так вы проводите меня к столику? – голос незнакомца звучал тихо, но настойчиво. – Или мне пройти самому? Я еще не знаю ваших порядков.

Менеджер еще раз, уже внимательнее, оглядел вошедшего.

– Послушай, приятель... Как бы тебе это лучше объяснить? Я думаю, тебе у нас не понравится. Тут за углом есть парочка кафешек с быстрым питанием, загляни к ним.

– Извините, сэр. Мне не кажется, что мы с вами приятели. Мы даже не знакомы.

– Велика беда. Меня зовут Богомил.

– Я вижу, – незнакомец указал на бейджик, приколотый к пиджаку менеджера. – Но и это не дает вам права фамильярничать со мной.

– Ну извини, дружок. Больше не буду. Зайди как-нибудь в другой раз, когда переоденешься. Буду рад. Кстати... твой акцент... Ты, кажется, русский...

– Какое это имеет значение, сэр?

– Точно! Русский. Сорок лет от вас житья не было, так и здесь достали. Давай-ка убирайся отсюда по-хорошему, пока я полицию не вызвал.

– Сэр, у вас нет оснований вызывать полицию. Я не сделал ничего плохого...

– Он действительно не сделал ничего плохого.

Они и не заметили, что еще один господин находился в холле ресторана. Пару минут назад он вышел из зала и с интересом прислушивался к диалогу менеджера и странного посетителя.

– Этот господин предельно вежлив, а вот вы ведете себя с ним неподобающим образом. Неужели это лишь потому, что он русский?

– Сэр, – возразил менеджер, – я только выполняю свою работу. Не будете ли вы так любезны пройти в зал?

– Не буду, – ответил господин. – По крайней мере пока вы не объясните мне, почему не пускаете этого человека в ресторан.

– А почему я должен вам что-то объяснять? И, судя по вашему виду, вы сами прекрасно понимаете, что в нашем ресторане существует определенный дресс-код.

– Да. И я с ним знаком. Вы не пускаете людей без галстуков, в шортах, в тапочках, возможно, в водолазных костюмах... Что нарушает этот господин?

– Да вы посмотрите на него!

– Смотрю. И пока не вижу ничего плохого. Или у вас есть список брендов, допущенных в вашем заведении? Покажите его, и я отдам этого человека вам на съедение.

Менеджер задумался.

– Знаете, господа, – при слове «господа» он с издевкой посмотрел на плохо одетого посетителя, – я, пожалуй, позвоню своему региональному руководителю.

Он вытащил из кармана телефон и отошел в сторону. Несколько минут почти-точно ждал. Видимо, кто-то очень важный был занят. Наконец заговорил в трубку и, выслушав распоряжения, вернулся с пылающими удовлетворением глазами.

– И все-таки, сэр, – с издевательской вежливостью произнес он, – я настоятельно прошу вас покинуть пределы нашего ресторана. В противном случае я вынужден буду вызвать полицию.

– Ну что ж, вызывайте, – сказал хорошо одетый господин. – Посмотрим. А вы, сэр, пока посидите, пожалуйста.

Уже почти два года находился Сергей в Афганистане. Батальон, в который он попал служить, охранял какой-то якобы засекреченный аэродром. Как можно засекретить объект, с которого постоянно взлетают самолеты, Сергей не понимал, но это было далеко не единственное и не самое главное, чего он не мог понять на этой войне. Ему повезло. За время службы он не потерял ни одного своего бойца, несмотря на то что взвод нес караульную службу. Хотя отдельные попытки противника захватить аэродром все же случались. В свободное время Сергей занимался с солдатами восточными единоборствами, чем снискал их глубокое уважение. Они вообще любили своего «пиджака», как называли офицеров-двухгодичников. Да и сам он повышал свое мастерство со спецназовцами, база которых находилась неподалеку.

Месяца за два до окончания службы взвод Сергея выделили для охраны какой-то колонны, движущейся в направлении Кандагара. Все шло довольно гладко, пока колонна не напоролась на маленькую каменную крепость, буквально ошетилившуюся посередине небольшой полянки. И какие-то явно недружелюбно настроенные ребята из этой крепости метко стреляли. Сначала послали взвод Володи Кулибина, дабы выбил он супостата с насиженного места. Не вернулся Володя. И ребята его тоже... Семнадцать человек так и остались в поле. Да кто ж их считает-то? Через пару часов вызвали в штаб-палатку Гришку Резникова. Не вернулся и он. Двое раненых бойцов чудом сумели приползти обратно. Их обещали отдать под трибунал. Но, видимо, что-то все же дрогнуло в сердцах отцов-командиров.

Решили попытаться пострелять по камням из БТРД, подогнали его к месту событий. А внутри – необученный стрелок-наводчик. Как почти все стрелки-наводчики Советской Армии. Как же их обучать-то, если патроны денег стоят и продать их всегда можно?! Да хоть тем же афганцам... Короче, пострелял БТРД в белый свет, как в копеечку, а в ответ получил снарядик бронебойный, из гранатомета умелой рукой посланный. И разметало у ребят руки-ноги по поляне.

Уже ближе к ночи командиры вызвали к себе Сергея.

– В общем так, лейтенант, – сказал ему начальник колонны майор Зубов. – Сам видишь, что происходит. А за охрану колонны именно ты отвечаешь. Причем головой. Так что в семь утра придешь и доложишь, что дорога свободна. Что нужно ответить?

– Есть, – сказал Сергей.

– То-то же, – майор сделал вид, что улыбнулся. – Если еще и пару духов приведешь – что-нибудь на кителек повешу.

Это так страшно, когда ставишь перед собой взвод двадцатилетних мальчишек и сообщаем, что «поставлена задача...» И каждый понимает, что в переводе на человеческий язык это означает не что иное, как: «Ребята, сегодня ночью нам нужно умереть». Сергей вдруг подумал, что продолжительность человеческой

жизни – это не какие-то астрономические цифры. При самом благоприятном, фантастическом, везении в ней всего пять тысяч недель. От этого ему почему-то стало легче. Он смотрел на своих ребят, не проживших на земле и семи тысяч дней, и высчитывал, что и сам-то он старше их на какие-то несколько тысяч часов.

Сергей вспомнил, как в веселые и безграмотные студенческие времена несколько девчонок делали от него аборт. Подумал, что сейчас у него могли бы быть дети. Было бы ему легче с этим умирать? Он не знал.

Атаку он назначил на 3 часа утра. Самое темное время. Была призрачная надежда, что духи спят, что в темноте их не увидят... Блажен, кто верует... Они залегли метрах в ста от противника и приготовились к последнему броску. Тихонько скомандовав, Сергей бросился вперед. Первым. Ему было стыдно перед своими пацанами.

Но если не везет – так уж не везет. Ну почему именно в это мгновение какому-то афганцу вздумалось запустить осветительную ракету? «Все. Конеч. Стреляй – не хочу». Он широко раскинул руки, будто собирался взлететь, и бросился вперед. Несколько секунд разбега. Время принятия решения. Все. Отрыв... Вдруг он всем телом ощутил, что буквально врезался в ту самую стену, к которой так стремился. И по нему никто не стрелял... Сергей выхватил гранату и кинул в проем стены. Потом вторую. Третью. Послышались какие-то крики, потом стоны. Заглянул внутрь укрепления и увидел искореженные тела и пулеметы. Три человека мертвы. А один, совсем юный, не старше его бойцов, держится за искалеченную ногу и с испугом смотрит на Сергея. Лейтенант огляделся. Он сразу все понял. А потому бессильно опустился на землю, прислонился к стене и... заплакал.

Его взвод за ним не поднялся. Они любили своего «пиджака», эти ребята. Но жизнь они любили больше.

Уже при допросе того самого раненого мальчугана выяснилось, что же произошло на самом деле. Афганцы, увидев бегущего человека, раскинувшего руки, решили, что это обыкновенный перебежчик, которых в той войне хватало. Поэтому и не стреляли. Так и погибли, недоумевая...

А дальше было совсем забавно. Как раз в это время приехал в Афган какой-то маршал. То ли заместитель министра обороны, то ли заместитель заместителя. Черт их разберет, этих маршалов. Приехал с инспекцией и подписанными наградными документами, в которые надо было только фамилии вписать. И вот как-то после обеда, сытый и разомлевший, попросил он местных полковников развлечь его какой-нибудь героической историей. Те ему про Сергея и рассказали. Маршалу история понравилась. Махнул он рюмашку, махнул другую, крикнул довольно, и стал Сергей – ни больше ни меньше – Героем Советского Союза. А раз командир герой, то и взвод у него, значит, геройский. Так что и мальчишкам тоже по медальке перепало.

Менеджер «Меркурия» откровенно нервничал. Уже пять минут прошло с того момента, как он объяснил оператору службы спасения всю критичность ситуации, а помощь все не появлялась. Не выдержав напряжения, он снова схватил телефонную трубку.

– Это ресторан «Меркурий», – он назвал адрес. – Я менеджер. Я уже звонил, проверьте, пожалуйста. У нас тут черт знает что происходит, я не знаю, что делать, а ваши ребята все не появляются. Нам нужна срочная помощь. Нет... Пострадавших пока нет, скорая не нужна. Пожарные тоже не нужны. Только полиция. А, вот уже появились, спасибо...

Двое откровенно скучающих ребят в униформе явно разочаровали менеджера. Видимо, он рассчитывал на группу захвата, освобождающую его территорию от незваного гостя. Но патрульные лениво осмотрелись и, ничего подозрительного не обнаружив, подошли к Богомилу.

– Там в зале все спокойно? – спросил один из них, русоволосый сорокалетний мужчина.

– Да, – ответил Богомил. – Там всегда все спокойно.

– Ну а здесь что происходит?

Менеджер указал на посетителя. Тот сидел на диванчике, выпрямив спину и сложив руки на коленях.

– Этот человек хочет пройти в ресторан.

Полицейские переглянулись. Второй – явно выходец из Латинской Америки – изобразил на лице мучительную работу мысли.

– И что ему мешает? – спросил он.

– Сэр, – завокнулся менеджер, – вы должны понять. У нас уважаемое заведение. Здесь собирается иэбблишмент. Внешний вид этого человека не соответствует уровню нашего ресторана.

– А-а, – протянул полицейский, – иэбблишмент, говорите. И внешний вид не соответствует. А полицейского бы пустили?

– Вы меня немного неправильно поняли...

– Правильно он тебя понял, – вмешался русоволосый. – Подожди, Рауль, сейчас разберемся. – Он подошел к сидящему на диванчике человеку. Представил: – Офицер Фолкнер. Это – офицер Мартинес. Сэр, не будете ли вы так любезны показать мне ваши документы?

Но тут в противоположном конце фойе из кресла поднялся все тот же прекрасно одетый господин и уверенно вмешался в ход этой непринужденной беседы.

– Вы превышаете свои полномочия, офицер. Этот человек не совершил ничего предосудительного, не является подозреваемым, так что оставьте его в покое вместе с его документами. Кстати, я наблюдаю за всей этой историей с самого начала. Мне кажется, документы пора спрашивать у этого менеджера.

– Не вмешивайтесь, пожалуйста, не в свое дело, – резко ответил Фолкнер. – Не мешайте работать.

– Хорошо. Не буду, – примирительно сказал незнакомец. – Но ведь посидеть здесь вы мне запретить не можете.

В Союз Сергей вернулся за несколько месяцев до того самого вроде бы исторического апрельского пленума, который ввел в русский язык неологизмы «гласность» и «перестройка». За четыре года защитил кандидатскую, получил лабораторию. В то время еще существовала какая-то атрибутика Советского Союза, и звезда Героя вкупе с платиновым изображением Муляжа оказывали ему существенную помощь. В середине девяностых он стал одним из самых молодых докторов наук России. Сделал довольно серьезное открытие, печатался в престижных мировых научных изданиях, мотался по международным конференциям. В свободное от суеты время плейбойствовал, совершенствовался в своих любимых единоборствах. Наука в России в то время была уже никому не нужна, перестройку заменила перестрелка. Сергей подумывал об эмиграции. В 1999 году в кулуарах конференции в Копенгагене свеженький Нобелевский лауреат американец Вальтер Кон отвел Сергея в сторонку и, проникновенно глядя ему в глаза, спросил:

– Послушайте, как вы можете жить в этом сортире?

«Вот так просто, – подумал Сергей. – Вопрос ребром: “Любите ли вы Брамса?..”»

Но американец спрашивал не просто так. Оказывается, он открывал новую лабораторию в Атланте как раз по профилю Сергея.

– Вы бы не хотели переехать в Америку?

Расспросив об условиях работы и оплаты, Сергей понял, что получил предложение, от которого не мог отказаться. В Атланту он прилетел в тот самый

день, когда рухнули два самых известных в мире небоскреба. Через месяц начал руководить лабораторией. Через два – легко завязал роман с экспертом-биологом Эмили, поскольку о сексуальных притязаниях ничего не слышал и судебных исков не боялся. А когда добропорядочная американка Эмили объяснила ему, что по каким-то идиотским причинам вместе они работать не могут, запросто подыскал ей место у смежников. Приличия были соблюдены.

В ту субботу они с Эмили собирались в театр. Он должен был забрать ее из дома. По дороге заехал на заправку за сигаретами. У стойки перед кассой стояли два молодых паренька, описывать которых мы не станем из соображений политкорректности. Сергей встал между ними и сразу почувствовал, как что-то острое кольнуло его в бок.

– Стой спокойно, парень, – услышал он. – И все будет хорошо.

Только тут он обратил внимание, что продавец как-то лихорадочно выгребает из кассы деньги, а второй паренек направляет на него то, что, по выражению какого-то умника, уравнивает сильных и слабых. «Вот ведь, твою мать, – подумал Сергей. – Говорил же Эмили, что заеду в шесть вместо пяти. Так нет... Нейдется ей...»

Ему не хотелось вмешиваться в эту историю. Но мальчики стояли такие открытые и так удобно, что все произошло само собой. Два легких взмаха – и вот уже тот, с ножом, тихонько подбивает, лаская сломанную руку, а парень с пистолетом вообще как-то неестественно затих. Сергей был человеком взрослым, серьезным. Поэтому сразу осознал, что жизнь паренька имеет для него значение, и присел возле него на корточки. Может, помочь надо. Но вдруг оказалось, что ребят не двое, а трое. И этот третий выскакивает из-за полок, занеся над головой бейсбольную битую и крича что-то непереводимое. Сергей оценил ситуацию и понял, что шансов у него никаких. С тоской подумал, что мама была, как всегда, права, когда говорила, что курить вредно, и обреченно прикрыл ладонью голову. Но нападавший вдруг как-то неуклюже споткнулся, пролетел мимо Сергея и воткнулся в стеклянную стену. А на его месте, потирая кулак, нарисовался аристократичного вида мужчина в светлом костюме и рубашке с бабочкой.

– И вот так всегда, – сказал он, протягивая Сергею руку. – Собираешься на вечеринку, хочешь отдохнуть от трудов праведных, а вместо этого приходится совершать подвиг.

– Не переживай, – сказал Сергей, поднимаясь, – может, еще успеешь.

– Успеешь тут. Сейчас фараоны понаедут – разговоров часа на три. Ты в полицию позвонил? – обратился он к клерку. Тот отрицательно помотал головой. – Так звони, чего ждешь?

Они посмотрели на воришек. Один из них начал со стоном подавать признаки жизни, второй поскуливал от боли в сломанной руке, третий, что с битой был, затравленно озирался.

– Я сюда за сигаретами зашел, – зачем-то сказал Сергей.

– А я за пивом. Подруга в машине ждет. Что это за акцент у тебя? Россия?

– Дался вам всем этот акцент! Ну Россия.

– Это там тебя так драться научили? Ты, наверное, шпион? Я в кино видел, – он посмотрел на клерка: – Позвонил?

– Позвонил. Сейчас приедут.

– Ты за этими пока присмотри, мы выйдем. А то Моника полицию увидит – сама всех перестреляет.

– А если они поднимутся? – струсил продавец.

– Думаю, не успеют, – он отбросил ногой битую и пистолет в сторону. – Это не трогай – на них пальчики.

Они вышли наружу. Незнакомец в бабочке подошел к припаркованному в стороне «Бентли».

– Моника, знакомься, – сказал он сидящей в машине женщине. – Этот парень – русский шпион, и я только что спас ему жизнь.

Моника насмешливо посмотрела на Сергея.

– И ты думаешь, он тебе за это сдаст всю свою агентуру?

– Я думаю, что теперь мы вполне можем взять его с собой на вечеринку к Дженнифер.

– Не занимайся сводничеством. Кстати, у Дженнифер новый друг. Тоже откуда-то из Восточной Европы.

– Твоя сестра времени не теряет... Любимая, – вдруг с пафосом произнес он, – как я счастлив, что вы такие разные.

– Уверена, что тебя это действительно радует, – сказала Моника и снова посмотрела на Сергея. – Так поедете?

– Давайте сначала с полицией разберемся. А вообще-то я сегодня в театр собирался. Меня подруга ждет.

– Подругу подберем по дороге – театр отменяется. Я должен проверить, правда ли, что вы, русские, можете выпить стакан неразбавленной водки.

– Так я могу увидеть ваши документы, сэр? – спросил Фолкнер.

Незнакомец полез во внутренний карман пиджака и вытащил оттуда потрепанный бумажник. Немного порывшись, достал из него водительское удостоверение и протянул полицейскому, который принялся внимательно его изучать.

– Я смотрю, вы живете в фешенебельном районе. И в адресе отсутствует номер апартаментов, – это был опытный и добросовестный полицейский, – значит у вас есть собственное жилье... – Фолкнер еще раз с сомнением посмотрел на сидевшего перед ним человека. – А вы знаете, что через три дня истекает срок годности этого вашего документа?

– Я помню, сэр. И постараюсь к тому времени получить новый.

Фолкнер задумался. Документы были в порядке, человек вел себя абсолютно смирно и спокойно. Но весь его облик действительно очень не вязался с интерьером ресторана.

– Так вы говорите, этот человек нарушал общественный порядок? – обратился он к менеджеру.

– Ну... не совсем так... – замялся Богомил. – Просто я не мог впустить его в зал... А он настаивал...

– А почему вы не могли пустить его в зал? – вмешался в разговор Мартинес.

– Я же объясняю, у нас существует определенный дресс-код. Не я его придумал...

– Да, но именно вы придумали вызывать полицию, когда обстановка этого не требует, – не унимался Рауль. – Я мог бы привлечь вас к ответственности за ложный вызов.

– Не кипятись, Рауль, – обратился к нему Фолкнер. – Он тоже делает свою работу.

– Да, только так, как он ее понимает. Например, выдворить из ресторана законопослушного гражданина лишь за то, что у того костюм стоит дешевле пяти тысяч баксов. Завтра он и нас с тобой отсюда вышвырнет.

– Господа, – вмешался Богомил. – Не надо лишней полемики. Пожалуйста, проводите этого господина на улицу и на этом закончим. В противном случае мое начальство свяжется с вашим.

Это был точный ход. Неприятностей не хотелось никому. Офицеры переглянулись. Они давно работали вместе и понимали друг друга с полувзгляда.

– Сэр, – сказал Фолкнер сидящему на диване человеку, – вы же видите, что являетесь здесь нежеланным гостем. Почему бы вам не уйти?

– Да, конечно... Но я не вижу причин, почему бы мне не пообедать здесь.

– Сэр, не будем спорить. Пройдите, пожалуйста, с нами.

– Вы собираетесь меня... арестовать?..

– Ни в коем случае! Мы собираемся вас проводить.

– Да, но я хотел бы пообедать...

– Пообедаете в другом месте, сэр. – Фолкнер почувствовал подступающее раздражение. – Не заставляйте нас применять силу. Рауль, помоги, пожалуйста.

Офицеры с двух сторон подошли к сидящему и взяли его за локти.

– Великолепно, господа, восхитительно! Продолжайте, продолжайте, не стану вам мешать. Это будут великолепные кадры: полицейские в неравной борьбе с голодным человеком.

Черт бы его побрал! Они совсем забыли об этом богатеньком прошельге. А он стоял с телефоном и аккуратно снимал все, что они делают.

– Немедленно уберите камеру, – прошипел Фолкнер.

– И не подумаю. Как можно отказаться от такого прекрасного материала и для газет, и для суда? Вы же подадите в суд на этих полицейских? – резвился он, обращаясь к проблемному посетителю. – Разве у них есть основания вообще прикасаться к вам?

Ситуация была патовой. Фолкнер с Мартинесом несколько растерялись. Фолкнер вдруг подумал, что вчера, когда они брали банду вооруженных грабителей, он чувствовал себя уютнее.

– Сэр, – обратился он к менеджеру, – может быть, вы все-таки обслужите этого господина?

– Да у него денег не хватит расплатиться даже за кофе в нашем ресторане...

– А вот это уже не ваша забота, – снова вмешался в разговор прекрасно одетый незнакомец. – На этот случай у вас существуют определенные инструкции. Правда ведь?

Пол

Пол Хиллард никогда не появился бы на свет, если бы руководство суперэлитного и дорогущего спортивного клуба «Нью-Джерси Пасифик» в тот субботний вечер сумело найти плотника-профессионала. Ну обломалось там что-то у скамьи в мужской раздевалке. А чинить некому. Из всех кандидатов на почетную роль мастера остановились на уборщике Айкенне, который молоточком-то пару раз стукнул, а гвоздика, с другой стороны вылезшего, и не заметил. Зато его заметил папа Пола – наследник и почти совладелец крупной инвестиционной компании, который этим самым гвоздиком разорвал себе брюки. Хуже всего было то, что папа уже успел надеть новенький костюм, в котором торопился на свадьбу лучшего друга. До церемонии оставался час. О том, чтобы успеть заехать домой переодеться или купить новый костюм по дороге, и думать было нечего. Вызывать сюда свою служанку тоже было бесполезно. И тут он вспомнил, что есть такие мастерские, в которых бедные люди чинят свои старые штаны. С радостью узнав у охранника, что ближайшая такая мастерская находится буквально за углом, он ринулся туда.

Был вечер субботы. Хозяйка мастерской с дочерьми уже уехали на бал, а дожидаться случайных клиентов и своей судьбы оставили начинающую портниху Беверли – хорошенькую девятнадцатилетнюю девушку. Беверли, скучая, читала «Любовника леди Чаттерлей», когда в мастерскую ворвался молодой человек в новеньком костюме с дыркой на попе.

– Вы сможете это как-нибудь быстренько... – незнакомец явно не знал, что именно делают в таких случаях, – исправить?

Дырочка была вполне надежно спрятана под пиджаком. Ее нужно было лишь прихватить несколькими стежками. Это было нетрудно.

– Могу, – просто сказала Беверли. – Снимайте штаны.

Незнакомец огляделся.

– А мне после этого придется на вас жениться?

– Вполне достаточно будет заплатить пятьдесят центов.

– Даю доллар, если сделаете за пять минут.

– Дадите два – сделаю за одну.

Вероятно, Биллу стало жалко двух потраченных долларов, а может быть, звезды расположились в тот вечер каким-то особенным образом, но на свадьбу он пришел уже с Беверли, чем вызвал жгучее разочарование нескольких претенденток на его внимание. Одна из них подошла к Беверли, смерила взглядом ее скромный наряд и со вздохом сказала:

– Раньше ему нравились пышнотелые разряженные блондинки. И вдруг художная брюнетка в ситцевом платье. У него меняются вкусы.

– Надеюсь, вы заметили, что в лучшую сторону? – парировала Беверли.

Через три месяца они поженились. Билл сразу хотел ребенка, но Беверли стремилась к осуществлению своей заветной мечты. А мечтала она создавать красивые платья, женские костюмы, элегантные шляпки... В общем, все то, чего была лишена в своем полунищем детстве.

Посмеиваясь в душе над капризами полюбившейся невестки, добрый свёкор подарил ей швейную мастерскую. И был очень удивлен, когда через два года увидел в газетах сообщение, что в Нью-Йорке состоялся показ мод начинающего кутюрье Беверли Хиллард. Отзывы были не так чтобы очень уж восторженные, но сам факт радовал.

– Что ж не пригласила? – обиженно спросил свёкор.

– Вот когда в Париже будет, тогда приглашу.

Свёкор не понимал, чем это Париж лучше Нью-Йорка. «Это же они к нам статуи Свободы подлизывались. А мы их от Гитлера освобождали». Но спорить не стал.

Показы мод Беверли в Нью-Йорке стали ежегодными. Публика и пресса сходились на том, что кутюрье она не только очень талантливый, но еще и подающий надежды.

Сенсация случилась на пятом или шестом показе. Беверли Хиллард представила коллекцию шляпок. Фишка состояла в том, что шляпки эти были наполовину черные, а наполовину – белые. Добро и Зло. Любовь и Ненависть. Инь и Ян. Дополните сами. Это был настоящий фурор. За несколько месяцев шляпки завоевали весь мир и стали на тот момент самым узнаваемым брендом. Ведущие мировые компании атаковали Беверли выгодными предложениями. Контракты, один соблазнительнее другого, сыпались как из рога изобилия. Состоялся показ ее работ в Париже, куда она прилетела с мужем и свёком. На приеме, устроенном в ее честь в особняке Коко Шанель, хозяйка сказала, что теперь может отходить от дел спокойно.

За два года Беверли заработала около 12 миллионов долларов, которые инвесторы (муж и свёкор) легко увеличили на порядок. Напомним, что дело происходило в середине шестидесятых, когда стоимость денег была неизмеримо выше, чем сейчас.

В один прекрасный вечер, выйдя из ванной, Беверли подошла к мужу:

– Ты, кажется, хотел наследника, любимый. Так почему бы нам не заняться этим прямо сейчас?

Войдя в ресторанный зал, нежеланный посетитель последовал за Богомилом к свободному столику. Ни один из завсегдатаев ресторана даже не повернул головы в его сторону. Так что опасения менеджера были напрасными. Прекрасно одетый незнакомец сел за свой столик чуть в стороне.

Вышколенный официант с язвительно подчеркнутой учтивостью принес меню.

– Выберете сразу, сэр, – спросил он, – или мне подойти попозже?

– Подойдите попозже, – сказал незнакомец, не отрываясь от меню, и, когда официант уже развернулся, чтобы уйти, добавил: – Да, и пришлите мне, пожалуйста, сомелье.

– Хорошо, сэр. Непременно, сэр, – продолжал ёрничать официант.

Через несколько минут с картой вин подошел сомелье. Они с посетителем углубились в изучение достоинств блюд и напитков. Это заняло минут десять. Едва знаток вин отошел – у столика возник вышколенный официант.

Получив заказ, он поспешил к менеджеру.

– Богомил, его счет потянет тысячи на полторы. Там только вина на двести баксов. Разбирается, собака... – вдруг с сомнением произнес он. – Что прикажешь делать?

– А что прикажу? Обслуживать прикажу, – разозлился менеджер. – В крайнем случае из ваших чаевых заберу на покрытие его долга. Черт его принес сюда! И ни одна сволочь не может подсказать, что мне делать...

– У тебя же есть калифорнийский номер на самый крайний случай. Звони туда.

– Ты думаешь, это самый крайний?

– Во всяком случае, на мои чаевые можешь не рассчитывать...

Богомил достал телефон и несколько раз ткнул пальцем в дисплей. Это был номер того самого большого босса, само имя которого обычно произносилось с придыханием. Через минуту в трубке что-то шелкнуло, раздался голос автоответчика.

Богомил, запинаясь, оставил сбивчивое сообщение.

Билл Хиллард мечтал, что его сын станет великим финансистом и со временем возглавит семейную инвестиционную компанию. Но Пол увлекся юриспруденцией и, получив диплом бакалавра в Стэнфорде, поступил в юридическую школу Гарвардского университета.

В Кембридже он и познакомился с Маргарет, красивой миниатюрной хохотушкой, мечтавшей стать детским врачом. Их роман развивался по всем канонам жанра: ссоры и примирения, встречи и расставания, нежность и обида. В общем, все, как и положено в двадцать с небольшим лет. От «Проклинаю тот день, когда мы встретились» до «Не смогу прожить без тебя и часа». Справедливости ради все же скажем, что основной причиной размолвок была ревность Маргарет. И что основания для нее у девушки были. Пол как-то легко и неназойливо очаровывал любую подружку, попавшую в поле его внимания. Маргарет знала это по себе. А потому бесилась, даже если видела его с кем-то просто беседующим.

А Пол любил Маргарет. И после каждого мимолетного романа неизменно возвращался к ней, с юношеской трогательностью не видя в этом ничего предосудительного.

– Ты же знаешь, что для меня не существует никого, кроме тебя, – говорил он. – А это все так... Разминка перед нашей долгой совместной жизнью.

Но когда Маргарет, устав от его выходок, вдруг перевелась в медицинскую школу Йельского университета, Пол уже на следующий день оказался в Коннектикуте, схватил ее в охапку и повез в Нью-Джерси знакомить с Биллом и Беверли.

А на обратном пути они заехали в Нью-Йорк к родителям Маргарет. И Пол был очень удивлен, узнав, что, оказывается, давно заочно знает ее папу – одного из самых уважаемых людей в стране. Иными словами, сенатора Соединенных Штатов.

Через год, сдав все необходимые тесты, Пол вошел в ассоциацию адвокатов. А Маргарет стала детским врачом.

К этому времени они уже были мужем и женой. От детей пока решили воздержаться. Купили особняк неподалеку от родителей Пола. Спустя некоторое время Маргарет открыла небольшую детскую клинику. А еще через пару лет и Пол основал адвокатскую контору. И расположил ее не где-нибудь, а в деловом центре Вселенной – северной башне Всемирного торгового центра.

В то сентябрьское утро Пол, как обычно, выехал на работу. Но направил свой «Майбах» не на Манхеттен, как это должен был сделать добропорядочный муж и владелец адвокатской фирмы, а совсем наоборот, в Квинс, где в маленьком, подаренном Полом домике жила Николь. Красотка Николь! Баловница Николь! Чародейка Николь! Увы... Конечно, Пол все еще любил Маргарет. Но он искал в любви неумности, восторга, восхищения и поклонения. А за прожитое с Маргарет десятилетие их брак стал все больше и больше напоминать отношения деловых партнеров, которые иногда почему-то оказываются в одной постели.

А Николь работала секретаршей в архитектурной компании, расположенной на том же этаже, что и контора Пола. Иногда они встречались в коридоре и лифтах. Вежливо улыбались друг другу. А как-то раз он увидел ее на паркинге. Она не могла завести свой старенький «Ниссан». Пол, почему-то смущаясь, предложил ее подвезти. По дороге пригласил на ужин. Так, в общем-то обыденно, все и началось. Впрочем, все романы начинаются довольно обыденно.

В тот день у Пола выдалось небольшое окно в утреннем расписании, и он уговорил Николь взять отгул. Едва она открыла дверь, Пол прижал ее к себе и исчез из этого мира...

Часа через два изможденные, мокрые, растрепанные, они, наконец, нашли в себе силы оторваться друг от друга.

– Ты живой? – спросила Николь.

– Понемногу возвращаюсь из рая...

– Ты был, как всегда, бесподобен, милый...

Вскоре Пол уже сидел в своей машине и проверял телефонные звонки. Их, как всегда, было много. Но двадцать звонков от мамы, чуть меньше от отца и тридцать шесть от жены – это уже перебор. Он позвонил жене. Она ответила моментально.

– Ты живой?! – услышал он крик Маргарет.

«Вы что, сговорились сегодня?» – подумал Пол. Но вслух сказал:

– Вроде бы да... И даже бесподобен, как обычно. Тебя это расстраивает?

– Пол, что ты говоришь? Ты в порядке?

– Ну, если не считать того, что не видел тебя уже несколько часов и очень соскучился, то – да.

– Я тебе звонила, звонила, ты не отвечал... Я не теряла надежды. Может быть, ты где-то в толпе, не слышишь, не можешь разговаривать... Пол, скажи мне честно, у тебя все хорошо?

– Ну... насколько я могу судить, все...

– Ты позвонил родителям?

– Нет, тебе первой. Они тоже много раз звонили. Не знаешь, у них ничего не случилось?

– У Билла, конечно же, поднялось его давление. Не так чтобы уж совсем критично, но мы не знали, где ты. И что будет дальше. Беверли сходит с ума от волнения. Перезвони им немедленно.

– Обязательно, прямо сейчас. Пока.

– Пол...

– Да, любимая...

– Ты не представляешь, какое это счастье, что ты у меня есть... Я так люблю тебя, Пол... – Маргарет плакала.

Он слышал слезы в ее голосе и ничего не мог понять.

– Ты знаешь, – продолжала она, – я сейчас сидела, сходила с ума и дала себе слово: если с тобой все нормально, то рожу тебе ребенка. Немедленно, слышишь, Пол? Я хочу нашего ребенка не-мед-лен-но!

– Маргарет, ты же врач. Немедленно такие вещи не случаются. Давай подождем хотя бы месяцев девять...

– Дурак, он еще может шутить... – Маргарет пыталась улыбнуться. – Ты точно не пострадал?

Пол чувствовал, что чего-то в этом разговоре не улавливает. Маргарет была явно не в себе.

– Я не пострадал, – ответил он и осторожно спросил, – а ты?

– Да что я? Я в Нью-Джерси. А ты сейчас где?

– Вот спустился вниз перекусить. Выдалась свободная минутка.

– Куда спустился?... – Маргарет казалась ошарашенной.

– Хочу поесть стейки у нас на первом этаже. Помнишь, тебе там как-то очень понравилось...

В то утро несколько людоедов сломали не только тот Мир, каким мы его знали и любили, но и семейную жизнь Пола. Узнав правду, Маргарет несколько месяцев боролась с собой. Внушала себе, что измена спасла жизнь ее мужа и еще одной незнакомой ей девушки. Ее родители, любившие Пола, тоже советовали ей не торопиться. Она старалась. Но через три месяца Пол все же получил письмо от ее адвоката.

Энди Блэйк был парнем неглупым и наблюдательным. За несколько лет работы официантом он насмотрелся на достаточное количество людей и немного научился в них разбираться. Он видел и истинных аристократов, манеры и деньги которых восходили к временам «Мэйфлауэра», и жуликов, разбогатевших на сомнительных операциях, и прышавых юнцов, проматывающих в «Меркурии» папины денежки и не умеющих пользоваться вилкой.

Воспитание бродяги, которого он сейчас обслуживал, было безукоризненным. По его манере сидеть за столом, по взгляду, даже по наклону голову Энди видел человека, давно привыкшего к той обстановке, с которой он сейчас так не вязался. Энди подошел к менеджеру.

– Богомил, что-то мне не нравится в этом парне.

– Мне тоже, – ответил Богомил. – Поэтому я и не хотел его сюда пускать.

– Я не об этом. Он ведет себя так, как будто каждый день обедает либо в «Меркурии», либо в Белом Доме.

– Энди, в стране кризис еще не совсем закончился. Таких разорившихся ребят сейчас полно на каждом углу.

– Да, но не каждый приходит к нам.

– А этот пришел. И дай нам Бог выйти из этой ситуации с наименьшими потерями. Ты посчитал, на сколько он там поел-попил?

Энди заглянул в счет.

– Одна тысяча восемьдесят два доллара шестьдесят четыре цента. С чаевыми потянет на тысячу триста. Но я не надеюсь. И это, если он ничего больше не закажет.

– Ладно, там посмотрим, – сказал Богомил. – Следи, чтобы вилку не спер...

Он оглядел зал. Заметил, что неподалеку от бедняка сидит все тот же господин, который так любит вмешиваться не в свои дела. Но дел у него хватало и без этих двоих.

А еще через час Энди по знаку плохо одетого клиента принес ему счет. Тот небрежно взглянул, вытащил из бумажника карточку и передал ее официанту. Энди тренированно отошел. Но через несколько шагов остановился, заглянул в папку и с округлившимися от удивления глазами бросился к менеджеру.

Личное состояние Пола на тот момент оценивалось примерно в тридцать миллионов долларов. Основную долю составляло наследство, оставленное ему дедом. Были также акции, подаренные родителями, активы адвокатской фирмы. Еще

какая-то мелочь миллиона на три. Согласно исковому заявлению, полученному Полом, Маргарет как потерпевшая сторона претендовала на все совместно нажитое имущество плюс пятьдесят процентов средств изменника-мужа.

Пол не возражал, потому как давно уже принял решение согласиться на все условия Маргарет, забрать свою долю в адвокатской компании и уехать из Нью-Йорка. Он наугад ткнул авторучкой в карту США и попал в Джорджию. Атланта – значит Атланта.

В назначенный день стороны встретились у адвоката Маргарет.

– Господа, давайте не будем тянуть резину, – сказал Пол. – Я ознакомился со всеми материалами, которые вы для меня подготовили, и готов немедленно в вашем присутствии их подписать.

Но оказалось, что Маргарет тоже приготовила свои сюрпризы.

– Тебе не придется ничего подписывать. Я передумала. Останешься при своем. Мне от тебя ничего не нужно.

– Что значит – не нужно? – возмутился Пол. – Ты же составляла свое исковое заявление? Значит, все продумывала, взвешивала...

– Взвешивала, – согласилась Маргарет, – а теперь передумала.

– Послушай, мы же не дети. Вот лежат документы, подписанные тобой, между прочим. Тут черным по белому написано, что ты хочешь половину моего имущества. Я не возражаю. Получите и распишитесь.

– Я уже сказала: мне от тебя не нужно ни цента.

Сидевшие рядом адвокаты переглянулись.

– Господа, – спросил один из них, – вы случайно не забыли, что мы тоже здесь?..

– И напрасно, – отозвалась Маргарет, поднимаясь. – Подслушивать нехорошо. Пришлите мне счет за ваши услуги – я оплачу.

– Ну уж хоть это позволь сделать мне, – сказал Пол.

Вот такая история. И кто скажет мне, что в Америке такого быть не может, потому что не может быть никогда, в того я первым брошу камень.

От адвоката вышли вместе. Пообедали в каком-то ресторанчике. Побродили по Нью-Йорку. Вечером Пол подвез Маргарет к дому.

– Я люблю тебя, – сказал он.

– Я тоже тебя люблю.

– Может быть, я... поднимусь?

– Нет, Пол, не поднимешься.

– Но если мы...

Маргарет прикрыла ему рот ладонью:

– Вот именно поэтому.

Через несколько дней, уладив все необходимые формальности, Пол на машине выехал в Атланту.

Он ехал уже несколько часов, когда увидел на обочине голосующую парочку: парня лет двадцати пяти и совсем юную девушку. Настроение было ужасное. Он вдруг подумал, что, может быть, ребята несколько его отвлекут.

– Мы в Северную Каролину едем, – сказал парень. – По пути?

– Садитесь.

Девушка залезла на заднее сиденье и забилась в угол. Парень сел рядом с Полом.

– Прекрасная машина, – сказал он. – Я даже не думал, что вы остановитесь.

– Я тоже не думал, – согласился Пол.

– Далеко едете?

– Во всяком случае до Каролины доедем.

– А спорим – не доедем?..

– Да? – спросил Пол. – Почему это?

– Потому что на ближайшем съезде ты уйдешь с хайвея. Будешь себя хорошо вести – может быть, останешься жив. – Он вдруг как-то глупо захихикал: – Не обещаю, конечно, но может быть... Будешь себя хорошо вести?

– Да, парень, веди себя послушно, – подала голос девушка. – И все так или иначе закончится.

Пол почувствовал, как сзади упирается ему в шею лезвие ножа.

Он продолжал вести машину.

– Через полмили сойдешь на вспомогательную дорогу, – приказал парень. Пол не обращал на него внимания. – Я сказал – съезжай! – Пол продолжал гнать «Майбах» по хайвею. – Я же сказал – съезжай, придурок! – кричал парень. – Ты что, жить не хочешь?

– А ты?

– Сейчас не обо мне речь. Слушайся нас, или она перережет тебе глотку.

– Ну что ж, – сказал Пол, – в принципе, я и не против. Хотите сдохнуть – давайте сдохнем.

Нога ушла в педаль. Машина как бы поразмыслила долю секунды, вжалась в дорогу и понеслась.

Что это была за сказка! Пол несясь со скоростью автогонщика. Подрезал плетушися под 100 миль в час автомобили, мотался с полосы на полосу, проскакивал между громадными фурами. Парень и девушка орал, требуя, чтобы он сбросил скорость.

– Вы же хотели сдохнуть, – сказал он. – Неужели передумали?

– Я сказал, уйди с дороги, сука! – орал парень. В руках у него появился пистолет. – Я приказываю тебе уйти с хайвея!!!

– Что?! Он мне приказывает, ублюдок, – хохотал Пол. – Джулиани и Клинтонь меня просят, а этот motherfucker¹ приказывает.

Он чувствовал, как нож дрожит в руках сидящей сзади девушки, прокалывая кожу шеи. По спине уже струилась кровь. Пол старался этого не замечать.

Только минут через десять сумасшедшей гонки он заметил гневно сверкающую сигнальными огнями патрульную машину. Тренированные полицейские будто приклеились к нему, не отставая ни на йоту. Еще через несколько мгновений над ними закружилась пара вертолетов.

– Сейчас я вам расскажу, что будет дальше, – сказал Пол, не снижая скорости. – Они уже перекрыли ближайшие выезды на хайвей. Через несколько минут дорога опустеет, а впереди нас будет ждать шикарная скатерть с большими и очень острыми шипами.

Так оно и случилось. Только вместо острого полотна дорогу перегородили патрульные машины, за которыми с ружьями наизготовку стояли офицеры.

– Ну что? – спросил Пол. – Будем таранить? Или все же остановиться?

Грабитель отвел глаза. Девушка сзади зарыдала. Пол затормозил в сотне метров от заслона.

– Вам еще не поздно воспользоваться вашими игрушками, – сказал он. – Но предупреждаю: мы уже в другом штате. Здесь не такие добродушные ребята. И у них все в порядке с электричеством.

Полицейские окружили машину.

В участке он провел около четырех часов. Обрисовал происшествие, ответил на кучу вопросов. Его рассказу поверили и претензий к нему не было. В его пользу говорила и исколотая ножом шея.

– Вот только штраф за превышение, наверное, придется заплатить, – то ли пошутил, то ли сглотил капитан.

¹ Английское вульгарное слово, в переводе на русский означает «сукин сын, ублюдок» или как восклицание «твою мать».

Вскоре выяснилось, что парень с девушкой уже три дня находятся в розыске за двойное убийство и ограбление, совершенные в Филадельфии. И Пол сразу превратился в героя. На следующее утро он проснулся в гостинице, включил телевизор и сразу увидел себя. Все каналы кричали о вчерашнем происшествии. Говорили о его смелости и решительности. Только CNN упрекал Пола в том, что он безответственно рисковал жизнью двух обездоленных молодых людей. Тут же позвонил и бывший тесть-сенатор:

– Ты же знаешь, что я всегда любил тебя, Пол. И сейчас горжусь. Маргарет, кстати, тоже... гордится. Слушай. У меня друг – сенатор от Джорджии. Он там, конечно, нечасто бывает. Но его ребята почти всегда на месте. Я тебе адресок сброшу, зайди к ним, они предупреждены.

Несколько месяцев понадобилось Полу, чтобы подтвердить в Джорджии свою адвокатскую лицензию. Все это время он жил один, избегая светских тусовок и серьезных отношений. Пока, наконец, не встретил женщину, очень похожую на Маргарет. Хотя бы тем, что она тоже была дочерью сенатора. Рекомендации бывшего тестя сработали самым неожиданным образом.

– Богомил, у нас с ним возникла еще одна проблема, – сказал Энди, отыскав менеджера на кухне.

– Что там еще? Он все-таки спер вилку?

– Хуже.

– Неужели поднос?.. Ладно, рассказывай.

– Я тебе лучше покажу.

Он раскрыл папку со счетом и карточкой. Богомил взглянул и растерянно оглянулся. Он моментально просчитал все свои возможные действия и их последствия. Перед ним лежала платиновая карточка «Американ Экспресс». Говоря рекламным слоганом, «Доступ в мир роскоши, привилегий и персонального сервиса высочайшего уровня».

Как попала эта карточка к бродяге? Украдена! Если за этим не стоит более серьезное преступление... Но в его ресторане было не принято спрашивать документы для сравнения.

– Слушай, а этот... красавчик разодетый там еще сидит?

– Да. Ему только что подали десерт.

– Вот попробуй сейчас подойди и спроси у этого нищего документы – опять встрянет не в свое дело. И оплату произвести нельзя. Карточка-то явно не его.

Подумав, Энди предложил:

– Послушай, – начал он, – у нас же есть фонд на всякие непредвиденные расходы. Так давай оттуда и покроем этот счет. А карточку нетронутой вернем. И пускай катится куда хочет.

Богомил задумался.

– Ну да, – сказал он. – А потом придет с ней же завтра. И послезавтра.

– Он так и так может с ней прийти.

– Значит, этому нужно положить конец. Пошли в зал.

Богомил

Богомил родился на ресторанной кухне. В самом прямом смысле этого слова. Его родители владели небольшим рестораником в Пловдиве, и мальчонка решил осчастливить мир своим появлением как раз в тот самый ответственный момент, когда его мама готовила пататник на одной плите и баницу на другой. Тут прямо напрашивается какой-нибудь штамп, например, «таким образом, будущее

ребенка было предопределено». Ничего подобного. Не все рожденные в самолетах становятся летчиками, а на кораблях – капитанами дальнего плавания. Не говоря уже о том, что далеко не все рожденные в роддомах становятся акушерами.

Вот и Богомил как-то сразу активно невзлюбил ресторанное дело. Уж как только ни уговаривали его постаревшие родители принять из их слабеющих рук семейный бизнес. На какие только уловки ни шли. Все было бесполезно. Богомила настойчиво тянул к себе загадочный и сверкающий мир искусства.

В детстве он неплохо рисовал. Во всяком случае, воспитательница детского сада иногда хвалила его рисунки. В пятнадцать лет его пригласили в школьный хор. Там нужны были высокие и красивые ребята. Богомил, правда, сразу откровенно признался хормейстеру, что не умеет петь. Но тот надеялся, что фальшь мальчика растворится среди других голосов. С хором Богомил объездил всю Болгарию, побывал в Польше и Советском Союзе. Это ему понравилось. Поэтому он не на шутку расстроился, когда через год из хора его выгнали... За полное отсутствие слуха и голоса.

– Но вы же сами говорили, что петь умеют все!

– Да, петь умеют все. Кроме тебя.

В двадцать лет Богомил увлекся авторской песней. Научился бренчать на гитаре, написал пару песен и даже принял участие в каком-то бардовском фестивале. Но его изысканные рифмы вроде другу – подругу или косу – колбасу славы ему почему-то не принесли, а кто-то и откровенно смеялся над ним. Обиделся Богомил и вернулся к родительскому очагу, припав к отцовским ногам. В общем, зарезали они козленка, поплакали на радостях и пошли заготавливать продукты на завтра.

Теперь-то уж точно «будущее ребенка было предопределено».

Так бы и провел он жизнь в пловдивском ресторане, если бы не закадычный дружок Георгий, который рассказал, что американцы придумали такую лотерею, что если выиграешь в нее, то поедешь жить в Америку и получишь за это миллион долларов. А Богомил был настоящим везунчиком. Выигрывал все пари и почти безошибочно угадывал результаты предстоящих спортивных состязаний. И ведь никакой сделки, как Тим Талер, ни с кем не заключал. А может, и заключил, только сам не знал об этом.

Сыграл Богомил в американскую лотерею, конечно же выиграл свою зеленую карточку и засобирался за океан.

А в это самое время одна его знакомая вдруг родила ему дочку. Ну родила и родила, с каждым может случиться. И хоть полюбил Богомил этот маленький комочек всей своей якобы страдавшей душой, но легко убедил себя, что не пройдет и двадцати лет, как заберет он ее в большой и светлый мир развитого капитализма.

Но, пожив годик-другой в Америке, осознал он, что начинать в ней новую жизнь лучше не с двадцати лет, а с пятнадцати. А еще лучше – с десяти. А если уж совсем повезет, так и родиться здесь. А потому взял да и улетел в свой родной Пловдив, где на матери своей дочери благополучно и женился. Других путей забрать дочь у него не было. Иммиграционная политика, называется.

Вернулся Богомил на свою уже вторую родину, документики на жену с дочкой отослал, да и зажил счастливо бурной холостяцкой жизнью. Впереди у него был примерно годик радостей и развлечений.

Но тут в дело вмешалась сама история. Какие-то лихие ребята врезались на самолетах в два небоскреба в Нью-Йорке. И всем сразу стало не до Богомила и его дочери. Все государственные организации, связанные с иммиграцией, спешно начали реформироваться, поскольку неуклюже прозевали бандитов, поселившихся в стране. Он даже получил формальное письмо с извинениями и уверенностью, что он все понимает. Он понимал: приезд его дочери откладывался на неопределенный срок.

О жене он не особенно и думал. Ездившие в Пловдив соотечественники пытались рассказывать ему о том, что у нее какой-то возрастной любовник. Но личная жизнь этой полужнакомой женщины занимала в ряду его приоритетов место где-то между динамикой мировых цен на оливковое масло и состоянием здоровья Роберта Мугабе.

А способности его в Америке ох какгодились! Делал он ставки на победы и поражения всяких там спортивных знаменитостей и богачей. А уж когда поставил баснословную сумму на никому не известного аргентинца Марко дель Потро в его историческом финале с самим Федерером и Роджер этот матч проиграл, то он просто не знал, что делать. То ли огорчаться за любимого спортсмена, то ли радоваться, что стал миллионером. Тогда-то и придумал он открыть сеть элитных ресторанов. Чтобы приходили туда всякие красивые интеллигентные люди, кушали изысканные блюда, об искусстве разговаривали, может быть, даже и о политике. А пока проект свой до ума доводил, устроился менеджером в ресторан «Меркурий». Чтобы, значит, немного подучиться да тонкости всякие узнать. А свободное от трудов праведных время отдавал он двум главным страстям: спорту и женщинам. Вот и разрывался между фитнес-клубами и спальнями.

Тут как раз и дочка с женой подросли. На какую-то недельку Богомилу вдруг показалось, что, может быть, все еще срастется, стерпит, а потом, как следствие, и слюбится. Ради дочери он готов был перетерпеть многое. Но его жизнь очень резко стала переворачиваться с ног на голову. Скандал шел за скандалом, как лавины в песне этого русского барда... Из его жизни потоком исчезали любимые привычные вещи, и на их место приходило что-то совершенно ему чуждое. Создавалось впечатление, что некто очень умный там, в Болгарии, напутствовал ее: «Ты должна сразу ему показать, кто в доме хозяин. Ничего. Дочь любит – куда не денется».

Дальше – больше. Почти каждый день он открывал для себя, что все его маленькие секреты и привычки становятся достоянием общественности. Иногда он с удивлением узнавал, что уже, оказывается, выразил свое мнение по каким-то там мелочам. А когда жена нелестно высказывалась о людях, которых никогда в жизни не видела, то все думали, что это исходит от него. Он начал терять друзей.

С дочерью тоже не особенно ладилось. Сначала все складывалось прекрасно. Богомил был счастлив. Но жена довольно быстро осознала, что так можно и влияние потерять: более яркий папа весело оттягивал на себя внимание ребенка. Так чего ж стесняться – расскажем, какой он мерзавец, и дело с концом. Тем более есть что рассказать. Болгарская община Атланты достаточно тесна, и добрые люди заботливо поведали ей о его приключениях.

– Как ты мог? – кричала она ему. – Здесь... по бабам... Когда твоя дочь так ждала тебя там!

Он не стал рассказывать ей, что о странностях ее поведения тоже наслышан. Он был готов потерпеть три года, как того требовали иммиграционные законы. Тем более что женщина, недавно появившаяся в его жизни, все понимала и была согласна немного подождать.

Войдя в зал, Богомил решительно направился к столику бедно одетого господина.

По пути он заготовил несколько решительных фраз, способных остудить любого, кто посмеет вмешаться в его разговор. Но посетитель чуть наклонился ему навстречу, улыбнулся и сказал:

– Вы самолично принесли мою карточку. Как это мило с вашей стороны. Не стоило так беспокоиться. Давайте я подпишу. Гарантирую хорошие чаевые вашему парню, – он был на высоте.

Но сбить Богомила с мысли было не так-то просто. И не такое видывали...

– Сэр, – официальным тоном сказал он, – откуда у вас эта карточка?

Незнакомец удивленно посмотрел на него:

– Вы хотите, чтобы я рассказал вам весь процесс? Может быть, не сейчас?

Богомил молчал.

– Ну хорошо, слушайте. Сначала я получил по почте предложение. Заполнил документы...

– Не паясничайте, мистер, – взорвался менеджер. – Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Это не ваша карточка. Где вы ее взяли?

– Не понимаю, о чем вы говорите. Что значит – не моя карточка? Спросите вашего официанта: он прекрасно видел, как я положил ее вместе со счетом. Хотя, дайте-ка взглянуть... Может быть, произошла какая-нибудь путаница?

Он приоткрыл папку, взял «Американ Экспресс», поднес ее к глазам.

– Все точно. Это моя. С ней что-нибудь не так? Там должно быть достаточно денег, чтобы расплатиться за обед.

– Сэр, – внушительно сказал менеджер, – я настоятельно прошу вас показать мне свои документы. В противном случае я немедленно вызову полицию.

– Вы это уже делали сегодня. Даже, если мне не изменяет память, два раза. И мои документы проверялись. Вы же слышали: они в порядке.

– Я хотел бы сравнить ваши документы с вашей кредитной картой!

– Все! Я не могу больше этого слышать, – раздался голос с соседнего столика. – С какой стати вы третируете этого человека?

Этот нахал все-таки вмешался в разговор.

– Не могли бы вы сесть на свое место, сэр? – сказал Богомил. – Вы мешаете мне работать.

– Вы не работаете – вы издеваетесь над посетителем! Испортили вечер человеку, который просто зашел пообедать. Оскорбляли его, вызывали полицию, а теперь унижаете своим недоверием. Значит, так. Я – адвокат. И я бы хотел, чтобы ты, приятель, возбудил иск против этого ресторана. Такое унижение прощать нельзя. Они должны быть наказаны вместе с их позолотой, бархатом и снобизмом. Ты согласен?

– Я не думал об этом...

– Тут и думать нечего. Вот моя визитка – позвони завтра, договоримся о деталях.

Тут в разговор встрял Богомил:

– Да, но пока вы еще не договорились о деталях, – передразнил он, – я все-таки хотел бы увидеть ваши документы.

– Да покажи ты им, наконец, свои документы. Я уверен, что там все в порядке. Не волнуйся – это унижение обойдется им еще в полмиллиона баксов.

Человек залез в свой потертый пиджак, достал не менее потертый бумажник и протянул удостоверение Богомилу. Тот просмотрел документы, сравнил с кредиткой и смущенно вернул владельцу.

– Извините... сэр.

Иск против сети ресторанов «Меркурий» о нарушении гражданских прав и свобод, унижении человека и неуважительном отношении к клиенту был подан уже через несколько недель. Сумма искового заявления – два миллиона долларов. Дело было передано на рассмотрение коллегии присяжных.

Не будем утомлять уже и без того измученного читателя юридическими подробностями процесса. Приведем лишь несколько выдержек стенограммы допроса свидетелей, из которых видно, что прекрасно одетый господин, случайно оказавшийся адвокатом, был настоящим мастером своего дела.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Меня зовут Богомил Пеев.

- И работаете вы...
- Я менеджер в ресторане «Меркурий».
- И что входит в ваши обязанности?
- Я наблюдаю за работой официантов, кухни... Организовываю своевременную доставку продуктов... Слежу за порядком в зале. Знаете, всего не перечислишь.
- Господин Пеев, не припомните, когда вы впервые увидели моего клиента?
- Это было 24 октября. Около четырех часов пополудни. Он вошел в ресторан и попросил провести его к столику.
- Что вы, конечно, с удовольствием и сделали.
- Нет. Я не мог этого сделать, поскольку он нарушал правила нашего ресторана.
- В чем это выражалось?
- Он был неподобающим образом одет.
- Что именно вы называете «неподобающим образом»?
- Ну... понимаете... его пиджак, брюки, галстук были не совсем... свежими...
- Простите, не понимаю.
- Ну... его вид не совсем соответствовал уровню нашего ресторана.
- Не соответствовал уровню вашего ресторана... Понятно. Насколько мне известно, по условиям вашего дресс-кода посетитель должен быть в галстуке, пиджаке, брюках. Что именно нарушил мой клиент?
- Мне трудно это объяснить... К тому же он был небрит. С бородой...
- А вы с недоверием относитесь к людям с бородой?
- Честно говоря, с некоторых пор – да.
- Очень остроумно. Так все же что именно нарушил этот человек?
- Я же сказал, мне трудно это объяснить.
- Хорошо. Давайте попробуем на примере. Посмотрите на присяжного номер пять. На нем костюм, галстук... Мне отсюда не видно, но, думаю, есть и брюки. Вы бы допустили его в ресторан?
- Не знаю, сэр. Не уверен.
- А что в нем не так?... Господин Пеев, почему вы молчите? Объясните, пожалуйста, присяжному, почему вы не пустили бы его в зал вашего ресторана.
- Ну... знаете... к нам приходят довольно богатые люди...
- Ах богатые! Великолепно! И вы видите, что присяжный номер пять к ним не относится. Ладно... Скажите, это правда, что, узнав в моем клиенте выходца из России, вы произнесли фразу: «Сорок лет от вас житья не было, так и здесь достали...»? Отвечайте.
- Правда.
- Не могли бы вы объяснить суду, что вы имели в виду?
- Вы, наверное, знаете историю. После войны они силой принесли в мою страну диктатуру. Их этот, с позволения сказать, социализм. И сорок лет мы жили в нищете и страхе.
- Скажите, господин Пеев, а какова была личная роль моего клиента в страданиях вашего народа? Почему вы опять молчите?
- Мы в Болгарии не любим русских...
- Не говорите, пожалуйста, за всю Болгарию. А может быть, вы воспользовались своим служебным положением, чтобы не накормить человека из-за его национальности?
- Это не так...
- Боюсь, что это как раз так. Вернее, и это среди прочего. Больше нет вопросов к этому свидетелю, Ваша честь.
- Господин Мартинес, где вы находились 24 октября около 17.00?

– Мы с моим напарником заскочили перекусить в «Арбисс». Тут последовал вызов. Оператор сказала, что какое-то происшествие в ресторане «Меркурий». Мы поехали туда.

– Она не сказала вам, что именно произошло?

– Нет, но сказала, что, видимо, что-то очень серьезное, поскольку менеджер не на шутку взволнован и звонил уже два раза.

– И что вы увидели по прибытии? Драку, перестрелку, ограбление?..

– Нет. Ничего этого не было. Все было тихо. Вот этот господин спокойно сидел на диванчике, а менеджер требовал, чтобы мы вывели его на улицу.

– Он как-то мотивировал свою просьбу?

– Да, он говорил, что его внешний вид не соответствует уровню ресторана. Я не очень понимаю, что он имел в виду.

– И каковы были ваши действия?

– Мой напарник... офицер Фолкнер... он неделю назад был ранен, сейчас в госпитале... Так вот он проверил у этого господина документы. Они были в порядке, и мы уже хотели уйти.

– Так почему не ушли?

– Вы же сами все видели. Извините... Менеджер пригрозил позвонить нашему начальству. Мы не хотели неприятностей...

– И тогда?..

– Тогда мы решили силой вывести этого человека из ресторана.

– То есть только потому, что господин Пеев пригрозил позвонить вашему начальству, вы были готовы силой выдворить законопослушного, абсолютно невиновного человека, гражданина Соединенных Штатов на улицу?

– Я делал свою работу, сэр.

– Вы называете это «делать свою работу»?

– У нас есть и другие обязанности. Я уже говорил, мой напарник ранен и лежит в госпитале.

– Сочувствую. Но это не имеет отношения к нашему делу. Что было потом?

– Потом... после того как вы начали нас снимать... мы все же предложили менеджеру покормить этого господина.

– Он согласился?

– Он сказал, что у того не хватит денег даже на кофе в этом ресторане. Но это была уже не наша забота, и мы ушли.

– Вы хотите что-нибудь еще добавить?

– Нет, сэр. Разве только, что считаю поведение этого менеджера оскорбительным.

– Мистер Хьюит, вы являетесь старшим партнером юридической конторы «Хьюит, Уильямс и Терри». Это так?

– Да, это соответствует действительности.

– И в каких взаимоотношениях состоит ваша контора с сетью ресторанов «Меркурий»?

– Мы осуществляем общее руководство сетью в регионе. Сюда входят рестораны в Атланте, Майами, Чарльстоне, Тампе и Бирмингеме.

– И в чем заключается это «общее руководство»?

– Подбор менеджмента, периодическая проверка финансовой отчетности, при необходимости оказание юридической помощи.

– Понятно. Скажите, как часто вы общаетесь с персоналом этих ресторанов?

– Крайне редко. Они занимают весьма незначительное место в нашей практике.

– Но все же официально вы являетесь их руководителем?

– В известном смысле – да. По договору с их владельцем.

– Если ваше общение происходит, как вы сказали, крайне редко, значит вы помните звонок менеджера атлантского ресторана 24 октября?

– Я не помню, было ли это в октябре. Но как-то раз он позвонил, сказал, что в ресторан рвется плохо одетый бродяга. Спрашивал, что ему делать.

– И что вы ему посоветовали?

– Я сказал, что если одежда посетителя не соответствует дресс-коду, то он и не может быть допущен в зал.

– И что господин Пеев вам ответил?

– Ответил, что у посетителя есть все атрибуты дресс-кода, но одет он очень бедно.

– И тогда вы...

– И тогда я сказал, что бедный должен идти в фастфуд, а лучше в задницу, и этот менеджер вместе с ним.

– Иными словами, вы не взяли на себя решение этого вопроса.

– Это ни в коем случае не входит в круг моих обязанностей согласно нашему договору с владельцем сети.

– Мистер Фергюсон, вы подключены к залу суда в Атланте. Мистер Фергюсон, вы являетесь владельцем сети ресторанов «Меркурий». Это так?

– И их тоже.

– Вы поддерживаете какие-то непосредственные отношения с менеджментом ресторанов?

– Эти рестораны занимают лишь небольшую часть моих активов. И их разбросано около пятидесяти по стране. Я не могу общаться с каждым официантом лично.

– Но тем не менее каждый менеджер имеет возможность связаться с вами?

– Связаться – это слишком громко сказано. У них есть номер телефона, по которому они могут оставить сообщение в самом крайнем случае.

– Вы помните сообщение, оставленное менеджером ресторана в Атланте 24 октября?

– Секретарь доложил, что у них там какая-то ерунда с каким-то бродягой.

– И какое решение вы приняли?

– Да никакого. Решения такого уровня они должны принимать сами. Помню только, сказал секретарю, что у нас вроде бы элитное заведение и нечего всяким оборванцам там шлаться. Это все. Если у вас больше нет вопросов, то, простите, я очень занят. И не могли бы вы попросить Хьюита немедленно со мной связаться?

Через несколько минут адвокат Хьюит позвонил мистеру Фергюсону.

– Ну, что там? – спросил Фергюсон.

– Да неважно. Летим по всем пунктам. Присяжные настроены резко против нас...

– Сколько они там выставили?

– Два миллиона.

– Скинь до полутора и заканчивай это дело. Тут уже в газетах что-то стало мелькать. Дороже обойдется.

– А если не согласятся?

– Не согласятся – выплати два. И убери этого дурака менеджера немедленно.

К вечеру коллегия присяжных была распущена. Стороны договорились полюбовно. Сеть ресторанов «Меркурий» обязалась выплатить истцу один миллион шестьсот тысяч долларов.

Спустя несколько дней чек был обналичен в одном из банков Атланты.

Эпилог

Этот особняк в Атланте знают многие. Расположенный в престижном спальном районе, он и здесь выделяется своим изяществом и красотой. Окруженный чугунным забором и вековыми деревьями, дом этот больше похож на сказочный замок, спрятанный неведомым чародеем от посторонних взоров.

В интерьере дома при полном отсутствии всякой вычурности чувствуются глубокая продуманность и абсолютный вкус. Особенной любовью хозяев и их гостей пользуется библиотека, в которой так приятно сидеть в глубоких кожаных креслах, потягивать аперитив и наблюдать за играющим в камине огнем.

Вот и сегодня Пол и Моника принимали здесь своих друзей. И, судя по выражению их лиц, всем им было очень весело.

– Да перестань ты... – смеясь говорил Богомил. – Во-первых, ты пришел на семь минут раньше. Так что я даже тебя не сразу и узнал. И Пол еще из зала не появился. Вечно это ваше русское презрение ко времени... Думаете о секундах свысока. Но видок у тебя был шикарный. Эмили, что ты такое сделала с его волосами?

– Я к его волосам не притрагивалась. Во всяком случае, в тот день... – поправилась Эмили. – Я отвечала за штаны, пиджак и прочую атрибутику. Волосы – это Дженнифер.

– Да? – Богомил посмотрел на подругу. – Я и не думал, дорогая, что у тебя такие таланты.

– Вот и кайся перед ним после этого, – обиделась Дженнифер. – А он и не помнит ничего. Я ж тебе часами рассказывала, что два года провела в Голливуде, когда с папой поссорилась. А там этих гримеров-ассистентов как собак нерезанных. Вот и подучилась. А еще у меня были всякие актеры...

– Ты ему еще про Джорджа из детского садика расскажи, – укоризненно посмотрела на сестру Моника. – Это, наверное, единственное, чего он про тебя еще не знает.

– Почему не знает? Знает. Ты же сама говорила, что нельзя начинать совместную жизнь с обмана. Я его тоже не мальчиком брала. Кстати, я все хотела спросить, зачем вы друг перед другом комедию ломали, когда рядом никого не было?

– Пол сказал, что там могут быть камеры, о которых даже я не знаю.

– Точно, – сказала Эмили, – Большой Брат наблюдает за вами.

– Ну, и были они там? – спросила Моника.

– Ни одной, – засмеялся Пол. – А я рассчитывал на них для суда. Да и Дженнифер бы поняла, что ее друзья-лицедеи нам в подметки не годятся. Особенно Сергею. Ему смело можно было Оскара вручить.

– Какого Оскара? – обиделась Эмили. – Он же ученый. Надо срочно ввести Нобелевскую премию для актеров.

– Боюсь, не получится, – заметил Сергей, – толерантности на всех не хватит.

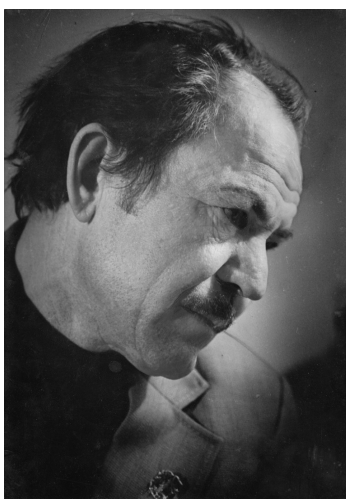
– А я бы вам дала Нобелевскую премию Мира, – сказала Моника. – Вот оно – единство наций во всей красе. Вы такие разные и такие одинаковые. А что, мальчики, вы уже придумали, кому денежку-то передадите?

– Пол выиграл это пари – ему и решать, – сказал Богомил.

– Согласен, – отозвался Сергей.

– Я знаю одну детскую клинику в Нью-Джерси. Малышей от смерти спасают. Но не все могут платить. Когда-то ее владелица отказалась принять от меня пятнадцать миллионов. Так давайте подарим ей хотя бы полтора. И еще... Это очень правильно, что вы помните про пари. Когда я смогу получить свой выигрыш?

Сергей с Богомилом встали, поклонились и торжественно вручили Полу два доллара.

Явдат ИЛЬСОВ

(1929–1982)

16 февраля 2019 года Явдату Хасановичу Ильясову исполнилось бы 90 лет.

НЕСМОТРЯ – И ВОПРЕКИ!

Имя Явдата Хасановича Ильясова, автора девяти повестей и романов, четырех сценариев, статей и переводов, изданных в Узбекистане, России, Таджикистане, Литве, Словакии, Греции и других странах общим тиражом более 20 миллионов экземпляров, хорошо известно у нас в республике и за ее пределами.

Поколения читателей 60–80-х годов выросли на его книгах «Тропа гнева», «Пятнистая смерть», «Черная вдова», «Согдиана», «Месть Анахиты», «Заклинатель змей» и др. Талантливый писатель-самородок, не имевший специального образования, но основательно знавший историю и отличавшийся большой работоспособностью и скрупулезностью в воссоздании исторических реалий, уклада жизни, материальной культуры изображаемой эпохи, оставил интересное высокохудожественное наследие, явившееся своеобразной важной вехой в развитии узбекистанской исторической прозы.

Жизнь не баловала писателя, но никакие передрыги и удары судьбы, лишения и утраты не могли разрушить его одержимость литературой, отвлечь от стремления творить.

Явдат Ильясов осознавал значимость своего труда и свое предназначенье. В повести «Согдиана» один из его героев – Спитамен – очень точно выразил чаяния автора: «...Через тысячу лет, через две, три тысячи лет найдется добрый друг, который пробьется мыслью сквозь пласты темных веков, увидит меня таким, каков я есть, и расскажет своим современникам обо мне как о живом человеке...»

Литературным дебютом Я. Ильясова была повесть «Тропа гнева», опубликованная в журнале «Звезда Востока» в 1956 году.

** Редакция журнала в память о талантливом художнике предлагает своим читателям фрагменты из этой повести.*

ТРОПА ГНЕВА

Фрагменты из повести

* * *

...Вот если человек разрушает созданное другим человеком, что он делает? Он идет против смысла человеческой жизни. Значит, он уже не человек, а враг человека. А враг заслуживает... чего? Смерти! Его уничтожают. Но возможно ли это без битвы? Нет, врага уничтожают в бою. А бывает ли битва без жертв? Не бывает. Одни получают раны, другие погибают. Нет слов, это тяжело. Но перед лицом смерти человек помнит: он погиб ради сохранения творений рук своих. Это и называют настоящим подвигом, я думаю. Значит, человек рождается и существует для подвига. Если человек не совершил в жизни ни одного подвига, он напрасно ел мясо, напрасно спал, напрасно дышал воздухом, ибо не сделал того, для чего он был создан.

<...>

Расплата

Пустыня, пустыня! Страна бродячих призраков, страна разочарования. Далекое тут кажется близким, близкое – далеким, и нет ничего достоверного, кроме страшного солнца и страшного песка.

Дарий вздохнул и открыл глаза. Он лежал вниз лицом на ковре, обхватив руками холодное тело серебряного сосуда. Узкое горло кувшина плотно закрывала деревянная втулка. Внутри слабо плеснуло. Царь поднял голову. Он находился в шатре: кто разбил шатер, кто внес его туда, сколько часов или дней он тут пролежал, Ахеменид не помнил.

Над ухом царя раздался стон.

– Воды! – Гобрия с трудом оторвал царя от сосуда и оттолкнул его в сторону. – Собака! Ты забыл обо мне!

Советник с усилием вытащил втулку, налил в чашу воды и выпил. Налил и выпил еще. От слабости у него кружилась голова, дрожали руки, но мудрец не пролил ни одной капли влаги. Вот как дорога вода в пустыне. Серебро сохранило воду в чистоте и свежести, но хватило ее всего на две чаши. Все же глаза горбуна прояснились. Он выдернул из ножен кинжал.

– Измена? – Дарий оскалил зубы и потянулся за мечом. Но Гобрия, не обращая внимания на повелителя, побрел, шатаясь, к выходу. Теперь Ахеменид испугался, что останется один.

– Куда? – спросил он хрипло.

– Обманул... массагет, – ответил мудрец.

– Массагет! – Дарий вскочил на ноги так резко, что кровь разом отлила у него от головы. Он упал и едва не потерял сознание. Но злоба придала ему силы. Дарий поднялся, обогнал Гобрию и выбежал наружу.

Невероятное зрелище предстало взору властелина южных стран. На дюнах и в лошинах, кругом, куда хватал глаз, лежали трупы. Ряды распластанных на берегу озера воинов напоминали об утопленниках, выброшенных волнами на песок.

Дышла колесниц, скатившихся в соленую воду, походили на мачты кораблей, потерпевших крушение. Над растерзанными тушами коней взмахивали черными крылами стервятники. Над пустыней висела незримым, но плотным пологом жуткая тишина. Так бывает на поле брани после долгого кровопролитного побоища.

Мороз пробежал по спине повелителя мира. Он едва не завыл, как собака, брошенная хозяином в пустыне. Ему показалось, что он остался один – один в глубине диких, бесплодных пространств, откуда нет возврата!

– Неужели все погибли? – спросил он шепотом у подбежавшего мудреца, и в голосе его прозвучал ужас.

Горбун молча показал рукой на холмы. Только тогда царь заметил между горами мертвецов слабое движение. Люди вяло, без единого слова, вырывали друг у друга пустые бурдюки. Многие размеренно колотили себя в тощие груди и рычали, роняя с губ желтую пену. Быть может, они видели в бреду широкие просторы Нила, Тигра, Евфрата, Окса, через которые переходило непобедимое персидское войско? Быть может, они слышали плеск и шипение холодной, кипучей воды? Вода, вода! Когда ты рядом и тебя много, тебя никто не ценит и не бережет. Тебя разливают не жалея, тебя загрязняют нечистотами, и лишь тогда, когда тебя нет и ты далеко, люди начинают понимать, что ты слаще меда, дороже золота и краше алмазов.

Сын Гистаспа выхватил меч и трижды прокричал, как бы подавая клич тревоги:

– Массaget! Массaget! Массaget!

И те, кто был еще жив, поднялись, как один, словно голос повелителя возвратил им утраченные силы. Их было еще много, этих воинов, и все они горели жаждой мести. С криками «Массaget! Массaget!» они бежали на зов своего господина, обнажая на ходу мечи и потрясая секирами.

Ширак стоял на бархане и глядел на восток. Телохранители Дария следили за хорезмийцем горящими от ненависти глазами. Впереди, до самого края земли, как мрачное пожарище, чернела гаммада – ровное каменистое пространство, лишенное даже той скудной растительности, которая встречается на дюнах. Страшно человеку в песках, но гаммада трижды страшнее барханов. Она одним своим видом убивает человека.

– Конеч!

Ширак вздохнул, сел на песок и обхватил колени.

Ахеменид, утопая до колен в сыпучем песке, подбежал к пастуху и остановился перед ним, стиснув челюсти. Воздух со свистом пролетал между его зубами. В груди царя клокотало бешенство. Он передергивался от головы до пят и с трудом удерживался от того, чтобы вот так, не говоря ни слова, ударить пастуха наотмашь мечом по виску.

– А-а, сын праха! Так где же Новая Река?

– Новая Река? – Ширак показал на север. – Далеко, там...

Иранцы дрогнули и застыли, будто Ариман одним мановением десницы обратил их в камни. Ширак покосился на Дария и от души расхохотался.

– В него вселился дух пустыни! – воскликнул Дарий. – Он лишился разума!

– Вы сами все тут одержимы недобрым духом, – проворчал Ширак. Молодые глаза пастуха глядели мирно и спокойно. – Разве люди со здравым умом скитаются по чужим странам и гонятся за богатствами с мечом в руке? Они их у себя дома трудом своим добывают.

– Куда ты завел нас, пастух?

– Не видите?

Ширак злорадно усмехнулся и повел рукой вокруг себя.

– Для чего ты это сделал, сын дикаря?

Ширак молча пожал плечами. Разве и так не ясно, для чего? И персы поняли. Дыхание смерти лишило их дара речи. Наконец Гобрия сказал:

– Хорошо, ты спас массагетов. Но много ли тебе радости от этого, если ты сам сегодня умрешь? Что тебе массагеты, когда ты сам на грани жизни и смерти? Не лучше ли спасти себя? Разве тебе не дорога своя голова?

В голосе мудреца слышалось глубокое удивление. Ширак посмотрел на Гобрию и ничего не ответил.

Он сидел неподвижно, точно идол, и персы глядели на него с изумлением, как на невиданное чудовище. Он был для них загадочен, как сфинкс. Никто не сказал бы, какие чувства он испытывает. Никто не знал, о чем он думает. Никто не понимал, какие побуждения заставили этого двадцатилетнего пастуха принести себя в жертву ради других.

Вперед выступил Отанес. Лицо его побелело от волнения, губы дрожали.

– Тебе не жалко их? – Отанес показал на густые толпы истерзанных, обезумевших от жажды воинов. – Это люди. Люди! Понятно тебе это слово, дикарь? Люди! У них дома отцы и матери. У них дома жены. У них дома дети. Десятки тысяч отцов, матерей, жен и детей! Десятки тысяч людей! Только богам подобает вершить судьбы такого огромного скопища человеческих душ. Но ты – не бог, ты – человек! Как же ты один – один! – можешь взять на свою совесть столько жизней? Пристойно ли это тебе, жалкому человеку? Неужели ты не чувствуешь, пастух, как это чудовишно?

Глаза Ширака потемнели.

– А! Вы заговорили о жалости? Почему же вы не помнили о ней там, на своей родине, когда собирались в поход на массагетов? Почему вы не помнили о ней, когда захватили городище Кунхаза и резали апасаков десятками и сотнями? Почему вы не помнили о ней, когда отсекали пленникам руки? Нет, вы не заслуживаете жалости! Отцы? Матери? Жены? Дети? Но где Кунхаз? Он был отцом. Где Фароат? Она была моей женой. Где тысячи других массагетов – отцов, матерей, жен и детей? Вы их убили, и они уже никогда не увидят солнца. Вы их убили, и они уже никогда не сядут у костра за пиршественным котлом. Вы их убили, и они уже никогда не услышат веселую песню. Их души скитаются в стране мрака и требуют возмездия! Их жизни – на вашей совести! Так почему же мне не взять на свою совесть ваши жизни? Разве я поступаю несправедливо? Кто виноват в том, что погибли тысячи персов? Я? Но разве я приказал вам идти походом на массагетов? Почему вы не сидели в своих домах? Почему вы оставили свою страну и пришли к нам? Э! Хватит разговоров! Вы сами накликали на себя беду. Вы заслуживаете смерти, и вы умрете!

Ахеменид стоял, опустив голову и закрыв ладонями лицо. Плечи его поникли, колени резко вздрагивали. Таким жалким персы не видели своего царя никогда.

– Нет! Нет! – застонал сын Гистаспа в ответ на свои мысли и беспомощно опустил руки. Потом вдруг стукнул себя кулаком по лбу, торопливо скрылся в шатре, приволок сумку с золотом и высыпал под ноги пастуху кучу сверкающих монет. После этого он сорвал с груди и шеи все драгоценности, отстегнул золотые ножны, снял пояс из серебряных пластинок и бросил их на монеты. Глаза его лихорадочно блуждали.

– Дети! – обратился он к воинам незнакомым, отрывистым голосом. – Мы не погибнем! Несите золото и серебро, кубки и чаши!

Персы в едином порыве сдирали с себя дорогие украшения и швыряли их под ноги пастуха. Куча золота и серебра росла на глазах. От нее на лица окружающих падало мягкое сияние. Весело звенели монеты, чаши и браслеты, но Ширак ничего не слышал. Он задумчиво глядел на Тропу Гнева.

– Пастух, это все твое! – с отчаянием крикнул Ахеменид, ударив ногой в груду желтого металла. – Покажи нам, где вода! Покажи нам, где вода! Вода! Вода!

Сын Гистаспа зарыдал. Ширак очнулся, окинул сокровища равнодушным взглядом и отвернулся. Как, оборванец отказывается от таких сокровищ?!

Полководец Датис схватил Ширика за плечо и взревел, как буйвол:

– Покажи, где вода, или я проломлю тебе череп!

Мудрец Гобрия вцепился в другое плечо пастуха и прогнусавил ему на ухо:

– Покажи, где вода, или я своими руками сдеру с тебя кожу!

Пастух одним движением сбросил с плеч ладони персов, покачал головой и сплюнул.

– Вы хуже шакалов, да поразит вас Митра! – сказал он безглаголиво. – Уходите от меня, грязные твари!

Лицо Дария перекопилось от злобы. Не помня себя он вырвал у ближайшего телохранителя секиру и занес ее над пастухом.

– Уничтожу!

– Уничтожай! – Ширак усмехнулся. – Зато я победил тебя. Для чего рождается человек?..

Он поднялся во весь рост, протянул руки к востоку, захватил в легкие сразу три меха воздуха и закричал – громко, весело и протяжно, славя без слов, голосом души, восходящее солнце. Ясное око Митры ласково глядело с неба на свободного человека.

Хорезмийца ударили по голове. Полыхнуло в глаза пламя смерти. И Ширак увидел Фароат. Но пастух уже не помнил ни очей Фароат, ни губ Фароат, ни волос Фароат... Жена, доброе лицо матери, горы, барханы, тропы, городища, колодцы, заросли саксаула, стада овец, орлы, облака – все они пролетели перед ним как в сладком детском сне, и все они, непонятно как, слились в угасающем сознании массагета в один любимый, неповторимый образ – образ родной земли.

И образ этот жил в сердце Ширика до той доли мгновения, когда оно, сердце, сделало последний удар, пропустило через себя последнюю – крупную, красную, уже густеющую каплю крови...

– Ахурамазда отвратил от нас лучезарное лицо! Конец нам пришел, дети!

Дарий бросил секиру и упал на песок.

– Ахурамазда?! – вскипел Отанес. – Бог – в небе, он плохо знает земные дела! Ты нас погубил, сын Гистаспа! Кто гнал тебя в эту страну? Разве я не говорил тебе: «Вспомни о Кире»? С кем ты связался? Разве найдутся на земле воители, что покорили бы массагетов? Пусть варваров мало, пусть они бедны и плохо вооружены – их никто не сломит, ибо их закон – дружба и братство, и они ценят свободу выше всего на свете. Все полчища Ирана ничего не стоят перед этим народом, так как самый заклятый враг для твоих воинов – ты сам. Чего ждать от человека, воюющего по принуждению ради чужого денежного мешка? Ты не подумал об этом, тебя ослепила жажда добычи, поэтому ты и погиб. Торгаш! Недаром даже твое имя происходит от слова «золото».

Выкрики Отанеса хлестали царя, как бичи. У Дария волосы встали дыбом – он зримо представил себе, как Ариан-Вазджа, великое государство,

которое он сколотил мечом из многих стран, развалится, подобно дряхлой башне: опора исчезла, как дым, пропала в массагетских просторах!

Дарий схватился за голову. Снова мятежи, дым пожаров, шествия непокорных толп... Ты мечтал, сын Гистаспа, молодым тигром навалиться на строптивых саков, моровым поветрием пройти по Черным, Красным и всяким другим пескам, искоренить все живое, что подвернется под руку? Ты мечтал обогнуть море Вурукарта, истребить сарматов, переправиться через Ра, разгромить скифов, ударить на Эладу, затем устремиться на запад, где люди, по рассказам греков, еще бродят в лесах, точно звери? Ты верил, что пределы державы персов раздвинутся до небесных чертогов Ахурамазды, что все народы и племена мира сын Гистаспа зажмет в своем кулаке, на правых и виноватых наденет оковы?

Мечты пошли прахом! Из-за кого же? Пастуха! О нет! За этим пастухом – какие-то грозные, страшные силы, непонятные ему, наместнику бога на планете. Дария обьяло смятение. Он боялся сойти с ума. Гобрия! Гобрия! Он поможет советом, он найдет дорогу спасения! Но горбун оттолкнул руки царя, протянутые к нему, выругался и отвернулся. Датис! Вот кто не покинет в беде! Но полководец попятился от повелителя, как от бешеной собаки.

Союз тигра, шакала и гиены распался, как остов истлевшего скелета. Все трое жаждали войны против массагетов. Они заверяли один другого в преданности, но забыли свои клятвы при первой крупной неудаче. Такова дружба, берушая истоки в мешке золота.

– Что делать, о сын бога? – спросил Отанес ехидно.

– Все в руках Ахурамазды, – промямлил Ахеменид.

– Что делать, мудрец?

Горбун еще глубже втянул голову в плечи. Он был еще достаточно крепок, чтобы вывести из песков если не все войско, то царя и его приближенных. Но сознание того, что он, мудрец, которого почитали могучие самодержцы, обманут, как дитя, нищим пастухом, его ошеломило и обратило в ничтожество. Горбун мрачно озирает пустыню и ничего не понимал. Путанные, беспорядочно пролетающие в мозгу советника мысли напоминали бред раненого воина.

– Что делать, воитель? – обратился Отанес к Датису. Полководец ничего не ответил.

– Что делать, Мегабаз?

Молчание.

– Что делать, Козс?

Эллин прохрипел на своем языке что-то похожее на проклятие.

Все чувствовали глубокое взаимное отвращение. Они с наслаждением распороли бы друг другу животы. Они с диким восторгом вырвали бы друг у друга трепещущие сердца. И от этого их удерживало лишь полное отупение, лишь неизмеримое бессилие тела и духа.

– Властители... – Отанес скривил губы и повернулся к воинам. – Предводителя арабов ко мне!

Из толпы лучников неторопливо, как бы с неохотой, выступил шейх Сулейман Эль-Кувейра.

– Слушаю тебя, господин, – сказал он угрюмо. Среди мятежников, на днях убитых «бессмертными», были и его сородичи.

– Вы – дети пустыни, Сулейман. Я слышал: вы находите воду там, где другие умирают от жажды. Не можем ли мы спасти людей?

– Подумаем, – сухо ответил араб.

Он подозвал к себе трех стариков-соплеменников и взобрался с ними на холм на берегу соленого озера. Прикрыв ладонями глаза, чтобы их не слепило солнце, арабы долго глядели на небо, потом на юг. Затем они отрывисто заговорили и слезли с бугра. Обойдя озеро, лучники разделились, легли на землю и поползли, как на охоте, осматривая камни. Вдруг Сулейман взмахнул рукой. Старики поспешили на зов Эль-Кувейры. Ухо Отанеса уловило гортанные возгласы следопытов.

– Над чем они там колдуют? – вскричал Оганес нетерпеливо.

Арабы не спеша направились к лагерю.

– Ну?! – сердито воскликнул Отанес.

– Вода близко, – спокойно ответил араб.

– Вода близко!!! – эти слова привели обессиленных людей в неистовство.

Тихо! – крикнул Сулейман. – Слушай, господин.

Мы смотрели на небо: птицы летят с юга и улетают обратно. Мы смотрели на юг: над краем земли – голубая полоска. Это горы. Мы смотрели на камни: на них – следы антилоп. Следы, ведущие на юг, плохие, слабые – животные устали, их мучила жажда. Следы, ведущие с юга, хорошие, отчетливые – антилопы шли с водопоя. На юге, в горах, за два перехода отсюда – вода!

– Если горы так близко, почему их не видно? – усомнился Отанес.

– Воздух горяч, пыли много, – пояснил араб.

Датис обернулся к воинам.

– Слушайте меня, эй, вы! Там, на юге, – вода. Кто ждет смерти – оставайтесь на месте, кто ищет жизни – вперед!

Положив изнемогающего Дария на носилки, персы, напрягая остатки сил, побрели на юг. Позади, на берегах соленого озера, лежали тысячи воинов. Эти люди не искали уже ни жизни, ни смерти – она сама их нашла. Религия предписывала приверженцам Заратустры: «Не хороните, не сжигайте, не бросайте в воду покойников, выносите трупы на холмы». Маги Персеполя, первые пособники Дария в его воинственных замыслах, могли радоваться – никто не хоронил, не сжигал, не бросал трупы в воду – они, как и полагается, усеяли собою возвышенности.

Первыми дошли до гор арабы. На рыжем холме задымил костер.

– Что тут у вас? – тревожно спросил Отанес, влезая на бугор. – Где вода?

Шейх указал на глинобитное укрепление.

– Следы говорят: недавно тут жили саки.

– Меня это мало радует! – разгневался Отанес. – Где вода, я спрашиваю тебя?

– А меня радует! – огрызнулся шейх. – Вода там, где люди жили, понял ты? Тут колодцы, массагеты их засыпали, уходя отсюда. Надо найти, понял ты?

– Колодцы? Как же пьют воду антилопы?

– В горах текут ручьи. Но пока мы найдем их, войско погибнет. Воды и тут много.

– О! – Отанес привлек араба к себе и, хотя Эль-Кувейра отстранялся, дважды приложился губами к его волосатому щекам. – Тогда я прикажу «бесмертным» найти эти колодцы!

– Нет, нет! – Сулейман предостерегающе поднял руку. – Они все погубят.

Арабы отогнали воинов от холма и осмотрели песок возле укрепления. Они долго разрывали мечами пласты сыпучей земли, но колодцев не было. Наконец, когда Сулейман уже отчаялся найти воду, в двух местах внезапно проступили небольшие воронки. Тонкие струи песка текли куда-то вниз.

– Вот они! – закричал шейх.

– Слава Ахурамазде, – проговорил Отанес, отирая навернувшиеся на глазах слезы.

Воины же так оступели от горя, что их уже ничего не волновало. Кто бы поверил, что эта орда растерзанных получеловеков, полуживотных еще недавно составляла цвет персидского войска, что эти люди когда-то шутили, хохотали, били в бубны и пели песни? Они давно оторвались от родных мест. Их ничего не связывало и с народом той страны, куда они пришли с мечом в руке. Между ними не было дружбы, к предводителям же своим все испытывали неугасимую ненависть. Поэтому первое тяжелое испытание и превратило их в скотов. Как мало надо, чтобы человек стал зверем, если в сердце своем носит не добро, а зло. Персы сидели на корточках вокруг колодцев и молча ждали, когда Сулейман доберется до подземного источника.

Арабы черпали песок шитами и откидывали его в сторону. Груды песка росли, но воды все не было.

– Глубоко стало, – сказал Отанесу шейх. – Опускайте нас на волосяных веревках.

Наконец воины Сулеймана, соорудив из плащей подобие мешков, подали вверх груды мокрого лежалого грунта. Люди жадно поползли к сырой глине, но лучники отбросили их назад.

– Это земля, не вода, собаки! Сожрете – издохнете. Где терпение?!

Арабы не спеша, по одному, вылезли из ям, и по курчавым смолистым бордам сынов пустыни стекала вода.

– Воды много, из этих колодцев саки поили тысячи овец, – шепнул Отанесу шейх Сулейман Эль-Кувейра. – Однако следи за порядком. Если все бросятся к колодцам – завалят.

Отанес, подпрыгивая от нетерпения, выстроил вокруг огромных колодцев греков-копейшиков и лучников-аравов.

– Воины! Сохраняйте спокойствие, стойте на месте. Воды много, всем достанется!

Над горами нависло молчание, более страшное, чем душераздирающие вопли, и в этой гнетущей тишине толпы воинов пошли на колодцы, как в атаку. Но после того, как полторы сотни слишком нетерпеливых легло под секирами, народ присмирел. Арабы торопливо наполняли мехи и передавали главарям из отрядов. Первым напоили Дария, потом Гобрию, персов и греков. Бурдюки, туго набитые упругой влагой, пошли по рядам. Люди обрели спасение.

Правда, не всем выпала счастливая доля. Из ста тысяч человек, выступивших из Марга, к благодатным горам, где сметливые арабы отыскивали воду, дошла всего половина, причем около двадцати тысяч оставшихся в живых воинов едва ли было пригодно для боя.

Зашло солнце. Войско, выставив дозоры, отдыхало у колодцев. Люди пили не уставая. Распухали животы, влага шла обратно, а воины все пили, лакая воду, как собаки.

– Жалкие твари, – выругался Отанес. – Что будет, если нагрянут саки?

– Вся надежда на моих лучников и на греков, – сказал Сулейман Эль-Кувейра. – Эй, Коэс, Мандрокл, Скилак! Скажите своим гоплитам, чтобы не спали.

Ночь густела. Нависла плотная духота. Откуда-то поплыли грозовые тучи. Звезды исчезли. Небо затянуло сплошным черным пологом. Отанес, Коэс и Сулейман стояли на вершине холма и до боли в глазах глядели в темноту.

– Сердце говорит: плохо нам будет, – прошептал Отанес тревожно.

- Не пугай, – поежился шейх Сулейман. – И так нехорошо вокруг.
- Нас кто-то окружает, – просипел грек.
- Что окружает? Темнота, больше ничего.
- Нет, послушайте! Они идут...
- Кто?!

Коэс умолк, не смея произнести страшное слово. Полководцы с напряжением слушали дыхание ночи, но ни звука не долетало из пустыни. Однако люди чувствовали, что вокруг них движется нечто огромное и грозное.

- Смотрите! – вскричал вдруг эллин.

В пустыне вспыхнул огонек.

- Факел, – содрогнулся Отанес.

- А вот еще, на другой стороне!

- И еще!

- И еще!

Пустыню и горы разом озарили тысячи факелов. Они обложили стан персов плотным огненным кругом, и круг этот быстро сужался.

- Трубачи! – заголосил Отанес, бегая по горе. – Тревога! Тревога!..

Тысячи огненных стрел прочертили небо. Стрелы падали на персов сплошным косым дождем. Их было так много, словно массагеты вырубili и оперили до последнего стебля все тростники, растущие на берегах Аранхи. Вокруг персов вспыхнула сухая трава. Черные фигуры воинов метались между кострами, хорошо видные массагетам, скрытым во мраке. Проливая потоки крови, отчаянно отбивая атаки массагетов, войско тесно окружило холм – единственную надежду на спасение.

Разметав отряды врага ураганом стрел, массагеты исчезли в темноте.

– Ну, что еще? – бешено крикнул Датис, рывком распахнув полог шатра, в котором притаился «владыка мира». – Останемся в этой стране, чтобы взять ее в наши руки, или пусть уж она живет «сама по себе»?

Дарий поглядел на полководца глазами затравленного тигра. «Гиена! – с горечью подумал он. – И на тебя я опирался как на брата! Вот когда ты показал свои клыки. На плаху предателя!» Царь повернул голову к выходу, чтобы крикнуть «бессмертных», но сдержался. Сейчас не время для раздоров. Если «бессмертные» лишат жизни Датиса, его конники взбунтуются и уничтожат Дария.

– Смейся, наглец, – вяло пробормотал царь и шепотом добавил: – Доберемся до Персеполя, и я сверну тебе шею!

Добраться по Персеполя... Удастся ли это? При мысли о своей супруге Атоссе, о детях Ксерксе и Масисте, которых, не дай того бог, он, быть может, уже никогда не увидит, владыка мира едва не завыл от горя.

– Мудрое решение, – злорадно усмехнулся Датис. Он снова думал об Оройте.

– Где Гобрива, Оганес, Мегабаз? Где Коэс? Зови всех! Бросайте раненых! Отберите самых выносливых коней, других забейте на мясо. Главное – воды запасите, по три меха воды на каждого человека!

После полуночи отряд из двадцати тысяч персов, мидян, греков и ассирийцев тайком ушел на запад. Позади долго звучали крики покинутых воинов. Люди призывали кару богов на голову Дария и убивали себя ударами кинжалов.

Два фракийца покинули колодцы и отыскиали по кострам стан Сохраба. Дрожа от страха, они шли между шатрами и твердили, как во сне: «Сын Гистаспа бежал, сын Гистаспа бежал». Саки не понимали их слов, что-то грозно кричали

на своем языке и грубо толкали наемников. Хотя было уже поздно, массагеты не спали. Их радовал успех. От шума, говора и веселых возгласов стан походил на торжище. Особенное оживление царило у крутого холма, расположенного в середине лагеря. Тут ярко пылали кучи хвороста, и фракийцы увидели на вершине бугра сверкающее лезвие огромного железного меча, врытого в землю вверх острием. У подножия холма стояли на коленях какие-то люди. Фракийцы узнали в них персов. Кочевник сак быстрыми взмахами ножа перерезал пленникам глотки. Массагеты совершали жертвоприношение богу войны. От этого зрелища у одного из фракийцев отнялся язык. Второй, опустив голову, безостановочно повторял:

– Сын Гистаспа бежал! Сын Гистаспа бежал!

Человек, чем-то отличающийся от других массагетов, спросил перебежчиков по-фракийски:

– Кто бежал? Когда бежал?

Фракийцы бросились к нему, словно нашли родного брата. Их окружили тохары и авгалы.

– Сын Гистаспа бежал! Не убивайте нас...

Их не убили. Им дали мяса, обмыли и перевязали раны. Нури, старейшина тохаров, сообщил Сохрабу о бегстве Дария. Массагеты настигли врага на рассвете. Персы закрепились на возвышенности, готовые защищаться до конца.

Их снова окружили и обрушили на них лавину оперенных тростинок. От стрел некуда было укрыться. Персы прятались за трупы коней, но тут массагеты доставали их секирами. Отогнать разъярившихся конников не было никакой возможности. Коэс два раза выстраивал свою поредевшую фалангу и бегом бросался на массагетов, но «скифы», как называл их стратег, оба раза окружали отряд элинов со всех сторон и разили врага из тугих луков. К полудню у массагетов опустели колчаны. Они все разом повернули коней и ускакали за дюны. Персы от души возблагодарили богов. Сын Гистаспа, заботясь лишь о собственной голове, отобрал самых лучших воинов и поспешно двинулся на запад. Около десяти тысяч раненых и убитых иранцев, мидян, греков и арабов он оставил у злополучного холма в дар голодным птицам.

Как бы издеваясь над завоевателями, солнце, которое все эти дни беспощадно преследовало Дария, сегодня исчезло. Лохматые черные тучи обложили небо и плыли над отрядом персов, изворачиваясь и налезая друг на друга. Казалось, все злые духи Красных Песков собрались вместе, чтобы настичь и поглотить остатки арийского войска. Подавленные мраком, царившим вокруг, персы угрюмо гнали коней.

Дарий спешил к городищу Кунхаза, где перед походом в пески он оставил отряд мидян, добычу и пленных апасаков. К укреплению подошли среди ночи. Городище встретило персов зловещим молчанием. Ни костров, ни криков дозорных. Ахеменид испугался и решил встретить утро на берегу озера.

Воины предчувствовали беду и не спали. Они сидели на корточках, сжимая в руках поводья конских уздечек, и шепотом переговаривались. Их окружала темнота, полная непонятных шорохов. Внезапно на башне городища раздался крик. Все оцепенело от ужаса. То плакала сова. Из раскрытых ворот укрепления метнулись в заросли неуловимые тени. Воинов била дрожь: из тростников на них смотрели сотни диких огненных глаз. Тишину прорезал чей-то утробный вопль, словно заголосила женщина. Вой подхватили десятки тонких детских голосов. Хор изливал тоску в тысячах разнообразных рулад, и при этих звуках в жилах персов стыла кровь. Стаи шакалов пели песню

осени, песню грядущих ветров и холодов, но персам казалось, что их проклинаят души зарезанных ими женщин и детей.

Рассвело. Персы не нашли в запустелом городище ни пленников, ни добычи. Зато на площади возвышался холм из голов. То были головы мидян, оставленных Дарием. Это зрелище так потрясло царя, что он в припадке отчаяния едва не вонзил себе в горло кинжал. Дарий жалел не мидян – он сожалел о пропавшей добыче. С чем предстанет Ахеменид перед глазами верховных жрецов, с нетерпением ожидающих его в храмах Персеполя?

Иранцы принесли в жертву Ахурамазде белого коня и собирались в путь, однако путь оказался закрытым: на равнине их ждал Сохраб. Толпы массагетов стояли неподвижно, без всякого шума, и ждали, когда выйдут враги. Они не нападали, не спешили нападать – они хотели растянуть мучения охотников за рабами.

Персы решили пробиться на юг через болота. Разведчики отыскиали зыбкую извилистую тропу. Дарий отправился вперед с отрядом «бессмертных». За персами следовали арабы. Шествие замыкали наемники.

Коэс неловко сидел на слишком горячем варварском коне и хулил Мойр, богинь судьбы, за то, что они сделали его кентавром. Всадники ехали попарно между двумя стенами необыкновенно высокого тростника. Густые метелки сплетались наверху, образуя шелестящую от ветра кровлю, и в редкие просветы заглядывало хмурое небо. Лошади увязали по колено и часто падали. Из чаши доносились крики диковинных птиц. От комаров не было спасения. Иногда в стороне от дороги раздавалось грозное рычание, и за кустами тамариска бесшумно пробежали огромные полосатые кошки.

Массагеты выждали, когда войско Дария окажется на острове среди болот, и подожгли заросли. Тысяча потерявших голову завоевателей сгорела в бушующем пламени и задохнулась в клубях дыма. Другие бежали по дебрям напролом и тонули в протоках Аранхи, слыша крик массагетов:

– Ширак идет! Ширак!

У Дария оставалась единственная надежда на спасение – мост. До него вместе с царем добрались всего восемь тысяч воинов. Чем ближе подходили персы к месту переправы, тем громче стучали их сердца, тем веселей становились люди. Все воспрянули духом, уверовали в избавление от гибели.

Но моста не было! На пустынной реке Ахеменид не увидел ни одной лодки, ни одного жалкого челнока. На этом берегу возвышался еще один холм из черепов мидян, а на противоположной стороне, к ужасу Дария, персов ждали тысячи воинов в рогатых шлемах. И ждали не в гости. Шах-Сафар, узнав о подвиге Ширака, пожертвовал ради общего дела заложниками, находившимися в Марге, и выступил против своего «старшего брата».

Проклиная и Аримана, и Ахурамазду, готовые перерезать друг другу глотки, персы в неистовстве пускали в Аранху стрелы и рассекали воду кинжалами.

– Ширак идет! Ширак!

Отряды Сохраба охватили Дария полукругом. Засвистели стрелы. Сын Гистаспа заметался, точно скорпион в кольце огня. Отчаяние персов достигло предела. Не помня себя от ярости, они бросились на преследователей, изрубили в куски три тысячи массагетов, захватили свежих коней и ускакали на юг, сами не веря, что уцелели. Теперь их оставалось около пяти тысяч. Они мчались вдоль берега реки, надеясь оторваться от Сохраба, переправиться через Аранху или добраться до Согда.

– Ширак идет, Ширак!

Этот крик прозвучал в то утро, когда персы уже решили, что спасены. Навстречу им вышло войско дербиков и саков-хаумаварка. Подвиг Ширика заставил и Омарга с Томирис примириться с гибелью заложников. Никогда массагеты персов, а персы массагетов не рубили с таким ожесточением! И те и другие не щадили себя ради победы. Противники забыли о луках и поражали один другого секирами, кинжалами, камнями, разбивали черепа, распарывали животы, сдирали кожу с голов, среди грохота битвы привязывали добычу к поясам и снова брались за оружие, чтобы снять еще один скальп или расстаться со своим.

Над полем битвы звучало имя Ширика, ставшее боевым кличем разгневанного народа. Берег Аранхи чернел от трупов персов и массагетов. Бешенство придавало силу иранцам. О стойкие ряды греков разбивались отряды наездников пустыни. Арабы пускали в ход зубы и ногти. С нечеловеческим напряжением тысяча воинов Дария вывернулась из рук массагетов и бежала в заросли лоха.

Возле дербикского городища Чар-Джува сын Гистаспа и Гобриса на утлых тростниковых плотах переправили своих людей через Аранху. Тучи, скопившиеся в небе, разразились первым дождем. Оглушающе гремел гром; подобно Священному Мечу массагетов, сверкала молния. Потоки ливня хлестали по земле, иссушенной зноем долгих летних месяцев, клонили к вершинам дюн кусты тамариска и смывали слезы с лица Сохраба.

Долго смотрел Сохраб, стоя на берегу, на жалкие обломки великого арийского войска. Перед глазами старика проплывали видения: тревожное утро, когда «орлы» изгнали «олений» из городища возле Синих Гор, высокие стены крепости безвестно сгинувшего Кунхаза, красивые очи Фароат, улыбка Ширика.

– Ахемениды! – Сохраб стиснул кулак. – Пусть ваши самые отдаленные потомки не забывают об этом дне!

Голос вождя растворился в ударах грома; казалось, сама природа предостерегала захватчиков.

По кочевым путям, по дорогам оазисов, через болота и заросли везли массагеты на колеснице останки Ширика. Люди громко причитали, как причитал он, зарывая Фароат в песок. Люди рассекали себе лица, как рассек свои щеки Ширик, уходя по Тропе Гнева. Люди раздирали свои губы, ибо так сделал Ширик, когда шел на смерть за свободу массагетов. В городищах гремели барабаны, пылали костры, в бронзовых жертвенных котлах бурлила вода – массагеты прощались с Шириком.

И похоронили Ширика на равнине. В глубокую могилу пастуха не опускали его умершвленных жен, ибо у него не было жен; не положили убитых коней, ибо у него не было коней; не резали над ямой рабов, ибо у него не было рабов; не снабдили пастуха ни дорогим оружием, ни богатыми украшениями, ибо хорезмиец происходил из бедного рода.

Зато у него было много земли, родной теплой земли, насыщенной кровью Фароат, напитанной слезами массагетов. Щедро одарил народ этой землей своего героя. И поднялся к небу величественный курган.

До сих пор стоит тот курган в пустыне. Орлы над ним парят, горячие ветры его овевают, и стебли травы на вершине поют неумолчно песню о прошлом и будущем.

Светлой грусти тонкая нить...

Ашот ДАНИЕЛЯН

Скоро

Скоро закончится неоновая эпоха,
Кофе и пищей пропахнут амбиции.
В этом мире до тебя всем охрово,
Кроме налоговой и полиции.

В этом мире ты, наверное, был нужен,
Чтоб, докатив до конечной ветки,
Мелькнуть отражением в полуденных лужах,
В зеркальце привокзальной кокетки;

В сочувствии взять у сектанта брошюрку,
Чтоб выбросить немедленно, не открыв,
И в подворотню скорее юркнуть,
Пока не нажали вселенский слив.

Уже отзвучала эра аналога,
Эрос в дремоте поник у кровати.
Кинь на имейл мне остатки радуги
И возлюби в цифровом формате.

Больше нет смысла в поиске истины,
Грустный финал художественно оправдан.
Чуешь, запахло жжеными листьями?
Это планета дышит на ладан!

Больше нет смысла скрываться от прошлого,
Гражданство указывать нервно в анкетах...
«Собаку выгулай, будь хорошим.
Слышишь – уже летят ракеты...»

Ашот ДАНИЕЛЯН. Переводчик с японского. Музыкант, основатель ташкентской рок-группы «Крылья Оригами». Поэт, прозаик. Родился в 1983 г. в Ташкенте. Окончил Ташкентский государственный институт востоковедения.

Саудад

Не шелками нам выслан путь,
Вот уж вечер ложится на плечи,
И сгущается светлая грусть
На лице твоём, сын человеческий.

Светлой грусти глаза полны
Тех, кто в сердце лелеет тайны,
Кто коснулся рукой Луны
В отраженьи реки зеркальной.

Вспомни все, что хотел забыть,
И слова разлетятся на слоги:
Светлой грусти тонкая нить
Зазывает в свои в чертоги.

Вспомни дом на углу, огни
И подругу в наряде скромном,
Как остались вы в доме одни,
Светлой грустью минуты наполнив.

Бродят тени в ночном саду,
И над теменем у ребенка
Дует Ангел в пастушью дуду
Светлой грусти мотив негромкий.

Тем, кто верит не в порчу, не в сглаз,
А в несмелой души спасение,
Светлой грустью иконостас
Улыбается по воскресениям.

И накроет тебя с головой
Темнота, как тулуп овечий,
Только звезд светляковый рой
Кто-то грустный запалит, как свечи.

Я запомню всю жизнь наизусть,
Как дитя колыбельной напевы,
И разлитую светлую грусть
Молоком по созвездию Девы.

День лисогона

В день, когда лисы меняют норы,
Они глухи и слепы – лови их руками.
Кажется, есть такое поверье,
Что именно двадцать седьмого апреля
Подводит их собственный хитрый норов,
Даром, что нажит он был веками.

Лисы, по непонятной причине,
Бросают давно обжитое жилье.
Забывая семейные ранги и чины,
Рышут по лесу, как беспамятное жулье.
Нисколько не зная, что обретут взамен,
Чувствуя сильнейшую энергию перемен.

Они мечутся по краю дубравы,
На кромке леса, где корни кудрявы,
Где ветер в морду хвоей пишалит,
В чаше, где ухают сонные совы,
И звуки неясны сквозь ветви-засовы,
И свет удивительно тонок.
Где, растерянность им не прощая,
Словить их может даже ребенок.

...Мы опоздали, последний трамвай,
Бенгальским огнем взыскрив провода,
Вдоль медленной речки скользил в никуда.
Немела ночи бездонная высь,
Застигшая нас у моста.
Ты улыбалась: «Зачем нам туда?
И так все вокруг не просто».

Но эта реальность – аркан, западня,
Манила куда-то вниз.
Мой разум метался, как маленький лис,
В потемках того необычного дня.
И знал я в слепом порыве,
Что не останусь прежним,
Когда целовал впервые,
Не убоившись запрета огня,
Касаясь снежноситцевых щек,
Губ твоих теплый шелк.

Вера (предположительно)

В ОВИРа узких коридорах плавающих,
В очереди чертыхающихся горожителей,
За визой выездной в зной стояла тающая
Девушка – Вера (предположительно).
Очаровательно короткострижено-тонкошея,
Обмахивалась книжицей Ерофеева.

Я предложил – никакого вердикта:
– Не лучше ли, девушка,
На веер вам выменять книжку?
Я не судья, но судьба Венедикта
И так баловала не слишком.
Возможно, навскидку он кажется ветреным,
Но это не шутка – вдруг сделаться веером.

Теряли терпение визопросители,
Громкоговоритель трещал, словно тетерев,
(предположительно) Вера ответила,

Что веер использует каждый бездельник,
Что веер – плохое вложение денег,
Что вкладывать нужно в литературу,
Быть хоть чуть-чуть утончённой натурой,
Смыслить в вине, а не в политуре.
Чтоб паспортисткой, затисканной чужими визами, визгами, исками
В тисках этих стен,
Где взвояет сама тоска,
Юности своей не стаскать!

Затем с улыбкой добавила,
Что для нахалов, как правило,
С вопросами идиотскими
Она носит в сумочке алой
Увесистый томик Бродского.

Космогония пчелиного дома

Улей-Космос, метеоритов рой,
Комет косы и ветра лай.
По небу идет Сатурн с косою,
Планеты под снос – скорей выбирай.

Улей-Космос, зияний жуть,
Лейся дымом на Млечный Путь.
Чей-то возглас из дна ночи –
То было Слово, но ты молчи!

Улей-Космос, созвездий счёт,
Строг пчеловод, чей сладок мед.
Медведица слижет твой древний свет,
Стрелец запустит стрелу ей вслед.

Улей-Космос, симфоний строй.
И музыка сфер, и свалка горой.
Здесь на откосах реликтовый гул –
Сам Вельзевул в вувузелы раздул.

Улей-Космос – и ад, и рай,
Жемчужин россыпи выбирай!
Но будем честными до конца,
Мы – просто звездная пыльца!

Апокалипсис сегодня

Когда момент наступит оный,
Зажгутся ликами иконы,
Услышан будет отзвук трубный
И онемеют наши губы.

На город, с детства нам знакомый,
Прольется дождь из насекомых,
Художник в ночь опустит кисти,
И звезды опадут, как листья.

Там, во вселенском запустении
Хотел я просто стать растением –
Плюшом вытягивая пальцы
Вослед невидимым скитальцам.

Иль, обратившись знойным ветром –
Песком забвенья метр за метром,
Горстями меря гнев и жалость,
Засыпать дом твой обветшалый.

Уже ничто не станет новым,
И, лежа под кустом терновым,
Я б в вечность прошептал устало:
«Как хорошо быть минералом!»

И в уксус превратились вина,
И никого уже не видно,
И под прощальный скрип калитки
Качается пустая зыбка.

Но в день последний и суровый
Я не скажу тебе ни слова,
И даже здесь, в конце Вселенной,
Пусть будет мысль неизреченна.

Нам не пристало верить клятвам,
Хранит молчание – все, что свято –
Слова, что произносят все
Уста в предсмертном поцелуе.

Пусть то, что видел я однажды
В твоих глазах печальновлажных
И полюбил необычайно,
Теперь навек поглотит тайна.

Пред тем как мир накроет сумрак,
Пред тем как обнулится сумма,
Умолкнут шорохи и звуки,
Позволь мне взять тебя за руку...

Чтоб в темноте о нас оставить
Память.

ЗАПОЗДАЛЫЕ ОТКРЫТИЯ...

Рассказы

ГОАР РШТУНИ

ВТОРАЯ ВДОВА

Сосед со второго этажа оказался художником. Хорошо рисовал, видела я его картины у них дома, но в основном он иллюстрировал книги. Синеглазый, с мягкими манерами и правильными чертами лица, Нанушян казался даже красавцем рядом с женой. Жена Клара была невообразимо некрасивой, каждый раз, глядя на неё спереди и сзади, я размышляла над сюрпризами судьбы, которые заставляют таких красавцев жениться на таких дурнушках. Например, внешне мы с мужем были немного похожи... Никаких придилок!

С моим отцом – врачом, художником – подружился сразу, сблизил их любовь к цветам. Мы ведь до этого жили в саду, и отец отвоёвывал кусочки придомовой территории у мечтавших о гаражах диких горожан-пролетариев, не видевших цветов на грядках, сажал цветы, поливал, одышливо уминая землю вокруг. А утром высокий, грузный пенсионер чуть не плакал над вырванными с корнями саженцами. А Нанушян писал картины с цветов, и потому тоже испытывал интерес к ним.

Цветоводы накупили саженцев и рассады, стали дежурить по ночам. Наконец на пятую ночь застигли каина. Он оказался соседом с третьего этажа, расчищал площадку для своего драного жигулёнка. Он и сейчас стоит, этот жигуль, зажатый между стенками всё-таки возведённых гаражей – ни войти, ни выйти, стоит и ржавеет.

А их нет на свете давно – ни моего отца, ни соседа-художника, ни каина.

Кое-как отвоевали они свой питомник, и виноградные кусты пышно разрослись, блестящие, кисловатые на вкус стебли поползли по тарме, и робкие саженцы прижились... Кроны этих, теперь уже могучих, деревьев давно взлетели вверх, к пятым этажам, и шумят в обнимку с родным арабским ветром... А от цветов практично и предательски отказались – всё равно сорвут, проходя мимо...

Клара дружила с моей мамой, хотя регулярно заливала потолок кухни и санузел разными своими стоками и, спускаясь к нам, долго и слезливо извинялась. Мы понимали, что они ждут денег за хорошую книгу ещё с заселения, чтобы поменять дырявые трубы, и по-добрососедски терпели.

Гоар РШТУНИ. Член СП России. Переводчик, прозаик, поэт. Родилась в 1943 г. Окончила химический факультет Ереванского госуниверситета, аспирантуру при МГУ, кандидат химических наук. Автор стихотворных сборников «Звенит струна. Стихи разных лет», «Гроздья ягоды винной», «Притихшие бури», сборников прозы и переводов «Невыдуманные истории», «Бабушкины пословицы».

Из дочерей ни одна внешностью не пошла в отца, больше в мать, но всё равно замуж потом вышли. Как говорила моя бабушка, дырявая бусинка на земле не завалется... Кстати, почему-то эта пословица не распространяется на толпы старых дев.

А Клара пришла как-то утром, ничем нас не залив, и стала всхлипывать на кухне. Оказалось, Нанушян переехал жить к себе в мастерскую. Мама даже не всплеснула руками – почему-то она предполагала. Да и тётя, портниха, ситуацию объяснила по своему портновскому разумению: такая толстобёдрая фигура, а он всё-таки художник!

Мы ей пододвигали кофе, успокаивали, а она время от времени повторяла, что всю жизнь, кроме него, никого не любила, всю жизнь ему посвятила. Я тогда не знала, как часто такое бывает: посвящаешь свою жизнь, посвящаешь, а они скок – и в сторону...

Клара плакала, между всхлипами рассказывая, как она его любит и какой он на самом деле хороший, умоляла маму поговорить с ним на предмет возвращения. Мама тут же согласилась, ибо, как домком, считала, что она имеет право и даже обязана заботиться о моральном облике нашего шестиподъездного дома.

Но оказалось, что дело зашло слишком далеко. Как это часто бывает, Клара сначала рассказала не всё. С каждым приходом по утрам выяснялись новые подробности, мама совсем запуталась. У Нанушяна от этой «грязной проститутки» родился лакот! То есть сын, он был «лакот», то есть шенок, и «бич», то есть незаконнорожденный. Мама, хоть и педагог весьма строгих нравов, стала чисто по-житейски успокаивать, объясняя, что сын тоже нужен художнику, пусть растёт себе, ведь он не разводится, за квартиру платит, на еду даёт, девочкам всё покупает...

Однако настоящий гром разразился чуть погодя. Клара ходила к гадалкам, наводила порчу на эту «грязную, грязную, дальше слов нет», привораживала к себе, потратилась немерено. В результате порча тоже запуталась и... обернулась против мужа самой Клары, бедняги Нанушяна!

У художника обнаружился лейкоз. Или лейкемия. Какая разница, если приговор? Клара теперь рыдала вполне легитимно, все его жалели, впрочем, бедная женщина и сама действительно искренне жалела любимого, может, о той разлучнице и вовсе позабыла при таком ужасном диагнозе!

Художника увезли в больницу.

Клара день и ночь моталась туда, тёрла на соки морковку, петрушку, бегала в церковь молиться... Врач утешал, мол, вылечится, во Франции ведь лечат.

А художник, похудевший, бледный и слабый вернулся всё же домой, о чём и мечтала его законная жена...

На солнце Нанушян не выходил, лишь вечерами спускался к лавочке у подъезда, поливал цветы, перекидываясь с отцом вопросами о состоянии своих анализов. И, конечно, умер. Денег на Францию у них не было, а то пожил бы ещё немного. На похоронах Клара билась в истерике, человеку едва минуло сорок лет, молодой, соседи, конечно, сочувствовали... Красивых все любят, даже не осуждают за то, что на две жены живут. Под квартет с кларнетом отправили художника в последний путь...

А там, на улице, во время похорон мама глазами показала на стройную, красивую, очень породистую женщину, которая стояла на противоположном тротуаре, опираясь на капот машины.

– Это она, Циала.

Присмотревшись, я заметила, что женщина беременна...
Как поёт Вероника Долина:

*Была ещё одна вдова
В толпе гудящей.
Любовь имеет все права
Быть настоящей.*

Клара так и не сняла с себя траурной одежды, грузинские армянки носят их долго и скорбно, почти всю жизнь. Циала так и не вышла замуж. Но у неё росли синеглазые погодки, удивительно похожие на отца, красавца Нанушыяна... Мама, как всегда, обнаружила общих знакомых и была в курсе личной жизни Циалы: работает, всегда элегантно одета и неплохо выглядит, чуть ли не счастлива...

*Ведь ей остались сыновья,
С его чертами...*

НЕПРАВИЛЬНАЯ ОРЕШИНА

Красивое село Апна, особенно, если с запада смотреть. Красоты невероятной! Каждый день здороваешься с горой Аралер, повернёшь голову – вот он, красавец Арагац! Все четыре главы – в снегу, не в снегу – всегда хороши! А как благоухают склоны Арагаца! Жёлтые ковры, лиловые ковры, потом снова жёлтые... ветерок пригибает горный ковыль, серебром несёт вдаль... А если подняться к вершинам, увидишь на траве островки снега, правда, Варуж давно туда не поднимался, с ума сошёл, что ли, не турист же какой. Но проходившим туристам и кров давал, и таном поил, а те, закатывая глаза к небу, рассказывали, какое озеро там видели. Сейчас их мало, а вот давно, лет двадцать–тридцать назад, отбоя от этих туристов с рюкзаками за плечами не было, всё просили проводить.

Дом у Варужа большой, хороший двухэтажный деревенский дом, на троих сыновей рассчитан, да вот ни один из них в селе не живёт. Старший в райцентр переехал, средний на Украину подался за дядей, а младший – в Россию, лучше всех устроился. Скоро машину купит.

Придел большой, еле управляется, скотина... работы двум снохам много досталось, и жена, поди, ни на минуту не садится... Сыр, масло – всё сами делают и продают. Пасеку недавно завели, мёд на горных лугах ароматный, чабрецом и клевером напоенный. Из города за ним приезжают, целебный, говорят.

Хорошо в горах, соседи, как родственники: сто лет рядом живут, в гости ходят, детей растят. Ещё деды их соседились...

Вот только Тевос явно умом тронулся – судиться вздумал. С хворостинкой за скотиной на выпас вместе бегали, в школу вместе ходили, детей переженили за одним столом, даже забор между ними лишним казался. Да вот, поди ж ты, про суд вспомнил, думает, если племянник в районе работает, так ему всё можно. А орешина у них ещё с дедовых времён стоит, криво стоит, вся к соседу поникла, неправильно растёт, все плоды в тот огород. Но это его, от деда, орешина! Пришлось межевать заново, кабастр какой-то снять, сказали, надо забор узаконить.

– Тевос, ай Тевос, совесть имей, на моей земле орешина стоит!

– Ай Варуж, как тебе не стыдно! На мою землю ветви клонятся, полсада в тени держат, посадить ничего не могу! На моём заборе ветви лежат, у тебя только ствол, и то кривой, ты же помнишь, отец этот забор поставил, когда

бухгалтером немного поработал, орехи падают на мою землю, всю войну этими орехами дед семью кормил, вёдрами, отец рассказывал, собирали!

– Ай Тевос, стыдно тебе должно быть, помнишь, ещё в школе ты пригибал ветви, вязал к рогатине, чтоб с вашей стороны больше росло!

– Я не помню такого, а ты забыл, как в нашего пса Толбаза камнем попал?

– Слушай, Толбаза давно нет, околел, ты зачем его путаешь? Я же в тебя целился, забыл, как ту Сируш хотели сосватать за моего сына, а она гулящая оказалась, видели в городе с трактористом из Арагюха!

На шум люди подходили к забору, соседи умолкали, назавтра всё начиналось сначала, с вечера старики напрягали память и с утра начинали напоминать:

– А ты вот забыл, не иначе, скрылоз у тебя начался, рановато, ещё восьмидесяти нету...

Наконец догадались или кто-то надоумил – съездили в районный суд.

Судья долго слушал препирающихся старцев, пожевал жвачку и, отгоняя мух, позвал секретаря:

– Напиши, чтоб землю замерыли, в кадастре заверили, там разберутся.

В кадастре разобрались. Долго ли? Деньги забрали, каким-то пистолетом пошёлкали, план составили снова, как будто земля перевернулась и что-то поменялось. Выдали новёхонькие свидетельства. Старики долго вертели этот всемогущий план, а орешину ни на чьём плане не смогли найти.

Не обозначена эта самая бесхозная орешина. Прямоугольник, дом, сарай, а деревьев нет, голый генплан. Нет у них закона на каждое дерево генплан рисовать.

Опять пошли к судье, а судья больше не жуёт жвачку, кричит на них:

– Вы мне надоели! И урожая никакого не будет, все мои абрикосы помёрзли, персики градом снесло, а тут вы!

– Ай гражданин датавор, гражданин судья, твой дед помнит моего отца, и твой отец всё видел, как мой отец во время войны на выручку с продажи плодов этой орешины кормил нас, своих детей. Я тоже хочу это право иметь, раз оно ещё с войны было... И у меня внуки есть, и мне деньги нужны, хоть войны давно нет, а всё равно худо живу! И эти деньги за орехи я бы на корм скотинке потратил, у жены давно обувь сносилась...

Судья недовольно морщился, вспоминая свои бесплодные в этом году деревья, а вот Варуж, услышав, что у жены Тевоса давно нет обуви, тут же вспомнил свою Арегназ. Неужели он её без обуви оставил бы, святая была Арегназ, так рано ушла... Расчувствовался...

– Слушай, Тевос, что ты захныкал опять? Никто у тебя эти орехи и не думает отбирать! Собирай, продавай, если урожай будет, как твои отец и дед собирали, я поливать обещаю! – неожиданно сипло распорядился Варуж. – Покупай что хочешь на эти деньги! Расписку даю, вот судья, вот я, вот ты! – потыкал Варуж во все стороны, будто там ещё кто был.

– Как это? Значит, все орехи мне? Со всего дерева?

– Да, да, со всего дерева! – крикнул Тевос, решив, видно, что орехи может купить у соседа по сходной цене. Всё дерево – тебе, все орехи – тебе, а землю мою не трогай. Земля моя.

– Э, Варуж, что ты мелешь? Как это – земля твоя, а дерево – его? Так не бывает. Дерево растёт на земле, земля твоя, значит, и дерево твоё!

– Нет, дарю я ему это дерево! Немного листьев сорву, от моли в гардировку положу, дело говорю: дарю! Дарю! И от имени внуков тоже дарю, дай бумагу – подпишу! Но только дерево и орехи. А землю я не имею права

дарить. Земля эта от деда досталась отцу, от отца – мне, от меня внукам перейдёт. Можно сказать, кровь какую-то пролили...

– Варуж, что-то ты не договариваешь, даже не знаю, благодарить или нет, – растерянно пробормотал ошалелый Тевос.

Но Варуж договорил:

– Вот когда эта орешина засохнет, моя земля опять мне останется, никуда она не денется...

Тевос пошевелил губами, что-то хотел сказать, но вместо этого хитро улыбнулся:

– Хорошо, Варуж-джан, орешина триста лет может жить, а там, глядишь, или осёл, или хозяин осла...

ЗАПОЗДАЛАЯ РЕЦЕНЗИЯ

Человек со старинным именем Поликарп жил со взрослым сыном в тайном ожидании, когда тот женится. Но сын не спешил. Заводил бабёнку – за порог не пускал, сам ходил в гости. Отца он стеснялся.

Как водится, с горя или тоски (да и одиночество располагает), родитель стал прикладываться, однако одумался вовремя, вспомнив, что с сердцем не все благополучно. Дачи не было, бездельничать Поликарп не умел, сел за старую машинку, на которой когда-то печатал диссертацию, и стал описывать свой скучный быт. Машинка стрекотала, Поликарп молодел. Литератор-дебютант в этом возрасте обычно начинает с биографии. А вспомнить за столько лет было о чём...

В детстве его звали Карпушкой, чуть подрос – уже Зиновьев, одноклассники упростили фамилию – звали Зиновий, а чаще – Зин.

Зин был великим математиком. Он умел вычислять, когда кого вызовут к доске. Вуз выбрал инженерный, попал после распределения в НИИ машиностроения. Там и женился.

На каждой странице Зиновий аккуратно описывал год своей жизни, интересной и не очень, правильной или неправильной, исписал шестьдесят пять страниц, закрыв на грустном месте в своей простой и обычной человеческой жизни: «С Костиком мы остались одни».

На тридцатой странице Костик, которому стрёкот допотопного и чужеродного механизма мешал заснуть, отдал отцу свой ноутбук, научил нехитрому Ворду, и, опробовав преимущества компьютерного набора, Зиновий больше к машинке не прикасался, на всю жизнь полюбив поисковики. «Весь мир на ладони...» – как пел Высоцкий. Зиновий был счастлив и нем, через интернет ударился в историю, выписывал длинные списки исторических сведений, поминутно жалея, что вуз выбрал не тот. А мемуары так и остались недописанными.

Он полюбил историю запоздалой и страстной любовью, стал писать исторический роман с лёгким налётом детектива. Денег на издание не было, а то, что было, жалел пускать непонятно на что, ибо тщеславием не отличался. Написал и второй. В шкафу росли кипы распечаток в аккуратных папках, Зиновий дописывал восьмой роман, теперь дошедши до Столыпинских реформ. Каждый роман Зиновий подписывал новым псевдонимом, думая когда-нибудь отобрать лучший. Да и с заглавиями долго возился: трудно выбрать такое заглавие, чтоб читатель хоть на минуту остановился!

Костик снисходительно поглядывал на его занятия, не мешал, но и не помогал и даже не интересовался, чем занят отец. Главное, что мучило Зиновия, сын ни разу не прочитал ни одной распечатки. Родственники ждали, когда блажь пройдёт, затем махнули на него рукой, из семьи только он получил высшее образование и часто ошушал зависть с их стороны. Жена всю родню взаимно не любила, гостей не жаловала, отчуждение с годами увеличивалось и вместе с непониманием переросло в неприязнь, которая, как известно, довольно заразная штука. После её смерти он и вовсе замкнулся.

Однажды в электричке Зиновий-Поликарп неожиданно встретил бывшего одноклассника Антошу, тот рассказал, что «держит» издательство, печатает всё – от буклетов до визиток, но любит больше исторические книжки: несколько романов пошли хорошо. Зин чуть не подпрыгнул:

– Да я же пишу как раз историю!

Первая книга не очень обрадовала читателей, они её даже не заметили, вторую и третью немножко разрекламировали, а дальше пошло как по маслу. Книги хорошо продавались, о них стали писать, в поисковиках куча страниц оповещала о Зиновии Крестовском, авторе многих исторических романов... Стали узнавать, ведь на обложке был его портрет, правда, десятилетней давности, ещё Наташка настояла сфотографироваться в новом костюме, купленном по случаю нового тысячелетия.

Но Костик так и не прочёл ни единой его книги, читал чужие, смотрел американские фильмы. Зиновий молча переживал и это, и то, что тот завёл женщину с ребёнком, но жениться не спешил... Дом, семья – всё устарело...

Наконец, когда Зиновия наградили, он созвал родню, решив похвастаться. Выпивка была принята на ура, а книги сиротливо ожидали печальной участи быть унесёнными в пустоту. Все разошлись, так ни разу и не вспомнив о поводе.

Но, как заметил классик, можно иметь у ног весь мир и тем не менее не производить никакого впечатления на родственников. Зиновий мыл посуду и горестно размышлял о своей ненужной славе.

Кипы книг высились в обеих лоджиях, напоминая типографский склад. Зиновий уже не продавал, а дарил – лишь бы читали. Но писать не переставал, каждый раз перед ним вставала новая тема и просилась на «обследование».

Он радовался как ребёнок, когда хвалили. Иногда рассказывал рассеянно слушавшему Костику, как его книгу запросили из самой Англии, Болгарии, Румынии... Иногда перечитывал рецензии и снова радовался. Тоскливо смотрел на созданное в упаковках из обёрточной бумаги и очень хотел узнать, когда перестанет писать.

Однажды утром Зиновий не проснулся. Так и не узнал, что умер. И Костик не сразу узнал. Костик ушёл на работу, не заглянув в отцовскую спальню, а вернувшись очень поздно, опять не заглянул. И узнал обо всём на следующее утро.

Как-то Костик спросил пасынка:

– Ты читал те книги, что на балконе?

– Конечно читал! Мы по этим книгам про Распутина проходили и про царскую семью... Хорошие книжки, у нас весь класс читает, я в школу столько отнёс!

Костик забрал по одной книге к себе в спальню и, бережно переворачивая страницы, почти не вылезал оттуда, пока не закончил все. Много чего узнал... Книги, оказывается, были написаны с юмором, с интересными выкладками, смелыми обобщениями – словом, очень хорошие книжки. Вот бы на премию отец догадался выставить... Может, такие книги мало кто пишет...

На душе было и гадко, и светло.

Слияние красок – сплетение чувств

ВЕРОНИКА ШУППЕ

Творение

Безмолвный образ в рамке неискусной.

Проси,

кричи,

лей слезы –

все одно...

Все тот же взгляд,

ни ласковый, ни грустный,

Далекий взгляд,

как бездны неба дно.

Кому пришло на ум избрать такого

Хранителем всех тайн и смутных дум;

Судьей,

священником,

наставником,

пророком,

Чей приговор – двенадцать тысяч лун?

А ведь художник был еще живой,

Едва ли кисть живого не грешна...

О чем он думал, глядя в холст пустой,

Когда земным пресытилась душа?

Молиться буду, обращусь к нему.

Мои минуты вечность не смущает.

Безумных люди на земле прошают,

А рассудительным готовят жизнь в раю...

Безумию молитву воздаю.

Вероника ШУППЕ. Родилась в 1999 г. в Ташкенте. Студентка 2 курса факультета иностранных языков (русский язык и литература) ТГПУ им. Низами. Публиковалась в сборниках «Молодая филология Узбекистана», «Инновации мировой филологии в молодежной науке XXI века». В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Все страх...

Что значит ненависть?
Во всех ли душах есть
Пристанище безудержному чувству?
Могу ли я воздвигнуть в ранг искусства
С большим умением подобранную лесть?
Быть может, и презрение – только вкус
Прекрасное с ничтожеством не путать?
И лишь надежда, что не обманусь, –
О сокровенном с холодностью думать?

Все страх.
И ненависть –
Шит гордости упрямой
От копий правды, что и сам не чист;
И лесть – боязнь, что мы не сможем сами
Без разрешения подняться ввысь.
Презрение... А может, это ты,
Когда никто присутствием не давит?
А может, зависть? Кто-то дни свои
Живет как дышит, с модой не считаясь.
Закрытый чувствам, счастлив часто был?
Боишься падать... крыльям веры нет...
А у меня, ты знаешь, нету сил
Вести с земли подсчет чужих побед.

* * *

Отвори мне, пожалуйста, дверь,
Когда я все пойму и расскаюсь,
Когда праздностью жизни намаюсь,
Ты, пожалуйста, снова поверь.

Мне же не к кому больше идти.
Ведь не к Богу ж с такими грехами!
Слышал я, милосерден Он с нами,
Но тебя Он мне не простит.

Слишком много ты слез пролила...
Слишком часто беду отводила...
Если б снова меня приняла...
Если б снова меня ты простила...

Отвори мне, пожалуйста, дверь,
Хоть пришел я с пустыми руками.
Весь мой путь, что усеян грехами,
Заметаю хвостом из потерь...

Старость

На измятой годами коже
Кое-где, как заплаты, смотрятся
Лоскутки, ни на что не похожие, –
Обветшала былая модница.

Белизна в голове пред вечностью,
Со всей мудростью на заклятие
Уже завтра...
А все с беспечностью.
Понимает, а не сгибается.
И уходит,
Уходит призраком,
Расплатившись собой за счастье.
Обнишавшая и бессильная
Напоследок перед распятием.

Сушность

А на сердце моем весь мир,
С кубометрами океанов,
С городами, горами, людьми,
Рычит словно тигр в ранах!

А в руках моих нити пряж,
Золотые и из крапивы,
Леденящий наводят страх,
Заплетаясь в одну картину!

В голове моей стужа дум,
Беспощадность и безнадежность!
Я рассудком почти на краю,
Почти верю в свою невозможность!

Надо мной висит чья-то тень,
Беспросветная, в черных дырах.
Говорят, что наступит день,
Когда станет земля могилой.

Подо мной, говорят, зиндан
Нескончаемых страшных пыток.
Там придется кричать всем нам
За удавшийся ряд попыток.

А в душе моей вечный свет,
От того все вокруг не без тени.
В их пророчествах смысла нет,
Они строят не то и не с теми...

* * *

Все начинается с тебя:
 Мой сон, заря, случайность встречи
 И наболевшее под вечер
 Признание белого листа,
 И вольность мыслей непрощенных,
 И взгляд, молящий об одном,
 И равнодушно обреченный
 Знакомый голос... не о том.

Все вдохновению подвластно!
 За повседневностью твоей
 Есть мир, безумный и прекрасный:
 Там не жалеют воск свечей
 За книгой или над душою,
 В глазах ли, между строк – не суть,
 Там люди ищут не покоя,
 Там ищут ветра, чтоб вспорхнуть.

Поэт и муза

Сегодня ночь придется встретить стоя,
 С тревогой дня.
 Пятак луны не много стоит,
 Когда война!
 Художник, сказку рисовавший,
 Пробит насквозь!
 И труд его – уже вчерашний,
 Знать не сбылось...
 А я всего лишь бинтовала
 Поток стихов.
 Это была сквозная рана,
 Когда любовь
 В век социальных искажений
 Теряет смысл!
 Когда туман молвы и сплетен
 Уже навис и
 Не избежать!.. Куда ни глянь,
 Повсюду мрак –
 Взлетать нельзя!
 Крылатый он, к земле припав,
 На небе зря
 Высматривал себе покой –
 Покоя нет!
 Ему к бескрылым на постой,
 А мне вослед!

Разве много?

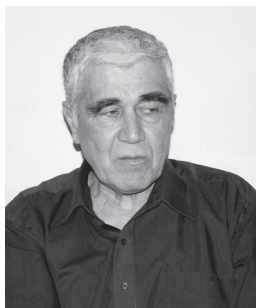
Кошкой,
 мурлыча и нежно,
 тень возле ног его
 трется.
 Это не я –
 это солнце.
 Тень
 Никогда
 Не коснется.
 Света лучи в волосах
 тонут,
 А я представляю,
 что пальцы мои утопают...
 Жаль,
 что лучи не ласкают.
 Ветру без спроса можно
 под куртку к нему
 и дальше,
 А я б обнимала слаше,
 чем летнее небо
 роши!
 Господи!
 Разве много
 Быть к нему ближе тени,
 Освещать от тоски осенней
 И собой
 Его мир
 Засеять?

Впечатление

Слияние красок – сплетение чувств,
 Стирается разум, коснувшись,
 И кажется пальцам: еще бы чуть-чуть...
 В картину уйти, не вернувшись!

На гладком холсте переливы воды
 И шум водопада лесного.
 Посмотришь – услышишь и жажда томит.
 Волшебник – художник Востока!

И верится глубже в лучи его солнц,
 Чем в те, что теряются в тучах,
 Как будто картина поймала восход,
 В перламутр души окунувшись.

СТЫДОБУШКА

Рассказ

Шухрат САКИЕВ

...Осенний дождливый день. Раскисшая от обилия вод земля. На пустую, сникшую от сырости улицу въезжают три подводы-платформы без бортов на деревянных колесах, окованных металлическими ободами. На них везут уголь на зиму для детского сада, расположенного на пригорке. В луже перед пригорком колеса первой подводы погрузились в глиняную слякоть по самые оси. Лошадь изо всех сил пытается преодолеть подъем, но с трудом, сделав три-четыре шага, отступает, не выдерживая тяжести скользящей под уклон телеги. Извозчик, в грубом плаще, с накинутой на голову от дождя дерюгой, скрывающей лицо, бьёт лошадку кнутом по голове, шее, спине. С обезумевшими от боли и страха глазами лошадь натужно перебирает ногами, но телега лишь глубже погружается в грязь. Уразумев, что лошади не вытянуть груз, хоть убей её, извозчик призывает на помощь со товарищей. Один, покрикивая, толкает телегу сзади, двое других, ухватившись за спицы, помогают лошади провернуть колёса. Наконец, телега тронулась с места и медленно пошла наверх. Когда все подводы, одолев раскисшую под лужей землю, оказались на горке, я обрадовался за лошаaddock, будто меня самого перестали бить кнутом по голове. Эту картину из далекого детства я до сих пор помню.

...Подростком случилось мне оказаться в конноспортивной школе – среди лошадей в конюшне. Здесь они были другие – высокие, сильные, горделивые, привыкшие к уходу и сытости. Я наблюдал, как конники готовят их к парадному пробегу. Передо мной за оградой, едва стоя на ногах, слабенько заржал жеребёнок. Тут же в проеме ворот возникла огромная белая лошадь. Она неслась на меня. Оцепенев от ужаса, я не знал, куда спрятаться. Один из стоявших рядом спортсменов мгновенно распахнул дверцу загона и, едва успев отскочить, оттянул меня в сторону. Влетев к жеребенку, лошадь, закрыла его собой и спустя какое-то время, настороженно поглядывая по сторонам, потянулась к сену в яслях. Вскоре прибежал рабочий конюшни.

– Зараза! Норов стала показывать! От своего сосунка – ни шагу! – кричал он, подходя к лошади и размахивая уздечкой.

– Не пугай лошадку! – вступился спасший меня спортсмен, выхватив из его рук узду. – Я сам выведу ее.

– Посмотрим, как получится, попробуй, – ворчал рабочий, выходя из стойла, недовольный тем, что его остановили.

– Не трогай ее сейчас, – примиряюще сказал конник, вешая уздечку на крюк в стене. – Пойми, она же мать. Жеребёнок окрепнет за пару дней, тогда выведешь их вместе и спокойно всё вычистишь. Тренера я предупрежу.

Шухрат САКИЕВ. Родился в 1946 г. Окончил Ташкентский архитектурно-строительный институт. Работал преподавателем в художественном училище им. П. Бенькова, архитектором, реставратором в Институте реставрации и консервации памятников Узбекистана.

На табличке, подвешенной к стойке загона, было написано: «Кличка лошади – Сказка. Возраст – 5 лет. Чистокровная. Персидской породы. Три золотые медали на международных состязаниях по выездке».

«Как же печётся Сказка о своем малыше!» – думал я, наблюдая, как жеребенок тычется мордочкой в ее брюхо, когда ко мне подбежал друг, потный, взволнованный, с блестящими глазами. Он тоже был назначен участвовать в конном параде.

– Обьезжал ахалтекинца! – гордо сообщил Рустам. – Тренер сказал: «Усидишь – будешь выступать на нем». Конь – огонь! Что только не вытворял, чтобы сбросить меня! Не на того нарвался! Пойдем, поможешь вычистить его, а то я опаздываю.

В стойле, пританцовывая на тонких ногах, высился красавец темно-красной масти, привязанный ремнями к двум столбам, чтобы у него не было возможности повернуть голову и укусить. Я спросил:

– Как его зовут?

– Гранат, – ответил Рустам, протягивая мне шетку, сам взял другую, и мы, стоя по разные стороны, вычистили его до блеска. – Спасибо, беги теперь на тренерскую скамейку под трибунами. Скоро начнется. Отсюда ничего не увидишь.

Я поспешил к парадному выходу. На площадке у ворот гарцевали несколько всадников, уже готовых к выступлению. Над зеленым полем ипподрома синело небо с белыми кучевыми облаками. С динамиков на столбах раздавалась песня: «Физкульт-ура! физкульт-ура, ура, будь готов!» На флажтоках, справа и слева от зрительских трибун, развевались знамена спортивных обществ. Диктор звонким голосом провозглашал торжественные лозунги. На трибунах суетился народ, раздавался смех, оживленный говор. Я пробрался к скамейке у самой беговой дорожки и сел около тренера, с которым познакомил Рустам. К стартовой линии, посыпанной известкой, подъезжали спортсмены-конники в жокейских шапочках, одетые в красные атласные рубашки с белыми воротниками и черные облегающие трико, заправленные в сапоги.

Шестнадцать всадников выстроились в ряд. У каждого в правой руке развевался флаг одной из союзных республик. Рустам на своем Гранате был правофланговым. Над ним полыхало красное полотнище с изображением серпа и молота. Величаво восседая на своем красавце, он сосредоточенно и вдохновенно глядел вдаль в ожидании сигнала о начале старта. Духовой оркестр, игравший бравурный марш, ударил в литавры и смолк. Солидный мужчина в костюме и при галстук подошел к микрофону. Он произнес приветственную речь и объявил юбилейный, двадцатый, сезон скачек открытым. Председатель судейской комиссии, приехавший из столицы, весь в белом от рубашки до туфель, с черным галстучком «бабочка» на шее, ударил в гонг. Наездники привстали на стремена, и лошади в едином порыве с места в карьер устремились вперед, стремительно огибая поле ипподрома. Приблизившись к трибунам, всадники перевели коней с рыси на галоп, и кавалькада превратилась в несущееся волнами облако разноцветных знамен. А когда лошади пошли иноходью и знамена, развеваясь на ветру, будто сами по себе, без всадников, завершили парад, восторженные зрители вскочили на ноги, аплодируя. Оркестр сыграл туш, и диктор объявил о перерыве:

– Состязания по различным видам конного спорта начнутся через тридцать минут!

Зрители, поднимаясь со скамей, направились кто к окошечку тотализатора, кто к духовому оркестру, а кто-то к столикам, расставленным неподалеку, поест мороженое, выпить сидро или просто размяться.

– Как тебе парад? – спросил меня тренер, записывая что-то в тетрадь.

– Здорово! Я первый раз на скачках. И мне все понравилось: всадники, знамена, оркестр! Я вообще люблю лошадей.

– Вот и отлично, приходи к нам на тренировки.

Разговор прервал Рустам, успевший сменить спортивное облачение на повседневную одежду. Он повинился перед тренером, что все-таки не смог удержаться коня в строю. Тренер рассмеялся:

– Он не был бы ахалтекинцем, если бы шел вместе со всеми. Они рождены бежать хоть на голову впереди других. Я на это рассчитывал: зная всей страны и должно быть впереди. Ошибка у тебя была в другом, – и он стал разъяснять другу что-то на профессиональном языке.

Выслушав, Рустам поблагодарил тренера, и, попрощавшись, мы пошли к выходу.

Мне хотелось посмотреть всю программу – особенно скачки на первенство и выездку, но Рустаму, к сожалению, нужно было ехать домой. Пообедав в ресторане на выданные тренером талоны, мы пошли к автостанции. В этот день я задумал обязательно научиться ездить верхом и когда-нибудь купить лошадь.

Но учеба в старших классах и далекое расстояние до ипподрома не позволили мне воспользоваться предложением тренера.

...Шли годы. Вчерашние мальчишки стали парнями, а девочки превратились в девушек, преобразившись, подобно распустившимся весной цветам. Моя мечта начала приобретать романтические черты: все чаще в воображении всплывал герой романа Диккенса, подъезжающий на белом коне к любимой с огромным букетом цветов... Пришла пора юности, непростая, но счастливая.

...Естественный ход жизни прервала армия. Предстояло три бесконечно долгих года, облачившись в солдатскую форму, жить в полной изоляции от общества по уставу, регламентирующему жизнь рядового солдата от подъема до отбоя...

Военная часть, в которой пришлось служить, стояла в ясных смешанных лесах Прикарпатья. По воскресеньям после обеда и до построения на ужин нам предоставлялось личное время. В эти часы солдаты могли заняться своими делами: постирать заскорузлую от пота гимнастерку, постричь друг друга, починить разошедшийся по шву сапог, подшить пуговицу, заменить в матрасе слежавшуюся солому.

В оставшееся время одни играли в футбол и волейбол, другие писали письма. Я старался решать бытовые заботы в будние дни после отбоя, чтобы в воскресенье, не теряя времени, сбегать в гарнизонную библиотеку или уйти в лес, подальше от всего, связанного с муштрой и «воинской дисциплиной».

Как-то мы решили отправиться в лес вместе с Мигелем Кельманом, солдатом первого года службы, как и я. Мигель был человеком бирюковатым, недоверчивым, осторожным, добросовестно несущим службу. При среднем росте вес его явно превышал норму. Командир назначил ему двойную порцию еды, как положено по уставу, но Кельман отказался. Коротко стриженный, рыжеватый, с круглой головой, маленькими глазами, коротким вздернутым носом, он напоминал чем-то дикого кабана с плотным и сильным телом.

Чтобы не обращать на себя внимания, мы по одному прошли к сосне, росшей за казармой. Подперев рогатиной колючую проволоку, проползли под ней и нырнули в кустарники, за которыми начиналась берёзовая роша. Среди трав, кустов и поросли подлеска нас уже никто не мог увидеть. Теперь можно вздохнуть полной грудью, расслабиться.

Береза, с белоснежным бархатным стволом, с мелкими, трепещущими на ветру листьями, прозрачной, пронизанной синью небес кроной, стоит как сестра родная. Прислониться бы к ней, обнять и, разрыдавшись, излить накопившуюся тоску и боль... да нельзя, нельзя жалеть себя, как предупреждал старослужащий Шагин: «Иначе служба станет невтерпёж».

За рошей на лугу паслась лошадь. Она передвигалась как-то странно – выкидывая связанные передние ноги, а затем подбирая задние. «Наверное, так учат коней галопировать», – подумал я.

– Давай покатаемся на лошадке, – буднично предложил Кельман.

Я с радостью согласился, представив, как впервые прокачусь верхом. Мигель присел подле лошади, снимая путы и почему-то поглядывая на ее морду. Вдруг он отскочил от нее.

– Кусачая, сука!

– А как ты узнал?

– Они ушами прядут, предупреждают.

Мы пошли дальше, к раскинувшейся вдалеке за лугами дубраве.

– Мигель, чем ты занимался до армии?

– Да батрачил, – ответил он.

– Как это – батрачил, – спросил я его, подумав: «Неужели в наши дни ещё есть где-то рабство?»

– Ну так, работал на разных хозяев.

– А в школе учился?

– Четыре класса закончил и баста – работать пошел.

Оказалось, что, повзрослев, он в основном забивал животных. Мог завалить и освежевать овцу, кабана, быка.

– Только лошадь я не могу забить, – сказал Мигель.

– А что, это сложно?

– Да не. Просто кто рос среди лошадок, никогда их не тронет.

– Жалко, что ли?

– Ты встречал какую-нибудь скотину, что плачет настоящими слезами? А лошадь, когда ей больно, плачет. Особенно при родах. Тяжело рождает, как человек. Если конь с кобылой сойдутся, их потом не разлучить. Они болеют друг без друга. Вот в жизни бывает такое, что человек вырос без матери, при встрече не узнал и спутался с ней. Конь этого никогда не сделает. Уведи жеребца от матери хоть на десять лет, а потом подведи на случку – конь узнает мать и не тронет. То ли запах они запоминают, бес их знает.

До глубокого леса сегодня мы не дошли. Часы показывали, что пора возвращаться в казарму. За отсутствие в строю тут же схлопочешь губу или наряд вне очереди. Поход к дубраве пришлось оставить для следующего раза. Мне нравилось гулять в лесу с Кельманом. Выросший в Карпатах на гуцульшине, он хорошо знал местную природу. Я учился у него понимать лес, познавать его, а не слепо восторгаться красотой и сказочностью, запавшими в душу из первых книжек и детских журналов. Наши с Кельманом убеги на просторы природы, дававшие хотя бы на три-четыре часа ощущение свободы, увы, вскоре прекратились.

Прознав о его способностях, командир назначил Кельмана начальником хоздвора вместо ушедшего в запас старослужащего. Теперь Мигель дневал и ночевал в пристроечке у хлева. Наше общение с ним надолго прекратилось.

Весной второго года службы меня назначили на суточное дежурство при кухне. Ночью я был обязан перемыть алюминиевые солдатские ложки, кружки и миски на сто двадцать бойцов и охранять котлы, в которых готовили пищу и кипятили воду для чая, чтобы какой-нибудь вражина не подсыпал в них отраву. Днем в мои обязанности входило выполнение различных работ по хоздвору.

Утром, в шутку вытянувшись в струнку, чеканя шаг и отдавая честь, я подошел к Кельману и доложил, что прибыл в его распоряжение. Мигель встретил меня прохладно, будто нас ничего и не связывало.

– Возьми метлу, вилы и вычисти в хлеву.

Я шагнул под крытую соломой крышу, в полутемное, с низким потолком помещение. Резкий запах из-за перегородки для свиней шибанул в нос. Шедший позади Кельман зажег свет. В углу, скрестив головы, понуро стояли две лошадки. Кельман вывел их во двор. Я взял стоявшую у двери метлу и тщательно подмел конские катыши вперемешку с соломой, собрал все на носилки и снес с Кельманом в угол хоздвора. К моей радости, всех трех свиноматок, которых Мигель называл по именам, неделю назад заманили в лес дикие кабаны. Чистить из-под них ужасно: воняет – хоть противогаз надевай.

– Ротный трибуналом грозил за хищение воинского имущества, будто я продал их. Еле втолковал ему, что к зиме они вернутся, – сказал Кельман.

– А они вернутся?

– Да не одни – с поросятами полосатыми. Как пить дать вернутся! Свинья без клыков. Она не доберется до желудей под глубоким снегом. Иначе могли б и не вернуться, кто их знает? Да и холодно свинье зимой в лесу. Кабаны-то в шерсти.

«Кабан-то кабан, а пухленьких и чистеньких предпочитает своим волосатым подругам», – подумал я.

После обеда мы лежали с Кельманом на травке за хлевом, наблюдая, как растворяется в воздухе тяжелый махорочный дым от козых ножек. Заметив приближающегося старшину, мы поднялись, выбросив самокрутки. Кельман, приложив руку к пилотке, доложил, что на хоздворе все в порядке, и гаркнул:

– За время вашего отсутствия никаких происшествий не было!

Старшина, заглянул в хлев и, выйдя из него, обратился ко мне:

– Асетин, почему опилок нэмае пид конями? Скачи до лесопилки и привези мешок опилок.

– Так не работает пилорама.

– С остатков наберешь, – и, подмигнув Кельману, приказал: – Дай ему конягу, нехай прокатится.

– Товарищ старшина, я не умею ездить на лошади.

– Научишься. Выполняй команду!

Кельман указал на кобылу:

– Садись.

Я подошел к лошади, забросил на неё холщовый мешок. Её хребет был на уровне моего носа. Запрыгнуть с места не получилось.

– Как же я взберусь на неё без стремян?

– А ты с разбегу.

Я отошел подальше, разбежался. На взлете, положив руки на круп, закинул правую ногу и тут же, скользнув по спине лошади, оказался в траве по другую сторону кобылы.

Старшина громко захохотал. Мигель, стоявший с ним рядом, криво улыбнулся.

– Кельман, хорош издеваться! – возмутился я. – Тащи стремяна.

Вместо стремян Кельман подошел к кобыле и, встав к ней спиной и опустив руки, сцепил ладони, а я наступил на них и легко взобрался на лошадь.

Впервые в жизни я сидел верхом на коне. Взгляд с высоты вызвал приятное ощущение некоего превосходства и собственного достоинства. Как говорится, я «вырос в своих глазах», но как управлять ею без уздечки? Помню, Рустам учил меня, что при ходьбе рысью надо привставать на стремяна, иначе будет болтать из стороны в сторону, а при беге можно вообще слететь с лошади. Сам Мигель ездил верхом без всякой сбруи обычной посадкой, дамской или задом наперед, как наездники в цирке, но он-то с пелёнок научился сидеть на лошади!

– Кельман, а как без уздечки мне управлять лошадкой?

– За уши, – услышал я ответ.

Понятно, что при старшине, с умыслом заставившего меня сесть на лошадь, Кельман ничего путного не подскажет. Я ударил пятками в бока лошади, чтобы скорее отъехать от насмешников. Кобыла, будто смекнув, что на неё взобрался новичок, никак не реагировала на мои робкие телодвижения. Вдоволь насмеявшись со старшиной над моей беспомощностью и нелепыми попытками сдвинуть лошадь, Кельман запрыгнул на коня и сходу помчался по тропинке в глубь леса. Кобыла, увидев впереди верного друга, как ошалелая, рванула за ним. Чтобы не упасть с лошади, я с силой обхватил ее ногами, (что означало для животного – как выяснилось позже – «скачи во всю прыть») и ухватился за шею. Некоторое время Кельман скакал по тропе. Хорошо зная местность, он всю разогнался и, резко свернув с тропы, исчез. Кобыла, потеряв коня из виду, по инерции, а может, потому, что я не разжимал ноги, мчалась очертя голову в лесную чашу. Оберегая глаза от торчащих сучков и ветвей, я вместе

с лошастью опустил голову и, уткнувшись лицом в гриву, скакал вслепую, с закрытыми глазами. Ветви деревьев хлестали по спине. Казалось, конца не будет этой дьявольской скачке. «Когда же и чем это кончится?» – билась в голове мысль. Но вот бег замедлился, и лошадь неожиданно остановилась. Я, наконец, разжал ноги, разомкнул веки и, подняв голову, стал озираться. Впереди, за стволами деревьев, тихо плескалось озеро, о существовании которого я и не слыхивал. Лошадь постояла некоторое время, то ли осматриваясь, то ли принюхиваясь, затем опустила голову и, пошипывая траву, стала медленно передвигаться в неизвестном направлении. Командовать конягой у меня не было никакой возможности, да и куда её направить в лесу, где человек мгновенно теряет ориентацию. Я расслабился и стал себя ощупывать: гимнастерка на спине разодрана, пилотки на голове нет, погоны с пуговиц сорваны, мешок выпал в самом начале идиотской скачки. По шее из поцарапанного уха сочилась кровь. «Плывать! – подумал я, – лишь бы от службы подальше», – и, подчинившись воле лошади («К коню она придет, хоть за тысячу километров увести», – вспомнил я слова Кельмана), пытался насладиться спокойною красотой окружающего леса.

Ближе к закату лошадка вывела меня на бетонную дорогу, ведущую к ракетной части, и я сразу сообразил, где нахожусь. До казармы было далековато. По бетонке, где нет соблазняющей сочной травы, кобыла пошла веселее. Боясь показаться кому-либо на глаза, я попытался свернуть в заросли, но лошадка, не обращая внимания на мое ерзанье и подергивания за гриву, вела себя так, будто на ней никто не сидит, и спокойно продолжала идти своей дорогой.

Мимо, окинув меня уничтожающим взглядом, проехал на коне молодежавший офицер. За ним, свесив ножки в одну сторону, на стройном караковой масти коне приближалась симпатичная девушка – юная дочь полковника Белова. Я часто замечал ее в библиотеке, и со временем при встрече мы стали обмениваться легкими улыбками вежливости. Поравнявшись со мной, недоумеваю, что могло случиться, она незаметно кивнула головкой и, как всегда, улыбнувшись, проплыла вперед.

Без головного убора, с кровью на щеке, со свисающими с плеч погонами, с выглядывающим из разодранной гимнастерки бельем, я производил неотразимое впечатление на офицерских жен и раскрасавиц дочерей, то и дело проскакивающих мимо меня, видимо, к плацу на тренировки по выездке. От их недоумевающих-любопытных взглядов некуда было деться. Какой позор! Стыд! Я не знал, куда спрятать глаза, и был вынужден отстраненно шествовать на кляче, не выдерживающей сравнения с их холеными спортивными лошадьми, по открытой дороге, пока лошадь сама не повернула в лес, почуяв привычные места и родной хлев.

Утром только старшина, поглядывающий на меня с ухмылкой, знал, каково мне стоять и шагать в строю: я испытывал такую боль в мышцах ног, будто меня насильно посадили на шпагат и держали в таком положении часа два. Лишь на третий день наступило облегчение.

...Так получилось, что первая моя самостоятельная «скачка» на лошади оказалась и последней.

Как долго ни тянулись годы службы в армии, но минули и они. После трех лет в лесу пришлось заново привыкать к насыщенной городской жизни. Учеба в высшей школе, забота о родителях, поиск своего пути, любовь, работа поглотили меня.

...Незаметно пролетело много лет. Но и сейчас, когда я вижу всадника, меня охватывает волнение, и я вспоминаю о своей мечте. Она изменилась с возрастом, но не померкла. Я и сейчас мечтаю о своем коне и не прочь подъехать на нём к прекрасной женщине, ошелобив ее огромным букетом цветов. Но, если спуститься с небес на землю, мне теперь больше подошла бы изящная карета, на которой можно было бы катать в парке по утрам малышей с родителями, а вечерами – влюбленных. Нет, не ради денег, совершенно бескорыстно, просто чтобы люди испытывали радость и помнили о необычном животном – лошади.

МУХАММАД АЛИ

АМИР ТЕМУР ВЕЛИКИЙ

Роман-эпопея
Книга четвертая

ШАХРУХ МИРЗА¹

Глава двенадцатая

I

В Алеппо ходили страшные слухи: туранская армия вот-вот объявится у городских стен, и Темурташ, и Сайди Судун отказались от мирных переговоров, считая, что их крепости неодолимы, прочны, и нечего бояться... Людская молва не утихла, и все это усиливало беспокойство городского населения, опасения и волнения.

Прошло совсем немного времени, и... разразилась жестокая битва. Подробности её Низамиддин Шами узнал позже. Оказывается, как только сирийские наукаеры увидели караван огромных слонов, облаченных в доспехи, смелость их куда-то улетучилась, сердца дрогнули, рассудок помутился от ужаса. Воины Турана вошли в город. На улицах Алеппо повсюду тела убитых...

Бои длились несколько дней, потом наступило затишье. На десятый день, после утренней молитвы (бомдад), историк, сотый раз повторивший суру «Очищение», хотел было приступить к чтению книг, как вдруг где-то вблизи затрубил рог, вслед за этим поднялся неимоверный шум.

Низамиддин Шами вытягивал шею, пытаясь хоть что-то рассмотреть... Он увидел, что, вот уже несколько дней крепко-накрепко запертые, высокие резные ворота крепости внезапно отворились... из них стрелой вылетели пять боевых джигитов. Каждый был обвязан веревкой, другой конец которой держали в руках их товарищи, наблюдавшие за ними сверху из крепости. Смелые джигиты, озираясь по сторонам, пытались разглядеть, где роют подкопы. В них градом полетели стрелы, выпущенные прямо из-под земли, из ям. Наверху слышались панические крики: «Погибли шахидами! Погибли шахидами!» Джигитов с вонзенными в них стрелами стали на веревках подтягивать вверх.

Других отважных, кто решил бы выйти из крепости, не нашлось. Никто уже и не думал сопротивляться, даже из окон сторожевых башен не решались выглядывать...

От слуги, пригласившего Низамиддина Шами в Хумаюн Урду, тот узнал, что осажденная крепость пала.

...Обозрев крепость Алеппо, Амир Темур предупредил Амира Сулейманшаха:

– Никакого излишнего зла не чинить, вреда не приносить! Засыпать рвы и ямы, вырытые во время осады, немедленно! Засыпать землею, утрамбовать камнями. Чтоб ни одной брешы не осталось! Салтанату нужны надежные крепости. Ценности, хранящиеся в казне, перевести в ведение канцелярии, составить список!

Вернувшись в свой шатер, Сахибкиран стал расспрашивать об ученой знати города. Вот тогда-то Мухаммад Чурага-дадхах среди других назвал имя Низамиддина Шами.

¹ Журнальный вариант. Продолжение. Начало в № 5, № 6, 2018.

Согласно повелению Сахибкирана перед индийским походом Гиясиддин Али из Ирана был приглашен в Хумаюн Урду. До этого, ознакомившись с его трактатами, удостоверились, что его точное и отточенное слово не вызывает никаких сомнений. Историку поручили участвовать в индийском походе и записывать свои впечатления, дав возможность пользоваться «Тетрадью событий», которую вели секретари при дворце. Было предложено, кроме индийского похода, по возможности освещать историю салтаната. И упоминание имени Низамиддина Шами пришлось на тот момент, когда Сахибкиран, только что прочитавший «Дневник индийского похода», был переполнен впечатлениями от этой книги.

Но Амир Темур был все же кое-чем недоволен.

– На каждом шагу «Миродержец», «Его величество господин хакан», «вождь мировой справедливости и веры» – и все прочие... «Во гневе – Зухал; по ценности своей – Джамшид; по великодушию и благородству – Муштари; по силе и отваге – Миррих...» Эх, вот я, оказывается, какой! И откуда только берутся такие преувеличения? Излишняя хвала, а? Говорить-то нужно оглядываясь! Я один из любимых рабов Божьих, не хакан я, а простой амир и только. А он меня так вознес, что чуть ли не пророком сделал!

– Хазрат, но ведь историк описывал только то, что было...

– Да нет, Мамат! Я ведь все объяснил Гиясиддину Али, растолковал, как нужно писать... А он закопал историю в преувеличениях, приукрасил все... Прочитай, а потом поручи, чтобы книгу сразу же уничтожили! Чтобы никто и не увидел, потому что никто в это никогда не поверит! Я люблю правду, ложь – не переносу! Раз соврет человек, а потом продолжает, стараясь скрыть это... завтра... послезавтра. Но ведь ложь как дутый шар, пузырь. С какой силой ты толкаешь его под воду, с такой же силой наружу норовит выскочить!

По-видимому, оттого что Сахибкиран остался недоволен созданным, он хотел поручить написать другую книгу. Как бы то ни было, услышав имя Низамиддина Шами, Сахибкиран просветлел лицом.

Вскоре на пороге появился человек лет пятидесяти, в белой мантии, с головой, подобной репе, в гладкой, словно отшлифованной, чалме из кисеи, которую, казалось, не снимает, даже когда спит.

– Да будет вечным царство Амира Сахибкирана, являющегося тенью Аллаха, отражающего его совершенство и красоту! Пусть возвышается владычество его над миром! Да хранит сам Аллах его салтанат от горя, от любых напастей, от ударов судьбы и всех жизненных неурядиц! И пусть флаги его реют, пока не протрубит сам Исафил в свой рог! А руки вашего несчастного слуги всегда воздеты к небу для молитв за вас.

– «Тень Аллаха»... такое выражение издавна употребляется по отношению к падишахам. Но у нас нет таких притязаний. Я – всего лишь тот, кто живет с именем Аллаха в душе, мавляна, – сказал ему Амир Темур. – Всё-таки, чтобы не обесценивалась сила слова, не следует его употреблять слишком часто.

– Примите тысячу моих извинений... – ответил Низамиддин Шами, прижимая руки к груди. А потом, как бы отдавая дань скромности и чувству меры Сахибкирана, добавил: – Да, верно говорят: неприязательность – качество великих людей...

– Я люблю исторические книги, – будто не слыша последних слов, продолжал Амир Темур. – Богатая история, без берегов, – беспримерные уроки для раба Божьего...

– История Туранского салтаната тоже заслуживает того, чтобы о ней писали, Амир Сахибкиран... Однако, насколько мне известно, ни одной книги не написано об этом... – Правда, мне сказали, что для Его величества написано немало страниц об истории этого вечного салтаната с самого начала до сегодняшнего дня, но записи событий не упорядочены как следует... Обо всём ведает лишь сам Аллах...

– Да, вы правы, мавляна... не собраны и не упорядочены. Вот вам и предстоит собрать все, привести в порядок.

– Как?.. Я – ваш покорный слуга – приведу в порядок? – спросил изумленный историк, вставая и низко кланяясь. – Да не может того быть!

– Именно так! Вы будете отныне сопровождать нас в походах. – Слова Амира Темура прозвучали как фирман. – Но есть одно важное условие: поостерегитесь, приукрашивать или преувеличивать, а то и просто выдумывать! Постарайтесь, чтобы стиль письма был свободен от пустословия, витиеватости, чтобы был правильным и понятным.

– Воля падишаха священна! Я всецело готов выполнить ваше поручение, мой Хазрат! Я душу свою вам посвящаю!

– Книга должна быть написана просто, четко, понятно, а содержание должно быть внятным. Весь народ, да если на то пошло, – весь мир будет читать ее! А если увлечетесь какими-то аллегориями, непомерными преувеличениями, приукрашиванием, то замысел исчезнет в хитросплетениях лишних слов. Только очень знающий человек сможет постичь суть, а остальные не смогут. Потому-то польза от такой книги будет небольшая...

Низамиддин Шами изумился тому, что султан Турана так хорошо разбирается в книгосложении, в таких подробностях знает тайны творчества, секреты красноречия, размышляет о красоте и канонах, свободно располагает терминами, известными только людям пера...

Низамиддин Шами встал с места, низко поклонился, будто бы говоря: «Я готов исполнить ваш приказ!» – и вышел.

II

Когда Низамиддин Шами покидал царский шатер, Мухаммад Чурага-дадхак, провожая его, сказал:

– Амир Сахибхиран издавна завел традицию: в какую бы страну он ни пришел, встречается с учеными людьми, беседует с ними, советуется... Завтра, в пятницу, он призывает к себе на собрание ученых города Алеппо. Вас в первую очередь велено туда пригласить.

– Весьма благодарен!

На другой день, на закате, приглашенные на встречу ученые и судьи собрались на площади перед крепостью, являющейся одной из достопримечательных мест Алеппо. Все стоя ожидали начала встречи.

Амир Темур появился в окружении дворцовой знати и направился к трону. По правую руку от него, как всегда, расположился Пири муршид Мир Саййид Барака. Всем присутствующим предложили располагаться. Были приглашены более ста ученых, судей, шейхов, теологов, представителей городской знати. Напротив трона, рядом с известным Шейхом Ибн аш-Шихной, сидели казий города Шарафуддин аль-Ансари и Низамиддин Шами. Слабеющие лучи заходящего солнца – на восходе буквально сверкающие огнем в окнах – слабо играли на расписном узорчатом портале горящего высокого здания.

Сахибкиран, обернувшись к Пири муршиду, сказал:

– Мой Пир, пусть слова эти слышат все... Мне нравится проводить время среди ученых и улемов, присутствовать на их собраниях, я издавна пленен наукой и знаниями. Мудрецы говаривали, что ищущему истину и сорока наставников мало. Как известно, всякий раз, когда мы вступаем в новый город, будь то Самарканд, Бухара, Герат, Шираз или Багдад... – словом, какая бы ни была страна, я всегда задаю один и тот же вопрос мудрецам тех краев. Но до сих пор не получил на него внятного ответа. Хотел бы я задать этот вопрос и ученым из Алеппо. Пусть знающий мне ответит.

– Алхамду лиллахи, раббил аламин! – сказал Мир Саййид Барака и подробно на арабском языке разъяснил слова Сахибкирана присутствующим.

Собравшиеся были хорошо осведомлены о том, что Амир Темур, задавая ученым и мудрецам трудные вопросы, испытывал их, и, если ответы были с изъясном, следовало наказание. К слову, в Ширазе на одном из таких престижных собраний на вопрос, что выше – сан (степень) знания или родовой сан (происхождение), один мудрейший ответил, что сан знания выше всего прочего, и привел пример: «Ученый человек низкого происхождения лучше, чем недостойный человек высокого происхождения!» Сахибкиран был удовлетворен этим ответом.

Присутствующие с опаской поглядывали друг на друга.

– Ваше величество Сахибкиран Амир Темур Кураган! Мы благодарны Аллаху за то, что довелось нам свидеться с вами! Среди нас есть благороднейший человек – шейх, историк, муфтий, учитель медресе... – сказал Шарафуддин аль-Ансари, указывая рукой на сидевшего рядом с ним человека. – Имя его – Ибн аш-Шихна. Позвольте ему ответить на заданные вопросы. И пусть Бог будет всем в помощь!

Амир Темур согласно кивнул и, повернувшись к Мир Саййиду Бараке, что-то сказал. Пири муршид встал и, внимательно посмотрев на Шейха Ибн аш-Шихну, приготовившегося к ответу, произнес:

– Вчера произошла жестокая битва. Нам не удалось предотвратить резню, хотя Сахибкиран приложили для того немало усилий. Однако сирийская сторона не пожелала перемирия, и сама, таким образом, навлекла на себя беду. Тому Бог – свидетель. Жертв оказалось немало и с нашей, и со стороны сирийцев. Так скажите мне, кто же из павших – шахиды – наши воины или... ваши?

– Как гласит предание, и самому Пророку – да благословит его Аллах и приветствует – именно такой вопрос был задан его сподвижниками, – сказал Ибн аш-Шихна. – Если позволите, на ваш вопрос отвечу я теми же словами, которыми ответил в свое время Пророк.

Услышав слова шейха, Шарафуддин аль-Ансари заволновался. «О боже! Да что же он такое говорит? Мой друг, известнейший ученый по хадисам, он что, сошел с ума? Разве же это возможно – дать ответ на такой вопрос, да еще в присутствии Сахибкирана?» У Низамиддина Шами, обратившегося в слух, мелькнула та же мысль. Он только успел подумать: «Ох, лишь бы только исход был благоприятным!»

Мир Саййид Барака, знавший ответ, который дал посланник самого Аллаха, все свое внимание направил на шейха. Амир Темур смотрел на него со скрытой иронией в глазах, будто говоря: «Ну-ка, давайте послушаем, какую же отгадку явит нам тут Ибн аш-Шихна?» Затем он повернулся к Пири муршиду:

– Так что же спросили сподвижники у Божьего посланника – Пророка Мухаммада? И каков был его ответ?

Наступила абсолютная тишина – слышен был бы даже писк комара. Ибн аш-Шихна, застывший на месте, будто наступил голой стопой на лезвие острого меча, наконец сказал:

– После битвы при Бадре к Пророку – да благословит его Аллах и приветствует – пришел из пустыни один бедуин и спросил: «О посланник Аллаха! Кое-кто вступил вчера в битву, чтоб заслужить славу, чтоб возвыситься, другой – из храбрости своей беспримерной, дабы силу показать свою... Так кто же из них почитаться будет шахидом, мучеником на пути к Аллаху?» Посланник Аллаха отвечал так: «Тот, кто жертвовал собой, дабы слово Аллаха ценилось превыше всего, вот он и будет почитаться настоящим шахидом!»

Выслушав ответ, Амир Темур удовлетворенно кивнул головой.

– Какой замечательный ответ! – воскликнул Пири муршид, восхищенный находчивостью шейха. Начался непринужденный сердечный разговор.

– Я такой же простой смертный, – сказал Амир Темур, сердце которого смягчилось. – Но завоевал Индию и Ирак, Персию и Грузию, Золотую Орду и Азербайджан, да и другие страны... Хвала и честь вечному Творцу!

– Ведь всевышний Творец одаряет силой и богатством того, кого сочтет достойным, Ваше величество мавляна Амир Темур, – сказал Ибн аш-Шихна. Обласканы вы свыше благословением небес, и печать эта сияет над вами ярче солнца. В силу этого мы просили бы вас простить мусульман и отныне никого более не убивать.

– Видит Бог, никого преднамеренно или из мести я не убиваю! Никому никогда зла не желаю. Тех же, кто причинил мне зло, «благодарю» их же собственной злой волей. Да разве же человек может забрать чью-то душу? А если так случится, то на это воля Небес. Я всегда готов прощать людям грехи. Но когда к греху грех прибавляется, он становится тяжким. Тут уже и прощать грешно. А я не хочу быть грешником. А что можно сказать о тех, кто видит перед глазами сверкающий меч и все же бросается на него открыто?.. Во вчерашней битве вы ведь сами, стараясь спастись, в поисках пути дрались отчаянно и в толчее передавали друг друга у городских ворот. Многие погибли. Мои люди охрипли, крича: «Не гордитесь своей крепостью! Дабы не обгадить свои руки кровью праведных, выходите из крепости по-хорошему!...» Но вы будто и не слышали... Поэтому было растоптано множество людей слонами и лошадьми... – Амир Темур бросил внимательный взгляд на собравшихся. – Наши действия – не во имя походов, не ради успехов и величия, а во имя благородства извечного и справедливого Аллаха. Крепость, горы, реки перед нами – не преграда. Вы безгрешны – никого убивать не станем. Бога боимся, потому что в судный день предстоит держать ответ перед Ним... И пусть сам Всевышний защитит тех, кто вызвал на себя гнев Божий!

Будто бы сброшены были затворы с души... свободно потекла беседа. Темы были самые разные: о том, как в разных ситуациях надобно поступать правоправным, об обрядах намаза, омовения, о том, как держать уразу, о пожертвованиях, о правилах наследования, хадже, вакуфном праве и тому подобном.

Последний вопрос Амира Темура привел большинство присутствующих в замешательство:

– Что вы думаете о Хазрате Али, Муавии и Язидах?

– Думай, прежде чем отвечать, – прошептал встревоженный Шарафуддин аль-Ансари в сторону Ибн аш-Шихны. – Речь идет о шиитах. А народы Турана – сунниты...

Но Ибн Аш-Шихна и рта не успел открыть, как случилось именно то, чего так опасался Шарафуддин аль-Ансари... Неожиданно кто-то из казиев, решив показать свою осведомленность в теологии, не к месту пытаясь найти ответ на один из самых сложных вопросов в религиозной доктрине и в истории ислама, выкрикнул: «Хазрат Али, Аль-Муавия и Язид – все они борцы за веру!»

Амир Темур пришел в ярость. Казалось, он был готов покинуть собрание. Повернувшись в сторону, откуда донесся торопливый ответ, сказал громовым голосом:

– Да, Хазрат Али и впрямь праведник, но Муавия был злодей, сын его Язид – отъявленный грешник! А вы, люди из Алеппо, точь-в-точь похожи на жителей Дамаска. Именно они являются прямыми последователями Язида-нечестивца! Это они – убийцы имама Хусейна!

– Ваше величество, мавляна Амир! – попытался исправить положение Ибн аш-Шихна. – Произошла оплошность. Аль-Кафаси нашел сказанное в какой-то книге. Но смысл прочитанного сам еще не постиг... Не велите казнить, велите слово молвить... Примите наши извинения!

«Верно!», «Примите извинения!», «Не велите казнить!» – послышалось отовсюду.

Лицо Амира Темура несколько просветлело, но настроение было уже испорчено. «А ведь если кто-то допустит ошибку, а потом тут же попросит прощения, –

значит оплошность свою осознал, то есть это разумный человек, и его надо простить, – пронеслось в голове у Амира Темура. – Похоже, Ибн аш-Шихна мудрец...»

В это время послышался азан. Все приступили к совершению намаза. Роль имама взял на себя Мир Саййид Барака.

Буквально через неделю Амир Темур вновь вызвал к себе Ибн аш-Шихну и Шарафуддина аль-Ансари:

– Ну так что же вы думаете про Хазрата Али и Муавию? Кто же из них был прав? – задал тот же вопрос Сахибкиран.

Шарафуддин аль-Ансари и Ибн аш-Шихна недоумевающе переглянулись.

Ибн аш-Шихна был удивлен тому, насколько Амир Темур тверд и никогда не бросает начатое дело. То, что другим кажется незначительным, мелочью, он не упускает из виду, в каждом деле, в каждом сказанном слове любит точность. И, хотя многим это не нравилось, раздражало, он требовал, чтобы любое дело исполнялось досконально, как положено. В требованиях своих был он жестким человеком. В этом, как он убедился, и состоит тайна могущества Туранского салтаната.

И впрямь, в жизни нет мелочей... То, что кому-то кажется мелочью, на самом деле может оказаться важным, и даже самым важным. Нужно отдать ему должное, ведь прошло уже несколько дней... В Алеппо до сих пор шли бои, горели дома. На улицах было неспокойно: всюду виднелись груды тел... слышались прощальные крики, плач родных... В сторону Дамаска движутся войска, едут послы из разных стран... Но Сахибкиран не оставил без внятного ответа важный вопрос. В городе, все ещё погружённом в суматоху и беспорядок, среди стольких забот, шума и суеты он не забыл о шейхе и о казии, потому что необходимо было услышать определенный ответ, выяснить, дойти до истины, он считал это первостепенным своим долгом.

– Нет никаких сомнений в том, что правда была на стороне Али ибн Абу Талиба. Муавия не является халифом, Хазрат Амир Сахибкиран! – и в речи Ибн аш-Шихны ощущалась абсолютная убежденность в своих словах. – В хадисах Пророка – да благословит его Аллах и приветствует! – содержится такое предсказание: «После меня халифат будет длиться тридцать лет». Этот период приходился как раз на время властвования Али – да будет доволен им Аллах!

– Верно! Правда была на стороне Хазрата Али. Объясняйте всем праведным, что Муавия – это злодей! – повторил Амир Темур.

Глава тринадцатая

I

Вот уже пять дней, как египетский султан Насир ибн Фарадж ибн Баркук, собрав огромное войско, двинулся в направлении Дамаска, установил шахский шатер в местечке Куббату Ялбуга на расстоянии одного йигача до города. На площади около шатра толпились люди. Наукеры, распределившись в начале и в конце улицы, строго контролировали ситуацию, осматривая ожидающих. У дверей курилиш-хоны собралось множество людей. Все они стремились попасть на прием к султану. Слугам султана с трудом удавалось навести порядок. Здесь околачивались посланники зарубежных стран, лазутчики, вернувшиеся из разных краев, правители разного масштаба, прибывшие из ближних и дальних концов страны за советом и помощью. Никто ни с кем не разговаривал, все нетерпеливо ходили взад-вперед... На лице у каждого – тень тревоги и беспокойства, как отблеск страшной угрозы, надвигающейся с севера.

В это время на пороге появился человек среднего роста, с большими ушами и огромным, занимавшим добрую половину его лица, носом, отчего, возможно, глаза его казались посаженными как-то уж очень глубоко. Однако

присутствующие были настолько заняты собой, что никто и не заметил его появления. Только высший чиновник из приемной султана тут же обратил на него внимание, вышел навстречу и стал о чём-то с ним перешёптываться.

– Да-да, будет исполнено, Амир Хамон! – сказал дворцовый чиновник, провожая его. – Его величество падишах ждёт вас.

Оказавшись внутри, Амир Хамон увидел мальчика, сидевшего на троне на двух мягких красных вышитых подушках примерно в двадцати шагах от входа в зал приемов. Амиру показалось, что, воспользовавшись отсутствием хозяина, уклучив момент, посадили на царское место избалованного ребёнка-любимчика. На самом же деле это был не «мальчик», а наследный султан Египта. Он взошел на престол в одиннадцать лет после внезапной кончины отца – султана Баркука.

– Кто это? – спросил султан Фарадж с присущим правителям спокойствием советника по военным вопросам Ёшбека Шейбани, стоящего рядом. . Голос шустрого и не по годам смысленного султана был достаточно спокойным, хотя и несколько искусственным.

– Амир Хамон. Один из разведчиков, которых мы направили в Алеппо, будучи в Египте еще до начала похода, Ваше величество падишах! – ответил ему Ёшбек Шейбани, исполняющий обязанности опекуна-попечителя. Он курировал не только военные, но и великое множество других вопросов.

– Хорошо. Что он нам расскажет?

– Захватив крепости Бихишт и Айнтаб, воины Темурленга медленно, не очень уверенно двинулись к Алеппо. Шли настолько медленно, что в день покрывали только пол-ягоча. Жители Алеппо подумали: «Раз они так медленно движутся, значит силы неравны. Не торопят они сражение, побаиваются... И, если выйти из крепости, можно разгромить врага начисто, а, потерпев поражение, он тут же кинется бежать». Они начали готовиться, вышли из крепости, стали устанавливать шатры и палатки...

– Что потом? Что ты так медленно говоришь, а? Двигаешься не быстрее, чем войско Темурленга! – поторопил Ёшбек Шейбани.

– Ваше превосходительство, мой падишах! Простите меня грешного, но... положение серьезное, – сквозь слезы сказал Амир Хамон. – Алеппо разгромлен! Город сожжен дотла, его пепел носит ветер, а дым от костров поднимается до небес, мой покровитель вселенной! После того как город пал, все бросились в крепость, надеясь на ее каменные стены. Но крепость тоже захвачена! Сайди Судун и Темурташ – в плену. Войско разбежалось...

Наступила тревожная тишина. Молчание нарушил опекун:

– Вы, наверное, всё-таки помните, Ваше величество: на пути в Дамаск мы получили письмо от Темурленга. Там было сказано, что Алеппо в его руках, что Судун с Темурташем взяты в плен. Нам было предложено отпустить Аталмышу, который сейчас сидит в зиндане, тогда и наших людей освободят.

– Вы опять об этом вспоминаете, да? Есть ведь, наверное, причина, по которой мой достопочтенный отец бросил этого самого Аталмышу в зиндан. И не выпускал. Он сгниет в зиндане, вам это понятно? – ответил ему раздражённый султан. – Как можем мы пересмотреть решение, принятое почтенным родителем? Ещё не родился в Египте и в Сирии такой неблагодарный, кто ступил бы ногой на лицо отца своего! Вот такой ответ пусть будет составлен!

Откровенно говоря, Ёшбек Шейбани еще во времена султана Баркука был сторонником иного решения. Он предлагал отпустить Аталмышу. Но прежний султан уперся: от своего слова, мол, не отрекись. Да неужели же отношения между двумя государствами должны зависеть от судьбы какого-то разнесчастного пленника? Да ведь это же простой амир!

– Конечно, переиначивать отцовскую волю – занятие недостойное, Ваше величество падишах! Решение ваше правильное. И ваш ответ был отправлен, как вы повелели, – дипломатично заметил Ёшбек Шейбани. – Но ведь дело, с которым не в силах справиться огромному войску, могут решить один-два умных человека, Ваше величество, – продолжал, многозначительно улыбаясь, умудренный опытом опекун.

– Один-два человека?

– Именно так, мой падишах! – Ёшбек Шейбани решил приоткрыть смысл сказанного. – Я об этом думаю уже давно... Ещё с древних времен немало падишахов достигли своих целей, избрав такой путь. Поясню, если позволите.

– Позволяю, господин опекун, – голос Фараджа на сей раз прозвучал как-то тихо.

– Надобно послать в ставку Амира Темура двух джигитов, одетых в дервишей, – сказал, хитровато улыбаясь, Ёшбек Шейбани. – В голенища каждого из них... спрятать отравленные кинжалы. В укромном месте они найдут возможность напасть на Амира Темура, ранят его и... вернутся. Таким образом мы избавимся от врага. Стоит ли из-за этого так беспокоиться?..

– Что? Покушение?! Нет-нет! Вы что мне говорите? – возвысил голос Фарадж ибн Баркук. Перед ним тут же промелькнул образ его матери: «Сыночек мой! Вот теперь отца у вас нет, а вы так молоды... Берегите себя. Чтобы, не дай бог, на жизнь вашу никто не покусился! Вы и сами не задумывайте никаких покушений на ваших врагов. Потому что это вам же может вернуться!»

– Ваше величество мой падишах... – почувствовав нерешительность султана, опекун избрал другой путь. Если до сих пор он был тихой, ласковой лисой, то теперь, обернувшись, превратился в злого волка, голос зазвучал не умоляюще, а вызывающе, даже угрожающе: – Сейчас размусоливать нам не подобает. Дабы не случилось с нами беды, немедленно издайте фирман: воинам, разбежавшимся в Алеппо, собраться в Дамаске. Если нам удастся уничтожить Амира Темура, огромное растерявшееся войско Турана, подобно дракону с отрубленной головой, не зная, куда себя деть, рассыплется. Но если же не так... страна наша обратится в пепел. Тогда и Дамаск, и Кахира – все города может ожидать та же участь, что и Алеппо... Я очень надеюсь, Ваше величество падишах, что такой умный и проницательный правитель, как вы... не выберет этот путь...

Султан сделал знак Амиру Хамону удалиться.

– Подожди там, за дверью, – приказал Ёшбек Шейбани Амиру Хамону, проводив его до порога. – Да, кстати, поищи-ка себе какого-нибудь смышленного напарника! Найди вон того – долговязого. На него вполне можно положиться. И поверь: тебя ждёт такой день, когда ты услышишь от нашего падишаха: «Назови мне любое свое желание!..»

Довольный Амир Хамон кивнул головой знак согласия.

– Вы думаете, что с таким сложным делом могут справиться два джигита? – спросил султан Фарадж.

– У вас есть такие могучие джигиты, Ваше величество, не то что убрать одного человека – горы из крепкого камня могут обратить в порошок. Вы будьте абсолютно спокойны! – убедительно сказал опекун. – А почему они должны выглядеть как дервиши? Да потому, что Амир Темур любит беседовать с верующими каландарами, с бедным людом. Дервишам открыта дорога во дворец... Это я достоверно выяснил. Видимо, он хочет показать себя защитником бедных, обездоленных... Все его лазутчики именно из таких людей. Человека, одетого в очень простую одежду, запыленного, явно пришедшего из далеких степей, с растрепанными волосами... никто не толкнет в грудь, никто не пожелает бедняге плохого. До сих пор я ещё не слышал, чтобы безобидного дервиша обозвали дурным словом или кто-то опасался бы его, Ваше величество мой падишах. Если

он вдобавок скажет, что натерпелся от египетского падишаха, что дервишам там житья не дают – так ему все ворота в салтанате откроются...

Султан, погрузившись в мысли, ничего не отвечал.

– Но мы этих дервишей просто так не отправим, Ваше величество мой падишах! – многообещающе улыбнулся опекун Ёшбек. – Не велите казнить, велите слово молвить... Покойный мой господин – султан Баркук – изумительно вёл государственную политику, с большой мудростью... Вот у кого нужно вам поучиться! Да вы и учитесь! Если какой-то падишах писал ему письмо с просьбой (даже когда у него абсолютно не было намерения ее исполнить), он обязательно отправлял положительный ответ! В конечном счете все получалось наоборот...

– Что вы хотите этим сказать, господин опекун? – глянул на опекуна султан.

– Вчера опять явился посол от Амира Темура, Ваше величество падишах. Все с тем же требованием: если выпустим Аталмыш, они, со своей стороны, отпустят пленников, взятых в Алеппо. Что вы скажете? Что если так сказать: хорошо, мы принимаем ваши условия, и тогда-то отправим Аталмыш вам... Если такое письмо мы отдадим тем самым дервишам, может быть, страшный враг хоть немного утихомирится. Всё-таки огромное войско, наводящее ужас и трепет на весь мир, стоит на пороге...

Вглядываясь в раскосые глаза своего опекуна, султан видел там лишь суровость и твердость. В глубине души он немножко опасался этого безжалостного человека. «Всё время отрицать то, что он предлагает, тоже ведь нехорошо, – подумал он. – Иногда нужно и прислушаться. Слуги, как говорил мой батюшка, они ведь подобны сторожевым собакам: время от времени им нужно бросать кость...»

И тут, подобно тому как меняется спокойная, зеркальная поверхность пруда, когда в нее падает брошенный камень, мысли их переменились. Взорвалась чрезвычайная новость, которую принес появившийся в тот момент на пороге слуга.

– На расстоянии одного фарсаха от нас с северной стороны наш караульный отряд, вступив в схватку с врагами, одержал убедительную победу. Внук Амира Темура Султан Хусейн Мирза, обиженный на своего деда, перешел на нашу сторону вместе с тысячей своих воинов, чтобы примкнуть к египетскому войску!

Это была действительно неожиданная новость!

– Неужели это правда? Он что, действительно переметнулся на нашу сторону? А нет ли здесь подвоха?

– Нет-нет, Ваше величество мой падишах, – поспешил заверить его Ёшбек Шейбани. Если бы речь шла о каком-то другом амирзаде, я бы сомневался. Но мои осведомители из дворца Темурленга и ранее доносили, будто восемнадцатилетний Султан Хусейн Мирза – сын дочери Амира Темура – недоволен, что его не рассматривают как достойного наследника. Он очень печалился, что им пренебрегали. От обиды он и решился на такой шаг. Его надо бы хорошо, и даже очень хорошо встретить. Надавать ему горы обещаний, Ваше величество падишах.

И вдруг слуга с порога сообщил:

– С визитом к Его величеству султану – внук туранского султана Амира Темура Курагана Султан Хусейн Мирза!

Собеседники невольно обернулись в сторону двери...

II

Именно в эту минуту в Бурсе – столице османской империи – проходил маварат, на котором румский кесарь Йылдырым Баязид обсуждал окончательное завоевание Константинополя. Осада Константинополя длилась вот уже семь лет. В городе не осталось ни зерна, никакой другой еды. Дело дошло до того, что люди стали разбирать здания, чтобы было чем топить зимой. По мнению султана,

Византийская империя, находясь в тяжелом положении, уже дышала на ладан, готовая не сегодня завтра пасть. В Румском салтанате все были в этом единодушны.

Зал аудиенций великолепного дворца был заполнен участниками, приехавшими из пошоликов и санжаков Эдирне, Кирмиён, Сарухан, Ойдын, Ментеше, Караман, Анкурия, из недавно захваченной Кютахии, а также из приобретенного за довольно большие деньги Хамита – исторического памятника сельджуков.

Сыновья султана – Сулейман Челеби и Иса – стояли по правую руку от трона, а по левую руку расположились присевшие на колени Мустафа и Муса. Внизу, чуть ниже трона, рядом с известным Амиром Кара Юсуфом сидел Джалалиддин Султан – наследник Тохтамышхана, того самого, что после сокрушительного поражения на реке Терек бежал в сторону Литвы.

Румский кесарь, изложив свой взгляд на ситуацию в Туране, Хорасане, в странах Европы и других регионах, продолжил свою речь:

– Думаю, уразумели вы – в этом мире нет такого государства, что могло бы сравниться по моши и значению своему с Румским салтанатом. В то время как другие государства, будто малые звёзды, вынуждены прятаться за тучами, Рум сияет, как солнце, освещая своими лучами весь мир... Я превращу Румский салтанат в центр вселенной! Он станет горой, поддерживающей другие страны. Мунший!

– Слушаю вас, Ваше величество! – подбежал к султану бородатый человек средних лет.

– Пусть все участники машварата слышат! Зачитай-ка письмо, подготовленное султану Египта и Сирии!

Мунший развернул свиток и начал громко читать:

«Его Величеству Насириддину Фараджу ибн Баркуку – султану Египта и Сирии.

До наших ушей дошла весть о том, что дикие туранские воины ступили на священную землю Сирии, обратив в пепел Алеппо и подвергнув разгрому её святые города.

Случилось всё это тогда, когда мы, с одной стороны, готовились к покорению Константинополя, а с другой стороны, начали планировать поход на Европу. К тому же именно в этот момент Темурленг безо всякого стыда и совести наложил лапу на Сивас и Малатию. Тогда мы подняли на ноги бахадуров Рума и вышли навстречу врагу. Но враг, увидев нашу мощь, вздрогнул и не продвинулся более ни на шаг от Сиваса, потом развернулся и отступил. Если сказать прямо, он бежал без оглядки! Судьба трусливых всегда такова. Это, несомненно, свидетельство бессилия. Они опасаются за свою жизнь.

Мы ожидаем, что сам Бог усовестит его. Если повернет он восвояси из Египта и Сирии без всяких требований и домогательств, войны между нами не будет, и мы не причиним никому вреда. Но если же намерения врага другие, то наши лучники соединят свои стрелы с вашими стрелами, клинки мечей наших соединятся с вашими мечами, и мы превратимся в страшный огонь – сожжем его дотла и развеем прах!

Однако же чувствует моё сердце, что предстоит нам битва с султаном Турана. Если будет нужно, мы готовы прийти с нашим победоносным войском из одного конца света в другой, а то и того дальше ради этой схватки!.. Поскольку проучить как следует непослушных – это священный долг могущественных падишахов!»

– Пусть сам Бог оберегает нашего могучего падишаха! – воскликнул громовым голосом почитаемый всеми Эврунус-бей.

– Могущество его пусть только приумножается! – подал голос визирь Али-паша.

– Да обернет сам Бог лица вредоносных людей в обратную сторону, – громко закричал Тангрибермыш.

Дворец наполнился громом аплодисментов. Присутствующие наперебой громко обещали поддержку падишаху.

Глава четырнадцатая

I

Её величество Сараймулькханум поручила Сафарбергану привести в порядок Боги Чинар. Предстоял визит любимой невестушки Гавхаршад-бегим из Герата. Может быть, она задумала совершить сразу два благих дела – навестить приехавшую из Султании милую ханумайим-свекровь и провести своих сыновей Улугбека Мирзу и Бойсунгура Мирзу? К ее приезду подоспела и Султан Бахт-бегим, выехавшая еще неделю назад из Андхуда и уже расположившаяся в Бустансарае. Надо со всеми почестями принять их и устроить пир в Боги Чинаре. Уже приглашена сладкоголосая певица Хусна-ялла – украшение женских собраний города Самарканда. Заказаны изысканные блюда, не забыта и отборная усьма¹ ургутских высокогорий.

Воспользовавшись тем, что Сахибкиран был занят подготовкой к сирийскому походу, Сараймулькханум задумала провести месяц в Самарканде. Вот уже несколько лет Боги Чинар пребывал в забвении. И как только она (его госпожа!) переступила его порог, в него будто душу вдохнули, он задышал, расцвел.

Сараймулькханум была очень гостеприимна. Этому научил ее Сахибкиран, который не уставал от многочисленных гостей, что чередой тянулись к ним. В Боги Чинаре она растила и воспитывала сначала Мухаммада Султана, а потом Шахруха Мирзу, оба они выросли именно в этом саду. И вот пожалуйста, один из них сейчас наследник Турана, другой правит провинцией Хорасан. Оба сумели завоевать почет и уважение народа.

Казалось, только вчера отец Улугбека Мирзы окреп, сделал здесь свои первые шаги, а теперь по этим дорожкам идет его сын.

Она смеётся над озорными проделками Улугбека Мирзы, удивляется привычке, задумавшись, смотреть подолгу в одну точку. Не по годам степенный, он поражает своими осмысленными речами. Всего-то семилетний ребёнок, а задает такие вопросы, на которые не сразу и ответ найдешь.

Она вспомнила, как в Карабахе с гордостью говорила про восприимчивый ум, остроту мышления амирзаде:

– Так ведь это же мой внук! – сказал тогда Амир Темур. – Ведь его имя Улугбек! А имя обязывает. Пусть будет долгой его жизнь, о Аллах!

С самого утра в среду начали прибывать гости. Первыми показались Ханзада-ханум с Оккиз-бегим. Они прибыли из Боги Шинама в сопровождении слуг и невольниц. Не успели поздороваться с остальными, как тут подоспели внучка-невестка Согинч-ханум, затем Султан Бахт-бегим.

– Проходите, поднимайтесь-ка на сури!

Боги Чинар – райский уголок, настоящее чудо, подаренное небесами как маленький образчик рая, – наполнился счастливыми возгласами и вздохами.

Оккиз-бегим по намеку старшей царицы быстренько приступила к делу: взяла в ладошки слегка подсушенную усьму и стала ловко катать её, растирая до мягкости. В воздухе чувствовался приятный запах усьмы. У принцесса прямо на сердце повеселело от этого аромата.

– Вот это запах так запах! – тихонечко сказала Султан Бахт-бегим. – От такого аромата сердце радуется!

– Да, тетушка, удивительная вещь, а! – поддержала её Гавхаршад-бегим. Такие растения, говорят, в раю растут!

– Наверное, у той усьмы, что растёт в раю, вообще запах сильный, – вмешалась в беседу Чулпан Мулк-ока.

¹ Усьма – растение, содержащее красящее вещество, используемое для окрашивания бровей.

– Я слышала, что даже ангелы красят свои брови усьмой, – улыбнулась Ханзада-ханум. – Оттого, говорят, брови у них такие чёрные...

На лицах у всех было предвкушение предстоящего удовольствия, а некоторые невольно поглаживали свои брови. Халдана-биби принесла и поставила посередине перевернутую вверх дном золоченую касу. На вогнутой стороне донышка поблескивал свежавыжатый сок усьмы.

Честь начать церемонию выпала Сараймулькханум. За ней – Ханзада-ханум, потом Султан Бахт-бегим, Туман-ока... С шутками, хохотом, женщины щедро мазали усьмой брови. Были среди них и те, кто хотел поставить кокетливые родинки. Согинч-ханум, заприметив новенькую родинку на левой щеке у Сараймулькханум, увидев, как Ханзада-ханум капнула несколько капель усьмы на давнишнюю родинку с правой стороны подбородка, тоже пристроила себе в ямочки на щеках две нежные родинки. Красота и прелесть их выразительных лиц от темной усьмы стала еще заметнее. Они буквально не могли насмотреться друг на друга.

– А лучше всех усьма легла у старшей госпожи, – сказала Дурсултан-ока.

– Кого супруг сильно любит, у того усьма и ложится хорошо! Понятно? – пошутила Халдана-биби.

– Вот оно что! Доброта Хазрата Сахибкирана к нашей госпоже, оказывается, настоящая, неподдельная!

– Верно-верно, правильно! – раздались голоса.

Сараймулькханум сконфуженно посмотрела на гостей.

– Никаких сомнений не осталось у меня в том, как сильно любит Гавхаршад-бегим наш Шахрух Мирза! Вот ведь счастье выпало моему брату! Глядите, как размахнулись брови нашей невестки... прямо вот-вот улетят в Герат! – сказала со смехом Султан Бахт-бегим, следом за ней рассмеялись и другие. Гавхаршад-бегим, собрав перед собой толстые косы, сидела, глядя в землю.

– Но, оказывается, самая сильная любовь – шахзаде Мухаммада Султана! Вот его любовь настоящая! – заявила Чулпан Мульк-ока, привлекая к себе всеобщее внимание. – Вы только посмотрите на принцессу Согинч! Усьма легла у неё ровно-ровно, а рисунок-то какой чёткий... И до чего же ей идут нежные родинки! Смотришь и восхищаешься...

– Ой, подумайте только! Все мечты нашей принцессы – ему одному ведь! – смеялась Оккиз-бегим. – А в ямочках-то какие нежные родинки у вас... и всё для него...

Согинч-ханум стала пунцовой.

Неугомонная дивная птица, распевавшая где-то на краю, наконец села на верхушку инжирового дерева, что росло всего в двадцати шагах от сури. Она еще раз пропела «куёв-куёв» и... смолкла.

Похоже, ей тоже не терпелось услышать голос Хуснары-яллы, поэтому она и притихла. Сад погрузился в тишину.

II

Но, как только певица начала петь, случилось неожиданное: в саду объявилась некая гостья, уже от ворот идущая с громкими стенаниями, переходящими в плач. Казалось, ничто ее не смущало: ни собрание благородных ханум, ни веселье, ни мелодично звучащая песня, которую все внимательно слушали...

– Вай дод! Дом мой в огне, мусульма-а-а-ане! Горит мой дом, вай-вай! Сгора-а-ает дотла! – вопила женщина.

Все пришли в смятение. Недовольная Туман-ока оглянулась: кто же это? И буквально глазам не поверила: проливая слёзы, царапая себе от горя лицо, в тридцати

шагах от неё шла... Орзумульк-ока – её родная мать! Вот ведь чуяло её сердце! Приметы были плохие: и усьма не взялась у нее как надо, и подергивалось правое веко...

Туман-ока побежала навстречу:

– Матушка моя, добро пожаловать! Что с вами приключилось? Что с вами такое? Тише! Тише... успокойтесь, не плачьте. Не плачьте!

– Как я могу не плакать, когда Бог меня так покарал! Покарал-то как!.. – причитала Орзумульк-ока, не переставая стучать кулаками по коленкам в отчаянии.

– Спаси вас Бог, матушка! Отец-то как? Здоровье его в порядке?

Сараймулькханум узнала подругу по голосу:

– Ой-ёй! Это же Орзумульк-ока? Момакиз! – она недоумевающе посмотрела на Ханзаду-ханум. – Может, несчастье какое приключилось? У дядюшки неважное здоровье было. В последнее время он буквально прикован был к постели...

– Туман, ты выпроси прощение у Сахибкирана, слышишь! Мы свояки ведь с ним. Так неужели же покарает своего собственного внука Султана Хусейна Мирзу?

– Ну почему же это покарает? С чего бы? И за что? Послушайте, ну говорите внятно же, наконец! – ещё больше разволновалась Туман-ока. – Да ведь это же его любимый внук!

– Горе мне! Убита я!..

Никакого следа от былой жизнерадостности у Орзумульк-оки не осталось. Позабыв о приличиях, охваченная тревогой, она бросилась прямо в ноги Сараймулькханум, шедшей из глубины сада.

– Ох, момакиз! Зачем же вы так делаете? Стыдно-то при всех... Ну, поднимитесь! Поднимитесь!

Казалось, все очарование замечательного вечера, вся прелесть улетучились от ее криков. Женщины, только что чинно-мирно сидевшие на сури, повставали с мест, не зная, что им делать. Хуснара-ялла стояла в нерешительности: то ли зачехлить ей свою дойру, то ли повременить ещё несколько мгновений...

– Вы ведь знаете, – приступила к объяснениям Орзумульк-ока, немного овладев собой, – опора наша – один-единственный внук наш Султан Хусейн Мирза. Вся надежда у нас на него. Если с ним что-то случится, так для меня это смерти подобно! Я ведь сама не ела, а его кормила, сама не пила, но его поила. Растила его в чистоте, холила, нежила... С какими трудностями мы его вырастили, довели до совершеннолетия и уж потом только отдали на службу Амиру Сахибкирану. Больше, кроме этого внука, никого у нас нет... Дядя ваш до того болен, так слаб... едва живой уже, лежит себе тихонечко... – Орзумульк-ока еле-еле сдерживала себя. Вздохнув, она продолжала: – Теперь нас и одного-единственного внука Бог лишил – много для нас... Ведь единственно на него мы опирались в жизни.

– Но... Почему вы так говорите?

– Вчера из Сирии прибыл гонец, – перешла опять на плач Орзумульк-ока. – Оказывается, в бою с египтянами Султан Хусейн Мирза... ну, может быть, пьяный был, не знаю... словом, он и сам не ведает как... В какой-то момент, когда битва уже кончилась, выяснилось, что оказался он на египетской стороне...

Женщины в один голос вскрикнули: «Вай!..»

– На египетской стороне?! – тревожно повторила Сараймулькханум вслед за Орзумульк-окой.

– Он что, в плен попал? – спросил кто-то.

– Мне никогда не нравился характер Султана Хусейна Мирзы... – прошептала Султан Бахт-бегим Ханзаде-ханум. – Сын моей покойной старшей сестры с самого начала рос никчемным! Такой заноза, задира!

– Да, шайтан сбил его с пути... – сожалела Ханзада-ханум.

– Да, на египетской стороне... Встретил его сам султан Фарадж. Принял хорошо, уважительно. Потом, поняв свою ошибку, Султан Хусейн Мирза со своим отрядом быстро перешел на сторону туранского войска и прибыл в Хумаюн Урду, чтобы бить челом... Но... Амир Сахибкиран не принимают его... Уж не знаю я, какие испытания ждут мое дитячко! Умоляю вас, Ваше величество царица моя! Будьте нам защитницей. Нрав-то у Амира Сахибкирана суровый... Боюсь, не наказал бы жестоко он внука моего... Разрушится тогда моя жизнь в этом мире, да и в мире вечном тоже!

Орзумульк-ока, всхлипывая, уже не могла говорить. Ее слова о том, что амирзаде со своим отрядом сам вернулся в туранское войско, были, конечно, далеки от правды. Амирзаде был пленен туранскими воинами.

Несчастливая женщина, не дожидаясь ответа Сараймулькханум, нетерпеливо повернулась к Гавхаршад-бегим, которая еще не успела вдоволь насладиться встречей со своими милыми сыновьями.

– Гавхаршад-бегим, я и вас прошу об этом! Авторитет Шахруха Мирзы очень высок. Пусть возьмёт под защиту мою кровиночку... Если не возвратится его добро от нас, пусть Бог воздаст ему...

Орзумульк-ока умоляюще смотрела на каждого в поисках хоть какого-то проблеска надежды. Старалась увидеть в чьём-то взгляде сочувствие, какой-то свет благоволения... Но все были настолько растеряны от неожиданной новости, что буквально замерли, не зная, что и делать... И от этого тягостного молчания её сердце было готово разорваться на части.

Сараймулькханум и Туман-ока только хотели было приободрить, успокоить Орзумульк-оку, как из Дамаска прибыл посланник Амира Темура Мухаммад Чурага-дадхах. Сараймулькханум подумала: «Прислали самого близкого своего человека. Это какое же задание дано ему? Похоже, дело тут серьезное...»

В саду наступила необычная тишина. Даже птица, что день-деньской пела «куёв-куёв», куда-то запропастилась. И заметно было, как обеднела округа без пения дивной птицы.

– Ассалому алейкум, Ваше величество моя госпожа, – поклонился Мухаммад Чурага-дадхах Сараймулькханум. – Похоже, явился сюда я немного не вовремя...

Посланник Сахибкирана сел на сури напротив. Оккиз-бегим подумала: «Надо же, вот у Халданы-биби ведь до того усьма красиво легла... Вот ведь, оказывается, что. Не заставила себя ждать её удача. Пожалуйста, не успела усьма высохнуть – приехал муженёк её! А наш хозяин вон ведь где – в Ашпаре сейчас...»

– Шахзаде Мухаммад Султан, кому и поручено управлять страной, уехал, оказывается, в Ашпару... – молвил дадхах, не зная с чего начать разговор.

– Сообщили, что шахзаде уже в Ташкенте, остановился там на какое-то время. А теперь направился в Самарканд... – осведомила всех Сараймулькханум.

– С Амиром Сахибкираном все хорошо, хвала Аллаху! Он передал вам всем свои приветствия и благословение. В Дамаске он расположился во дворце Аблак.

– Пусть покровитель наш Сахибкиран здравствуют, пока стоит этот мир!

– И пусть сам Бог оберегает его жизнь! – одна за другой заговорили женщины.

Каждая из них, конечно, хотела узнать, что происходит. Понимая это, дадхах не заставил их долго ждать.

– Султан Египта не дал согласия на переговоры. Наше войско выступило в Сирию. Незадолго до того оттуда прислали нам некоего Амира Хамона и еще кого-то – нечестивцев под видом дервишей. Султан поручил им тайно совершить покушение на драгоценную жизнь Амира Сахибкирана...

Но нашему Сахибкирану покровительствует сам Аллах! Враги хотели совершить гнусное дело, рассказывали, что их султан дервишей мучает, мол, унижает, преследует... Вот они и обратились в бегство... Амир Сахибкиран всегда готов

приветить бедных, униженных, странников разных, обойтись с ними по-доброму. Никогда на его земле дервишей не обижали. Но однажды услышал я разговор! Стал прислушиваться... слышу – шепчутся... Старший говорит: «Вот сегодня ночью мы Сахибкирана и прикончим. Зря, что ли, храним мы кинжалы свои? С тех пор как мы приехали, прошло уже более недели. Султан Фарадж ждёт нас с нетерпением. Пора!» Так я узнал, что они, оказывается, не дервиши, а убийцы подосланные! Тут же схватили мы обоих. У каждого обнаружили отравленные кинжалы! Амир Сахибкиран тогда сказали: «Хоть и нет посланникам смертной казни, но эти негодяи и дервишей опорочили...» Одного велено было казнить. Тело его сожгли прилюдно, дабы неповадно было другим так поступать. Амиру Хамону отрезали уши и нос его же отравленным кинжалом и отправили его султану Фараджу... После этого султан Фарадж, убоявшись силы туранского войска, с маленьким отрядом бежал в сторону Египта. Его укрепленная крепость Дамаск покорена. Оказалось, внутри крепости хранится вакуфное имущество, склады городов Мекки и Медины. В военной суматохе какой-то чиновник незаконно присвоил себе сто батманов ячменя. Сахибкиран, узнав, разгневался. И тут же из Хумаюн Урду пришел приказ: ячмень вернуть в амбары, вороватого барыгу наказать палками.

Дадхах ни слова не сказал о том, что в Дамаске Сахибкиран занемог, но потом встал всё-таки на ноги. Он не хотел волновать и без того пребывавших в тревоге женщин.

Случилось это на второй день сражения за Дамаск. Вдруг без всякой причины начались в Дамаске пожары. Было трудно понять, почему горит город, ещё труднее было предотвратить или потушить тот таинственный огонь. Не было человека, не удивляющегося этому... Всё сгорело: и то, что было сухим, и то, что было мокрым... Будто наступил судный день. Немало людей погибло в том огне... Пропали практически все здания, кроме соборной мечети, охранять которую от огня было поручено Амиру Шахмалику. И что удивительно – огонь даже не приблизился к мечети! Амир Темур издал фирман, согласно которому следовало отпустить сирийских пленных, освободить их всех...

– Зачитайте нам тот фирман, дорогой наш дадхах! Соскучились мы по словам нашего Хазрата... – сказала ему Сараймулькханум. – Вот послушаем его речь, и будто увидим его воочию.

– Да-да! Давайте-ка послушаем, – зашумели вокруг.

– Да я с удовольствием!

Ему и самому хотелось ознакомить присутствующих с фирманом. Он осторожно развернул свиток султанской бумаги, что держал наготове, и приступил к чтению. Его сильный голос доносился до самых дальних уголков Боги Чинара. Могучая чинара, что росла с правой стороны дворца, простирая свои ветки к небу, будто бы желая охватить его, храбро открывая свои объятия всем ветрам, замерла, будто желая тоже услышать памятный фирман.

Фирман

Сахибкирана Амира Темура Курагана
на имя шахзаде Мухаммада Султана

«Аллах велик и богат, наше решение – решение самого Аллаха, могущество – могущество самого Аллаха, достояние – достояние самого Аллаха.

Слово наше – Абулмузаффара Абулмансура Амира Темура Курагана – доводится до сведения собратьев, сыновей, детей, зятьев наших, амиров улуса, десятитысячников, тысячников и сотников.

И пусть те, кому приходится вести на скрижалях записи судьбы, кто считывает записи решений самого Тенгри, – ангелы – да будут тому свидетелями...

Важнейшую свою обязанность и всеобщее правило для правителей мира мы видим в том, чтобы направить все силы и старания на улучшение обустройства жизни людей. Несчетные восхваления наши Аллаху – властителю миров! Ему, кто может подарить благосостояние всякому, кому пожелает.

Одним словом, одного из дорогих детей наших, подаренных небом, выбрали мы достойного – и пусть сам Аллах сделает его жизнь длинной! – избрали покрытого славой, доброго нравом, знающего, умного и благочестивого, отраду жизни, любимого всеми, свет наших глаз – шахзаде Мухаммада Султана ибн Джахангира, учитывая его благородство и многочисленные достоинства, а также как результат его добрых дел и пройденных им испытаний. Мы считаем его достойным возглавить салтанат, руководить людьми его, править одной частью подвластного нам государства – от Персии и Кирмана вплоть до Хурмуза и иракского Аджамы; от Рея вплоть до Азербайджана, Аррана, Мугана, Карабаха, Джийлана; от Ширвана, Шамахи и Дербента до Баб-уль-Аббаба; от Абхаза, Курдистана, Диярбакра и иракского Араба до Хиджаза; от Румского края до Стамбула и Фаранга; от территории Сирии до Александрии и вплоть до реки Нил – мы поручили его бахадурским рукам править этими странами, защищать народ, управлять и достойно владеть указанными землями, предоставили право справедливо решать давать и отказывать (если нужно)...

Пусть будет объявлен во всех странах вышеуказанный фирман, которому подчинится народ и который никогда не потеряет свою силу. Правители, наместники, амиры, знатные люди, сановники вышеперечисленных стран должны принять шахзаде как владельца трона и правителя страны. Пусть его указы во имя справедливости и правды, а также его запрещающие законы будут приняты беспрекословно, от указов, направленных на спокойствие и благоустройство страны, никто не должен уклоняться. Все подданные должны следовать этому фирману и выказывать правителю большое почтение, потому что он возвеличен высочайшей печатью и подписью.

Любимый внук, глубоко осознав, что именно возлагается на него, пусть станет гарантом справедливости, правды, заботы о подданных. Его действия пусть будут направлены на благоустройство мира, мир и согласие! Пусть поддержит он добродетельных, праведных, религиозных и благочестивых людей, оказывает им почтение, не забывает благоустраивать мечети и медресе. К смутьянам, интриганам, преступникам, разбойникам и нарушающим устои шариата людям проявлять нетерпимость и искоренять зло. Только тогда царство будет непоколебимо процветать и развиваться.

Помощи и удачи от Аллаха...

Все повернулись к Ханзаде-ханум и Согинч-ханум со словами поздравлений. А те кланялись в ответ и благодарили.

И снова заговорил Мухаммад Чурага-дадхак:

– Еще один фирман я привёз из Хумаюн Урду: «Ее величество, счастливейшая Туман-ока, должна отправиться вместе с детьми к Сахибкирану...»

Сад вновь наполнился радостными голосами женщин, шутками, восклицаниями... Все смотрели на Туман-оку с восхищением.

Она же, довольная предстоящим путешествием, уже предвкушала будущие мгновения свидания, представляла улыбающееся лицо Сахибкирана.

И только Орзумульк-ока, час назад оглашавшая горестными криками о несчастном внуке весь сад и оказавшаяся в самом центре внимания, стояла теперь тихонечко сзади, не принимая никакого участия в веселье... Она не сводила глаз, исполненных грусти и надежды, от своей дочери – внезапно осчастливленной таким распоряжением Туман-оки.

Перевод с узбекского Диноры АЗИМОВОЙ.

Росчерк прошлых дней...

УМИДА КАРИМОВА

* * *

Тонких пальцев нежнейшее прикосновение
и
рассыплются хрустальными льдинками осколки бокала,
полетят брызги красного вина,
как в замедленной киносъёмке.
Лужица вина на полу медленно растечётся
на кружевном узоры паркета...
И уже не важен будет смысл разговора.
Останется эхо ускользающих слов
tet-a-tet...

* * *

Ошутив смертельную прохладу,
С лёгкостью разбросанных камней
Память моей юности в награду
Возвращает росчерк прошлых дней.

Избави Бог от злобного соседства
И кривой ухмылки позади.
В череде безумства самоедства
Сброшу ношу памяти с груди.

Не в пример навязчивую мудрость
Старость, здравым смыслом вопреки,
В небеса безмолвные, сутулясь,
Забрала с собою по пути.

Умида КАРИМОВА. Окончила химфак и аспирантуру в ТашГУ (ныне НУУз). Пишет стихи, занимается переводами. Активно сотрудничает с клубом-музеем «Мангалочий дворик Анны Ахматовой». Публиковалась в альманахе «Под крылом Пегаса».

* * *

В нирване прошлого
Мгновенный росчерк прибытия и убытия,
Как тень воспоминаний из Книги перемен.
Вне времени лишь чистая линия куполов,
Дервишей завораживающий танец,
Разноцветье базаров в обрамлении цветных сюзане,
Уходящие в пустыню караваны
Через танцующие барханы
К манящим обманчивым миражам.
Вне времени...
Чтобы остаться в вечности.

* * *

Кружат листья – осенние духи ветров,
Заплелись под ногами прохожих.
Полыхнёт золотистой короной костров
На макушках кроваво-кленовых.

От урючин листва золотистым дождём
Оседает в раскрытых ладонях.
Среди чёрных камней вместе осень сожжём
Под безумие ветра и стоны.

* * *

Я улечу не с клином журавлей,
А одинокой молчаливой птицей.
Ты в дальних жарких странах не жалеи,
Что мне не будешь виновато снится.

И я люблю тепло – не холода,
Но знаешь, перевёрнута страница,
И впереди дорога в никуда,
И тень от прошлого прощается-кружится.

* * *

Я гор божественную свежесть
Налью в бокал, как льют вино.
Пусть в нём искрится свет и нежность
И сердце радостью полно.
Горчит растёртый можжевельник,
В висках седеющих стучит.
Иголка хвойная с ладони,
Как вертолётник, вниз летит.

* * *

Эти раны...
Они не заживают.
Шемяшей болью рвутся сквозь судьбу.
Какое счастье,
Я ещё живая –
Любить, а значит, чувствовать могу.

Несутся дни, как снимков череда,
Запечатлённых точечным мгновеньем.
Умнее стала – не хочу туда,
Где прячутся тревоги и сомнения.

* * *

Сладковатый запах тления –
Дух обыденных потерь.
Но, надеясь на спасение,
Мы не в ту шагнули дверь.

В гулких комнатах забвения
Сполох пыли от ковров.
И закрашен краской времени
Холст златанных веков.

* * *

Посвящается А. Ф. Козловскому

Дом, в котором «дремал дух гарема», укрылся за решётчатой оградой. Алела россыпь маков на дувалах. Кусты благоухающих роз и пряного райхона замерли у шебечущего арыка. Искрилось солнце на медном кумгане. Тосковал негромкий голос дутара. Юная исполнительница «Тановара» Ситара и сама подобна хрупкому недолговечному маку. Порхают её руки над шёлковыми струнами. Но чья неясная тень тихо скользнула в жарком мареве кривого переулка?

* * *

Прогибаясь под порывами ветра, урючина роняет с ветвей мокрые цветы. Полумесяц, словно утлая лодка без уключин, поплыл среди разорванных облаков. Ночь, опьянённая ароматом розовокрылых лепестков, раздвинула занавески и вплыла в комнату.

О ночь!

Шуршат неясные тени, слышу давно забытые голоса... О чём они говорят?

* * *

Осень...

Листопад... Воздух с горчинкой отцветающих цветов... Вздрагиваю от холодной капельки дождя, упавшей на щёку... Время увядания... В ней есть своя, особая, красота. А память возвращает в один из летних дней, когда знойным ветром обдала любовь. Да и любовь ли это была? Просто капелька на раскрытой ладони...

ЛОВКОСТЬ РУК...

Рассказы

НАРЗУЛЛО БАТИРОВ

ОПЕРАЦИЯ «ДОЛЛАР»

Середина июля. Палящее солнце. От земли поднимаются волны зноя. Листья на деревьях не шелохнутся, словно застыли. Даже соседский пёс, гроза окрестных кошек, высунув язык и тяжело дыша, в поисках прохлады растянулся у недавно политого из арычка цветника, положив голову между лап. Не слышно птиц, видимо, и они ищут прохладу в чаше деревьев.

Из-за жары я, не выходя из дома, лежал под вентилятором и читал книгу. Хорошо, что придумали такое «опахало». Иначе что бы мы делали? Конечно, сейчас появились кондиционеры, но мне это не подходит. Я простужаюсь. И для меня нет ничего лучше вентилятора. Мой выпущен ровно тридцать четыре года назад. Наверху у него есть пятигранный знак качества и надпись: «1984 год. Сделано в СССР». Сейчас 2018-ый. И столько лет бедняга неустанно служит! Когда я последний раз носил его в ремонт, мастер сказал: «Отец, его ресурс исчерпан. Тридцать лет отработал. Катушка мотора уже стёрлась, изоляция отслужила. Если еще раз сломается, то уже не отремонтируешь. Такие катушки сейчас не выпускаются». Хоть бы не сломался! Китайские некачественные. Одноразовые. И после поломки ремонту не подлежат. Лишь бы не сломался в такую жару! Мысли, зародившиеся в глубине подсознания, даром не приходят.

Как-то раз, будучи в хорошем расположении духа, я, листая журнал «Отличное настроение», почувствовал запах гари. Посмотрев по сторонам в поисках причины, услышал какой-то треск, и моё «опахало» замерло. Дом наполнился едким дымом, шедшим из-под лопастей вентилятора. Всё ясно: изоляция износилась, и произошло замыкание. Надо покупать новый. Во второй половине дня придется идти на рынок Эски Жува.

После четырёх достал из-под стопки одеял спрятанные деньги и положил их в небольшую кожаную сумку. Денег было мало. Между одеялами лежали две столоневые банкноты – взял и их. Выйдя на улицу, почувствовал, будто попал в раскалённый тандыр. В автобусе отправился на Чорсу. Чорсу – центр старого города. Раньше это и был весь город. Со временем он разросся до сегодняшних границ.

Нарзулло БАТИРОВ. Родился в Самаркандской области в 1947 г. Окончил Ташкентский политехнический институт и Высшую школу милиции. Работал в ОВД. Публиковался в периодической печати, в журналах «Звезда Востока», «Шарқ Юлдузи», «Гулхан», «Ёшлик».

По обеим сторонам дороги от Чорсу к дехканскому рынку Эски Жува тянутся ряды магазинов и ларьков. Большой выбор разнообразных вентиляторов, начиная от настольных и напольных, которые вращаются на высоких штативах, и до распыляющих воду. Цены – от ста тысяч до миллиона. Приглядел средний по цене. Выбранный вариант был неплох: на высоком штативе, поворачивается на 180 градусов. Заведующий магазином стал нахваливать и советовать купить его, ссылаясь на наличие гарантии. На вопрос о цене ответил:

– Пятьсот тысяч.

Вздрогнув, я спросил:

– А подешевле нет?

– Зачем вам дешёвый? Через четыре дня сломается. Берите этот. Китайский фабричный товар, – ответил он.

Ясно, что имеющихся денег не хватит. Не обойтись без обмена долларов. Я вышел из магазина.

– Дядя, есть доллары? Возьмём – не обидим. Сделаем даже немного выше курса из уважения к вашему почтенному возрасту, – обратились ко мне оказавшиеся рядом двое молодых людей.

– Почём возьмёте? – спросил я.

– На базаре 3800 сумов. Вам же, так и быть, поменяем по четыре тысячи.

Я открыл сумку, стал доставать доллары.

– Отойдём в сторонку, здесь менты стоят, – сказал перекупщик, указывая на стоящего неподалёку милиционера.

Мы зашли за магазины. Взяв у меня стодолларовую купюру, валютчик на ошупь проверил её подлинность и вручил мне четыре пачки по сто тысяч сумов.

– Всё пересчитано, папаша. Если выйдет меньше, приходите. Верну вдвое больше. Я здесь каждый день.

Заметив в моей сумке оставшиеся сто долларов, он сказал:

– Давайте я вам обменяю и остальное. Никто больше не обменяет по четыре тысячи!

– Пусть остаются. Обменяю, когда понадобится. Я слышал, что стоимость доллара растёт ежедневно, – отказался я.

Я положил четыреста тысяч в сумку и, выходя из-за магазинов, услышал позади чей-то голос:

– Продолжайте наблюдение. Не выпускайте из виду перекупщиков, а с этим человеком я сам поговорю.

Оглянувшись, я увидел идущего за мной солидного мужчину лет 35–40 в чёрных брюках, белой рубашке и, несмотря на жару, при галстуке. Рядом был видный, хорошо одетый молодой человек лет тридцати. У меня заныло сердце: я ведь хорошо знаю, что незаконная купля-продажа валюты – преступление. Со лба, покрывшегося испариной, ручейками заструился пот. Ускорив шаг, я поспешил затеряться в толпе. Шедший позади молодой человек приблизился ко мне и негромко, чтобы слышал только я, сказал:

– Дядя, идите помедленнее. Сейчас проводится операция «Доллар». Вас зафиксировала камера.

Поняв, что дела плохи, я обратился к нему:

– Братец, я старый человек. Пожалейте меня.

Искося взглянув на меня, он сказал:

– Вижу, дядюшка, возраст у вас действительно почтенный. Но вас зафиксировала камера. Я не могу вас сейчас отпустить. Поговорим, когда придём в контору. Нас интересуют торговцы валютой. Вы должны опознать человека, купившего

доллары. Больше от вас ничего не требуется. Только говорите потише, чтобы не сорвать операцию. Вы производите впечатление человека понятливого.

Затем он передал по рации:

– Вы доставьте задержанных в контору. Этого человека я сам доставлю. Проведём допрос. Велите наблюдателям фиксировать каждое движение валютчиков. Пусть фотографируют и работников милиции, фиксируют их разговоры с перекупщиками.

Я не сомневался, что действительно проводится операция «Доллар». Естественно, ведь на рынке полно торговцев долларами. В банке доллар стоит 2000 сумов, а на рынке – 4000. Этому, безусловно, следует положить конец! Если незаконная купля-продажа – преступление, то почему перекупщики делают это безнаказанно на глазах у милиционеров? Кому это выгодно? Четырём-пяти работникам банка, на которых работают промышляющие на рынке валютчики? Почему, видя это, милиция никак не реагирует? И так повсеместно! Государство обязательно должно положить этому конец. Однако удивительно, что операция «Доллар» началась именно в тот день, когда я впервые в жизни решил обменять валюту! Эти двести долларов дал мне внук Фаррух, работавший в Москве, сказав, чтобы я побаловал себя.

Вот почему я и хранил их так бережно.

– Братец, вы из милиции? Я раньше тоже работал в милиции. Сейчас на пенсии. Значит, вы свои ребята. Не мучьте старого человека, – попросил я.

– Мы из специальных органов. Я подполковник, а этот человек – майор, – сказал он, указав на напарника.

Назвал и какие-то фамилии, но я их не запомнил. Понял только, что один из них подполковник, а второй – майор. Я ни на миг не усомнился, что такие солидные люди среди бела дня на крупном рынке столицы проводят операцию. «Плохи мои дела, – подумал я. – Доставят в органы, проведут допрос, составят протокол. И тогда дело ещё больше осложнится. Они похожи на хороших парней. Может быть, попросить их, и они, уважив мой возраст, отпустят?»

– Товариш подполковник, из уважения к моему возрасту простите меня. Я это сделал впервые, – взволнованно произнёс я первое, что пришло в голову.

– Вы же работали в милиции и хорошо знаете закон.

– Знаю, что поступил неправильно. Пришёл купить вентилятор, а денег не хватило. Поэтому и обменял сто долларов.

– Ладно, дядя. Мы всё понимаем. Так и быть, из уважения к вашему возрасту отпустим вас. Только подтвердите личность купившего у вас доллары, и я вас отпущу. На обратном пути купите вентилятор. А сейчас следуйте за мной. Не сорвите операцию! – приказным тоном велел он мне.

Мы прошли в малолюдное место за двухэтажным зданием неподалёку от автобусной обстановки. Мужчина велел напарнику продолжать наблюдение и сказал, что встретится с ним через час в участке. Потом по рации ещё раз сказал, чтобы задержанных доставили в контору, а меня он заберёт с собой. Переведя взгляд на меня, он спросил:

– Сколько долларов, дядя, вы обменяли?

– Сто.

– А не тысячу или две?

– Нет, что вы! У меня и было-то всего-навсего двести долларов. Из них я обменял сто.

– Нестоящие деньги. Не переживайте. Я быстро всё решу. Нам нужны не вы, а валютчики. Среди бела дня в самом центре города на глазах у милиции,

без опаски занимаются незаконной торговлей долларами! Это преступление, – возмущённо говорил молодой человек.

Я подумал, что и впрямь этому надо положить конец. Что будет, если правоохранительные органы, видя это, не будут принимать мер?

– Я не хочу вас мучить, дядя, но вы попали под объектив камеры. Начальство, узнав, что я вас отпустил, может неправильно это понять. Не следовало мне вас задерживать, – огорчённо заметил парень, покачав головой. Потом он повторил свой вопрос: – Так сколько долларов, вы говорите, обменяли?

– Сто.

– По какому курсу?

– По четыре тысячи, всего четыреста тысяч сумов.

– Вы ничего не потратили?

– Нет. Всё лежит в моей сумке.

Я вынул четыре пачки и показал их парню.

– Не потратили ни одного сума? – внимательно посмотрел он на меня и, взяв деньги, произнёс: – Ладно, пусть пока полежат. В конторе пересчитаем.

Чуть позже он снова пристально посмотрел мне в глаза:

– А долларов больше не осталось? Как бы, когда придём в контору, у вас не оказалось при себе ещё. Это осложнит дело.

– Есть ещё сто долларов. Внук дал мне двести.

– А где ваш внук? Откуда у него доллары?

– Заработал в России.

– Он сможет подтвердить, что дал их вам?

– Он сейчас в России. Вернулся туда, чтобы продолжить работу.

После моих слов парень призадумался:

– Ладно, найдём выход. Вы явно уважаемый пожилой человек. Работали в органах, вышли на пенсию. Сделаем так, чтобы вас всё произошедшее не коснулось. Дайте мне и эту сотню, пусть побудет у меня, чтобы не обнаружилась в сумке, когда придём в контору. Отдам, когда будете уходить.

Я извлёк из сумки и отдал ему стодолларовую банкноту и взятые из дома двести тысяч.

– Так у вас ещё есть деньги? – удивился парень, увидев это.

– Двести тысяч сумов. Я вышел купить вентилятор. Денег не хватило, поэтому я и обменял доллары. Пусть пока всё побудет у вас.

Доллары парень положил в карман, а суммы завернул в обрывок валявшейся на земле газеты. Затем вновь стал отдавать кому-то распоряжения по рации. Затем, указав на стоявшую рядом «Ласетти», сказал:

– Это моя машина. Стойте около неё. Я отправлю задержанных в отделение. Их уже полный автобус набралось. А потом поедем мы с вами. Только не вздумайте уйти! А по возвращении купите вентилятор, ведь магазины работают допоздна.

Несмотря на то что день клонился к вечеру, было по-прежнему жарко; за зданием, где я стоял, не было ни малейшего ветерка. Из-за зноя и произошедшего пот со лба струился ручьями, рубашка мокрая – хоть выжимай. Хотел было поискать местечко попрохладней, но ведь подполковник велел не двигаться с места, мол, скоро вернётся. Так я и стоял столбом возле машины. Вскоре ноги у меня занемели, и я решил сесть на валявшийся тут же какой-то бетонный обломок. Как назло, бетон был до того раскалён солнцем, что я, словно ошпаренный, вынужден был вскочить с него. Так, переминаясь с ноги на ногу, я поджидал подполковника.

Прошло довольно много времени. Стоявших вокруг машин становилось всё меньше. От ответственного работника не было никаких вестей. В голову невольно

закрадывалась мысль: «Неужели он меня обманул и забрал деньги? Нет, не может быть, ведь он оставил “Ласетти”. Если бы обманывал, разве бросил бы свою машину?» Этим я успокаивал себя и продолжал ждать. Прошло ещё немало времени. Вскоре к машине, у которой я стоял на карауле, подошли мужчина и женщина с детской коляской в руках, нагруженные пакетами. Остановившись у машины, мужчина, порывшись в карманах, извлёк ключи и стал открывать дверцу.

Подумав, что он ошибся и открывает чужую машину, я поспешил остановить его:

– Вы ошиблись! Это машина другого человека.

Мужчина удивлённо посмотрел на меня. Посмотрел на ключи, на машину, с недоумением обошёл ее, посмотрел на номер и сказал:

– А вы, дядюшка, оказывается, шутник!

– Я не шучу. Хозяин машины велел мне ждать его здесь, сейчас он должен вернуться, – сказал я.

– Вы ошибаетесь. Он, наверное, показал вам на другую машину, – ответил мужчина и открыл автомобиль.

Я всё ещё продолжал наивно думать, что этот человек ошибается, а ключ подошёл к дверце случайно. Но мужчина вынул из машины полотенце, вытер пот со лба и стал укладывать коляску в багажник. Я подбежал к нему и спросил:

– Машина и в самом деле ваша?

– Да что с вами?! Вы же не маленький ребёнок, чтобы так со мной шутить! – сказал он, закрыв багажник. – Зачем бы я стал класть свои вещи в чужую машину? А вы сами-то кто такой?

Я рассказал об операции «Доллар», о том, что сотрудник специальных органов поручил мне ждать его здесь, около этой машины, принадлежавшей ему.

– Сколько времени прошло?

– Несколько часов.

– Эх, дядя, так вас обманули! Как звали этого работника спецорганов?

– Подполковник. Какая-то фамилия. В руках у него была рация.

– Вы видели его удостоверение?

– Нет. Да я и не спрашивал. Подумал, что такой солидный, хорошо одетый человек не станет обманывать. Взял сто долларов, шестьсот тысяч сумов. Сказал, что вернёт после составления протокола в конторе.

Мужчина с явным сочувствием покачал головой:

– Вы попались на удочку мошенникам. Срочно обратитесь в милицию.

Ошарашенный, я бессильно сполз на бетонный обломок, на этот раз даже не почувствовав его жара.

– Дядя, не переживайте вы так. Случилось то, что случилось. Эти мошенники знают, что я работаю здесь в магазине и что моя машина стоит здесь допоздна, поэтому умышленно выдали мою машину за свою. Сегодня день рождения нашего внука. Вот купили для него коляску. Мы спешим, а то бы я сам отвёз вас к участковому. Мой магазин – третий в этом ряду. Заходите. Но сейчас непременно обратитесь в милицию с заявлением, – сказал он и объяснил, как найти участкового инспектора.

Участкового я застал на рабочем месте. Было стыдно рассказывать ему о случившемся, ведь и сам я работал в милиции, а мошенники обвели меня вокруг пальца. Но оставлять аферистов безнаказанными и терять деньги тоже не хотелось. Поэтому подробно описал всё случившееся. Участковый, взяв моё заявление, спросил:

– Почему вы не обменяли доллары в банке? Ведь знаете, что незаконная купля-продажа валюты – преступление.

Я покраснел от стыда:

– Верно. Но, если бы я сдал сто долларов в банк, я потерял бы двести тысяч сумов. Было жалко. Будь проклята моя алчность!

Инспектор покачал головой. Зарегистрировав моё заявление, он сообщил, что передаст его в отдел уголовного розыска, а когда преступники будут задержаны, меня известят.

По возвращении я не проронил домашним ни слова. Стыдно было. Летний зной пришлось перетерпеть без вентилятора.

Спустя два с половиной месяца в дверь постучали. Отворив, я увидел девушку-почтальона. Она подала мне листок.

– Что это? – спросил я.

– Повестка. Завтра вас вызывают в Шайхантахурский районный отдел внутренних дел.

К назначенному времени я отправился в райотдел внутренних дел. Войдя в кабинет следователя, увидел сидящего в наручниках у стола «подполковника», задержавшего меня во время операции «Доллар».

Обратившись ко мне, следователь спросил:

– Вы знаете этого человека?

– Да, – ответил я и иронично добавил: – Это работник спецслужб, подполковник.

– Знаете его имя?

– Нет, – ответил я, отрицательно покачав головой. – Он назвал какое-то, но я не запомнил.

Следователь указал на меня и спросил:

– А вы? Вы знаете этого человека?

– Нет, не знаю, – ответил «работник спецслужб», тараща глаза.

– Ладно, познакомьтесь, – усмехнулся следователь.

Он стал расспрашивать, где и при каких обстоятельствах я познакомился с задержанным. Я рассказал. Выяснилось, что «работник спецслужб» Захидов Абдусаттар ранее служил в органах внутренних дел, но был уволен за грязные дела. Я оказался пятнадцатым из попавшихся в его ловушку. Следователь оформил необходимые документы и сообщил, что вскоре меня вызовут в суд.

Через несколько месяцев состоялся суд. Приняв во внимание мой статус пенсионера, тот факт, что я занимался незаконной куплей-продажей долларов впервые, а также мой авторитет в махалле, судья освободил меня от административной ответственности. Суд постановил вернуть мне шестьсот тысяч сумов и сто долларов. Из здания суда я вышел растерянным и пристыженным. Как я мог, проработав столько лет в милиции, так опростоволоситься и угодить в ловушку мошенников?!

ЗОЛОТЫЕ УКРАШЕНИЯ СОТТИХОН

Я недавно вышел на пенсию. Свободного времени теперь предостаточно. Целыми днями копошусь по дому, хожу из угла в угол, вмешиваюсь в дела детей, пытаюсь их чему-то научить. Но это им, конечно, не нравится.

– Отец, не вмешивайтесь! Мы сами знаем! – говорят мои дочери.

Я, конечно, злюсь и с обидой им отвечаю:

– Делайте, что хотите.

Как правило, такие размолвки быстро исчерпывают себя, но вскоре, увы, всё повторяется. В таких случаях дочери говорят мне:

– Отец, лучше выйдите на улицу, прогуляйтесь. Погода сегодня чудесная! А мы пока завершим все свои дела.

Вообще-то, честно говоря, они правы в своём желании избежать столкновений.

Живём мы на Бешагаче. Неподалеку от нас протекает канал. Обычно именно здесь я и успокаиваю свое желание «помочь» детям принять правильное решение.

Стоя на мосту, я люблюсь течением, рябью на воде, растущими вдоль берегов плакучими ивами, ветвями которых играет лёгкий ветерок. Мысли о недовольстве моих дочерей постепенно улетучиваются. Спустившись по ступенькам на берег канала, я разуюсь и сижу, свесив ноги в воду. Слово умытый голубой водой, свежим воздухом, наполняющим мою грудь, я не могу надышаться и, как малый ребёнок, готов кричать: «Господи! До чего же хорошо!» Зелень деревьев вокруг поднимает настроение, и на душе становится легко. А чего стоит водопад позади старой электростанции! Капельки воды брызгами разлетаются вокруг от с силой бьющих струй водопада. Невольно вздрагиваешь, когда ласковый ветерок доносит их до твоего лица.

Сидя дома, от гнетущей скуки я становлюсь многословным и раздражительным. А здесь оживаю... Вот почему ежедневные прогулки по окрестностям канала после завтрака вошли у меня в привычку. Время от времени вдоль канала я отправляюсь на Урду, оттуда, пройдя мимо памятника Независимости, дохожу до Алайского рынка или же на автобусе доезжаю до рынка Эски Жува, покупаю фрукты, сладости и возвращаюсь домой в хорошем расположении духа. Конечно, немного устаю, но после слов ласковыми бабочками кружащихся вокруг меня дочек «Папочка, как добрались? Не устали? Не уходите так надолго!» усталость мою как рукой снимает. Моё настроение становится ещё лучше, когда ко мне бегут внуки: «Дедуля, что вы нам принесли?» – и я начинаю раздавать принесённое...

Вот и сегодня я не спеша пришёл на Чорсу. И хотя была ещё только середина весны, на рыночных прилавках было полным-полно клубники и черешни. Вчера я получил пенсию и решил порадовать внуков. Но цены были довольно высокие. И я призадумался: купить или нет?.. Решил, что через три-четыре дня цены упадут, да и ягода лучше созреет.

Торговые ряды с зеленью... О светоч глаз моих, весенняя зелень с её уникальными полезными свойствами! Зелень, дразнящая нос своими ароматами, – источник многих полезностей. Зелёная самса, пельмени с зеленью... всего и не перечислишь (но, если честно, став городским, я позабыл многие названия). К тому же зелень была почти задаром.

В это время зазвонил сотовый телефон. Пока я ставил свои пакеты с зеленью на ступеньку, расстегивал молнию на кармане и вынимал телефон, звонок смолк. Звонил мой одноклассник Мирахмад. Во время учёбы в институте мы жили с ним бок о бок в общежитии в Студенческом городке. Он любит путешествовать. Мотается по горам. Еще в университете, будучи студентом факультета журналистики, он взял академический отпуск, чтобы поработать с геологами на Памире. Если бы не Мирахмад в моей жизни, я бы умер от скуки. Мы с ним видимся каждый день. Пять-шесть раз в день говорим по телефону. У него всегда есть новости. Он мастер рассказывать невиданные и неслыханные истории. С ним никогда не соскучишься. Предлагает периодически съездить на Чарвак или в Бричмуллу. И не отстанет до тех пор, пока не съездим.

– Ты где? Почему не берёшь телефон? – спросил Мирахмад с деланной строгостью, вновь перезвонив.

– Я на Эски Жуве.

– Что делаешь?

– Купил зелень. Попрошу дочек приготовить самсу.

– Здорово. Махам мне уже все уши прожужжала просьбой принести зелень, чтобы приготовить бичанг (так на пайшанбинском диалекте самаркандцев называют самсу с зеленью). Я сейчас подойду. Не уходи.

Знаю я это «сейчас» Мирахмада: минимум полчаса. Хоть и живёт он поблизости от рынка, долго возится, перед тем как выйти из дома. Поэтому я присел на одну из стоявших около фонтана скамеек. Рядом со мной села женщина. С шумом выдохнув, она поставила сумку на скамейку и рукавом отёрла пот со лба. Отдышавшись, оглядела мои покупки и сказала:

– Видно, вам захотелось самсы с зеленью, дядюшка....

– Да, попрошу дочек, – ответил я.

– А почему не супругу? – спросила женщина.

– Она ушла.

– И детей бросила?

– Да.

– Ой-ой-ой! Современные женщины такие, – вздохнув, сказала она. – И давно?

– Да.

– Больше не женились?

– Нет.

– Она была молодой?

– Да, молодой.

– Зачем же вы женились на молодой? У молодых много капризов, большие требования. В нашем кишлаке один старый холостяк долгие годы не женился. А недавно нашёл в городе одну кокетку. Родила одного ребёнка – подарил ей машину. Одарил золотом, бриллиантами. А она потом бросила ребёнка и мужа, забрала машину и, обобрав его до нитки, уехала в город. А когда он поехал за ней, сказала: «Не вернусь к тебе! Ты старый! И взгляды на жизнь у тебя устаревшие. Мне нужен молодой муж, европеизированный». Чтоб она сдохла! Бедный муж после развода сидит дома и растит ребёнка. А эта вертихвостка вышла за другого, чтоб ей пусто было! И у вас небось то же самое.

– Да, примерно так, – невнятно пробормотал я. Я не хотел рассказывать незнакомой женщине о смерти своей жены и беречь душевную рану.

– И где вы её подцепили? Вы, наверное, были проказником. Заморочили голову молодой девушке и поймали её на крючок. Ладно, не обижайтесь. Если она ушла, найдёте себе другую. Видно, что и вы не без греха. Глаза вас выдают. Шаловливость в вас всё ещё осталась.

Слова женщины мне не понравились, и она, по-видимому, заметив это, на некоторое время умолкла. Затем, сочувственно глядя на меня, вновь затараторила:

– Ладно, дядюшка, не переживайте. Чего сейчас много, так это вдов. Вот и у нас в кишлаке целые толпы молодых вдовушек. Они терпеливы ко всему, согласны на всё. Они не похожи на городских. Если захотите, привезу одну и вам. Есть очень красивые!

Я опять промолчал. Женщина уставилась на меня. Я не издавал ни единого звука, и она направила разговор в другое русло: говорила о трудностях жизни, росте цен и ежедневном дорожании доллара. На мой вопрос о том, чем она занимается и где живёт, женщина сообщила, что зовут её Соттихон, живёт в Янгиюле, сидит дома с тремя детьми. А ещё сказала, что её старшая дочь выходит замуж и ей надо справиться приданое. Поэтому она и приехала, чтобы продать свои, подаренные свекровью, золотые украшения. В подтверждение своих слов женщина сунула руку за пазуху и, покопавшись там, извлекла узелок. От него

разило тошнотворным запахом смеси духов и пота. Женщина, кряхтя, развязала узелок. В нём было немало золотых украшений: разные цепочки, серьги и кольца. Соттихон сообщила, что все эти украшения ещё советские, 583 пробы, были подарены ей на следующий день после свадьбы свёкром.

Я посоветовал ей показать эти украшения людям на рынке, занимающимся скупкой золота.

– Я боюсь торговцев золотом. На прошлой неделе Хафиза, дочка нашего соседа, повезла на продажу кольцо. Так один торговец, чтоб он провалился, взял его якобы посмотреть и убежал с ним. Девушка в слезах вернулась домой. В магазине кольцо стоило бы более двух миллионов. Вот почему я боюсь показывать украшения таким людям. Что я буду делать, если они отберут? Это добро для приданого дочери. Покойная свекровь, бывало, говорила: «Это не продавай. Добавишь в приданое дочери». Я продаю из-за безвыходного положения. Надо купить в приданое мебель: спальню, мягкую и для столовой. Если чего-то будет не хватать, будущая свекровь, чтоб ей пусто было, не даст моей дочери житья, – с горечью сказала женщина.

В это время подошёл Мирахмад. Увидев украшения, спросил у женщины:

– Ваши? Продаёте?

Женщина пересказала ему все заново: что она с большими трудностями одна растит троих детей, что страдает хроническим ревматизмом и болезнь прогрессирует, что хочет поскорее пристроить старшую дочь, выдав её замуж. При этом она даже всплакнула.

Мирахмад слушал рассказ женщины, покачивал головой и сочувственно огорчённо охал. Потом стал рассматривать украшения. Посмотрел на пробу. Из своего рюкзака вынул большую лупу и, поднеся её к глазу, стал тщательно изучать. Посмотрел на солнце. Женщина же, не умолкая, продолжала рассказывать о нужде в деньгах: и купить себе лекарства, и приготовить приданое дочери надо, а тем временем лекарства, мебель и предметы домашнего обихода постоянно дорожают. Мирахмад спросил о стоимости обручального кольца. Женщина сказала, что такие кольца в магазине стоят больше миллиона сумов, каждое из них весит не менее 10 граммов, а нынешняя цена за грамм золота более 100 000 сумов, но она готова отдать за полцены. Мирахмад быстрым шагом направился в сторону магазинов в глубине рынка и, быстро вернувшись, прошептал мне:

– Всё правильно. В магазине нет золотых украшений с ценой ниже 140 000 сумов за грамм.

Потом взял у женщины обручальное кольцо и стал его исследовать. Прикинул на вес. Попробовал кольцо на зуб, на что женщина, явно обиженная такими действиями Мирахмада, сказала:

– Кусайте потише. Золото мягкое. Чтобы на нём не осталось следов от ваших зубов.

– Ой, ну что вы такое говорите? Я знаю, как с ним обращаться и что такое чистое золото. С первого взгляда определяю, какое золото со времён царя Николая, а какое – золото Бухары, – не преминул парировать Мирахмад.

Затем он взял второе обручальное кольцо и проделал с ним те же манипуляции.

– Зачем ты положил кольцо в рот? – спросил я, вспомнив, как в нос ударил отвратительный запах тряпицы, в которую были завернуты украшения.

– У золота своеобразный вкус. Это знают не все, – снисходительно, с видом знатока улыбнулся Мирахмад.

– Я, признаюсь, до сих пор ничего подобного не слышал, – сказал я.

– Да и откуда ты мог это знать? Я несколько лет искал золото на Памире. У меня опыт.

– Дядюшка действительно разбирается в золоте. Цену золота знает ювелир, – комплиментом поддержала его женщина. – Действительно, у золота есть запах и вкус. Вот почему там, где есть золото, обязательно есть змеи. Слышали об этом? Я хранила эти золотые украшения в сундуке. Когда я стала их вынимать, из сундука показалась змея. Видно, охраняла их. Золото-то чистое. Вот поэтому и приползла змея.

– И что вы потом сделали? – испуганно спросил я (уж очень боюсь змей!).

– Сын принёс лежащую у тандыра рукавицу, поймал змею и выбросил её на улицу.

– А ваш сын не испугался?

– А чего бояться змей? Они ведь тоже живые существа. Если змею не тронешь, и она тебя не тронет, – сказал Мирахмад, сплюнув в сторону. – Когда мы были на Памире, спали среди змей. На месте ночлега змеи ползали и над нами, и под нами. А иногда заползали и под одеяло. И мы, схватив за хвост, выбрасывали их наружу... – Сколько просите за оба? – решился наконец Мирахмад.

Соттихон вновь заговорила об острой нужде в деньгах и сказала, что готова отдать оба кольца за полцены, то есть за полтора миллиона сумов. Мирахмад, глядя на женщину в упор, приказным тоном заявил:

– Отдадите за миллион сумов! Разговор окончен!

Женщина ненадолго задумалась и огорчённо произнесла:

– Очень уж дёшево. Ладно, я согласна. Сейчас мне очень нужны деньги!

Мирахмад спешно пошёл домой за деньгами, дав мне поручение:

– Стой здесь, чтобы она не ушла.

Вернулся он столь же быстро, сколь поспешно удалился, и сообщил, что принёс накопленные женой на женитьбу сына Мухаммада деньги. Он выторговал у женщины ещё серьги и цепочку за миллион. Вручив Соттихон ровно два миллиона сумов, стал советовать мне:

– Возьми что-нибудь своим дочерям. Дешевле этого нигде не найдёшь. Цена золота постоянно растёт.

Вняв словам Мирахмада, я выбрал большой перстень с красным камнем и цепочку. Соттихон сообщила, что стоит это будет полтора миллиона. Мирахмад стал осматривать перстень и пришёл к заключению, что рубин в нём настоящий, что сейчас такие перстни не изготавливают, сделано это в советское время. А Соттихон добавила, что эти золотые украшения достались свекрови от её матери, которая в своё время работала заведующей ювелирным магазином и тогда-то и накопила золотых изделий. Мирахмад попросил снизить цену за кольцо и цепочку. Женщина ласковыми словами стала хвалить нашу порядочность и доброту. Сказала, что мы понравились ей, и поэтому она отдаст кольцо и цепочку за миллион двести, однако не уступит больше ни копейки. Я пересчитал имеющиеся в кармане деньги, которых оказалось девятьсот тысяч.

– Денег не хватает, – сказал я. Почему-то сердце у меня не лежало к этой покупке.

Соттихон забрала у меня из рук кольцо и цепочку:

– Дядя, не обижайтесь. За такие деньги я не могу отдать.

Я слегка напрягся. Про себя подумал, что всё к лучшему. Однако, по видимому смягчившись, женщина изменила своё решение:

– Вы в почтенном возрасте. Думаю, что вы не обманете меня. Не хочется вас обижать. Остальные деньги принесите завтра. Завтра в это же время жду вас здесь. Ведь вы не обманете, верно? Я поверила вам...

Она отдала мне украшения, за считанные секунды пересчитала мои девятьсот тысяч сумов и вновь повторила, что завтра в это же время я должен быть

у фонтана. Затем завернула оставшиеся украшения в платочек и сунула их за пазуху. Уходя, она оглянулась, ласково помахала рукой, озорно улыбнулась, попросила без опоздания принести завтра деньги и пообещала привести с собой красивую вдовушку, которая мне непременно понравится. А потом расхохоталась:

– Эх, дядюшка, а вы баловник! Понравились вам мои слова. Знаю, вам нравятся молодые. И сами вы ещё энергичны! Вам нужна женщина молодая, проказница!

Теперь она вовсе не походила на недавно горько плакавшую женщину. Торопливо повесив сумку на плечо, она стремглав помчалась по направлению к метро. Меня удивило, что женщина, плакавшая по поводу больных ног, резво мчится почти вприпрыжку.

Мирахмад взял у меня из рук кольцо и цепочку и ещё раз осмотрел их.

– Дёшево купил. Очень дёшево... – сказал он, по-своему расценив моё молчание. – Почему ты не в духе? Радуйся. Задёшево купил такие кольцо и цепочку. Твои дочери будут очень рады.

– Значит, золото настоящее? – спросил я, всё ещё сомневаясь в глубине души.

– Что ты такое говоришь? – возмутился Мирахмад. – Самое настоящее!

– Конечно хорошо, что это золото. Но тогда почему она продала его так дёшево?..

Мирахмад, как знаток золота, ещё раз заверил его подлинность, заметив, что женщина, пережившая столько жизненных невзгод, не станет обманывать.

– Женщина простодушная и откровенная. Ты же видел, как она плакала! Одной растить троих детей очень непросто. Золото досталось ей от свекрови. Зачем бы она стала вмешивать сюда покойную свекровь и брать грех на душу? – сказал он сердито.

– А мне она не показалась такой уж простушкой, – сказал я, вспомнив последние слова Соттихон.

– Ты же мент! Поэтому ты всех подозреваешь, – сказал Мирахмад.

После его слов я немного успокоился. По дороге домой я думал о том, как обрадуются украшениям мои дочери.

Дверь открыла младшая и, взглянув мне в лицо, спросила:

– Папа, сегодня вы такой радостный! В чём дело?

– Сюрприз! – ответил я.

– Какой сюрприз, папочка?

– Готовь чай. Сейчас увидишь.

Дочка убежала на кухню. Я вынул из кармана украшения и ещё раз стал их разглядывать. Помня, что золото имеет свой вкус и запах, я положил его в рот и попробовал. Почувствовал какой-то солёный привкус. Когда я понюхал украшения, в нос ударил отвратительный запах платочка Соттихон. Тут вошла дочь с заваренным чаем.

– Теперь, папа, покажите сюрприз. Сгораю от нетерпения, – взволнованно сказала она.

– Золото! А камень – настоящий рубин! – вынув кольцо из кармана, гордо сказал я.

Дочь была вне себя от радости. Обняла, поцеловала меня:

– Откуда? За сколько купили?

Я рассказал о совместной с Мирахмадом покупке у Соттихон, вынужденной из-за крайней нужды в деньгах продать украшения почти за бесценок. Потом я подарил цепочку старшей дочери. Обе дочки бабочками кружились вокруг меня. Они быстро помыли зелень и приступили к приготовлению самсы. Видя их неподдельную радость, я был очень доволен собой. Ближе к вечеру я сел перед телевизором, и тут зазвонил телефон...

- Чтоб ты сдох со своим базаром! – закричал в трубку Мирахмад.
Я испугался. Он снова завопил:
– Чтоб ты провалился со своим базаром!
– Да что случилось? – недоумевал я.
– Откуда эта женщина? Ты её вообще знаешь? Завтра же найдёшь мне её!
Хоть из-под земли достань! – разъярённо вопил он.
– Я её не знаю. Познакомился с ней на базаре за полчаса до тебя. Она показывала украшения, когда ты подошёл. Что случилось? – спросил я.
– Беда случилась! Кольца поддельные! – сказал он.
– Что ты такое говоришь? Как поддельные? – ахнул я.
Всё внутри у меня оборвалось. Плакали мои пенсионные денежки – девятьсот тысяч сумов! Что мне теперь делать весь месяц?
– Ты же сам говорил, что разбираешься в золоте! Клад в рот, пробовал на вкус... И меня заставил купить! А теперь хочешь сделать меня виноватым?
– Если бы ты не пошёл на рынок, ничего этого не было бы. Это были накопленные женой деньги на свадьбу сыну. Узнав, что украшения фальшивые, она аж заболела. Дочери, слышавшие мой разговор с Мирахмадом, явно приуныли.
– Отец, и на какую сумму вы попали? – спросила старшая дочь.
– На девятьсот тысяч сумов, – ответил я, готовый разрыдаться.
– Папа, да что с вами? Вечно вы во что-нибудь вляпаетесь! – сказала младшая.
– Ну все, хватит. Хватит нервировать его по пустякам, – упрекнула сестрёнку старшая дочь. Потом стала утешать меня: – Ладно, папа, не переживайте. Значит, не суждены были вам эти деньги. Вот вчера на базаре мы приглядели для вас куртку, сколько я уговаривала вас купить её! Вы не согласились, считая, что пятьсот тысяч сумов – слишком высокая цена. Купили бы её – ничего этого не случилось бы. – Ладно, папа, не переживайте. Со следующей пенсии обязательно купим вам куртку. Скоро будет готова самса, давайте полакомимся ею, идёмте, – поставила дочь точку в неприятном разговоре.
В это время, шумно ввалились вернувшиеся из детского сада внучата. Обступили меня и загладели хором:
– Дедуля, что вы нам принесли? Вы же обещали с пенсии купить мно-о-го шоколада!
Я горестно размышлял: «Какой же я глупец! Не лучше ли было купить на рынке два килограмма клубники и два килограмма черешни? Или даже если бы купил пару “Сникерсов”, было бы что дать им в руки!»
– Как вам не совестно каждый день просить что-нибудь у бабушки? Лучше бы вместо этого сказали: «Здравствуйте, бабуля! Всё ли у вас в порядке?» – сделала дочь замечание своему сыну.
В этот момент почему-то перед моими глазами предстала расплывшаяся в оскале издевательской улыбки уходящая Соттихон, и я невольно вздрогнул.
– Хватит, папа, не думайте об этом. Самса остынет. Идёмте кушать.

Перевод с узбекского Галины РАХМАТУЛЛАЕВОЙ.

Галина РАХМАТУЛЛАЕВА. Кандидат исторических наук, доцент кафедры узбекского и русского языков УМЭД. Автор ряда учебников, учебных пособий для школ, лицеев и вузов, научных и публицистических статей, стихотворений и рассказов. Член-корреспондент АПЧН (Москва).

Совершенно секретно

ЕЛЕНА ЮРЧЕНКО

* * *

отраженье вершин в водопаде из слов.
отражение света в тьме рассеянных мечт.
отражение жизни в немыслимых танцах дорог.
отраженье значений надуманных встреч.
отражение мысли в растекшихся каплях ума.
отражение смерти в глазах чьих-то, душу открывших.

отражение – жизнь.
отражение – смерть.
отражение... лишь отраженье...

* * *

А может, мы будем искать вдохновенье,
в красивых словах исправляя ошибки,
в пустых обещаньях затейливых смыслов,
сжигая все мысли, терзаясь в сомненьях...

оставив надежду на кучке из пепла...

* * *

Ночь. Словно в мутном тумане, июль
растворился в затхлости дней.
Может, кто-то подскажет нам путь
в обезличенных бликах людей...

Елена ЮРЧЕНКО. Родилась в Ангрене в 1984 г. Окончила факультет иностранных языков (русский язык и литература) ТОГПИ. Автор рассказов и стихотворений. Публиковалась в журнале «Звезда Востока».

* * *

И изо дня в день
 поднимаясь с постели
не с тем и не с той,
 отражаясь отдельно,
мы мчимся куда-то –
 и снова не с теми,
врываясь обратно
 в пустое безвременье.

Взорвалось вдруг что-то!
 И кажется, будто
распалось на тысячи
 ярких минуток!
Влетело... разбилось...
 Отправилось дальше...
Оставив лишь след...
 на кусочке из фальши.

* * *

ты рядом,
я слышу
дыханье твое.
ты воздух,
ставший вдруг ядовитым.
ты иней,
застывший на мне кромкой льда.
ты рядом,
ты дышишь,
я знаю –
я слышу...
ты память,
ты мысли,
ты солнце,
ты искры.
свободный, красивый,
ты стал мне чужим.

* * *

Ты – мишень.
Ты, как сон без конца и начала.
Ты – реальность.
Ты – плен.
Ты – музыка.
Ты – тишина.
Тебя просто нет.

* * *

Как осень, яркий шарф надев,
бегу к тебе навстречу.
Как дождь, стекая по стеклу,
стремлюсь упасть на плечи.
Как легкий снег, срываясь вниз,
растаю на ресницах...
Но в этот миг я вдруг проснусь...
Поняв, что просто снился.

ноябрь

Стук дождя за окном,
полумрак, полутень,
серый плащ под зонтом,
тихий шепот ветвей,
мокрый ветер в лицо –
не спасет теплый шарф...
Осень пишет дождем:
«Расставаться пора».

* * *

Просто пить кофе из чашки,
фарфоровой или обычной.
Просто кофе... не сладкий –
сладкая горечь не в тему.
Кофе... ему не важно,
кто ты, из какого ты мира.
Кофе не спросит,
зачем ты сделал то или это.
Молчит.
Он все понимает.
А горечь теряется
в танце вкуса и аромата...

* * *

Рассветы встречая, закаты,
весь мир в полумраке теней
провождает случайные даты;
в порывах ветров и страстей
танцует на бликах усталых
в полуденных солнца лучах,
растворяясь в потоках печалей,
гроздьями висящих на плечах.

* * *

Весь мир, как полотно забытого маэстро,
теряется в пространственных скитаньях.
И мчатся по безликим перекресткам
бесцветные пустые обещанья.

Расплавленные бледным солнцем лица
терзаются в печалях и сомнениях.
И блекнет серый дождь на каменных страницах,
растаявший асфальт стекает между фраз.

Лишь желтая листва, забыв о главном,
падая ниц и вдруг взмывая вверх,
на мутном горизонте в очертаньях
расплавленных зеркал...
подскажет,

где искать ответ.

* * *

* * *

В смыслах потерянных мыслей,
в мыслях потерянных фраз
дикости смыслов повисли
в яркости мыслей страз...

разности очертаний
в разности скомканных слов –
праздные разности знаний
разных пустых основ...

верные капли крови
в верности верной строфы
неверными точками строят
неверную верность любви...

Понедельники, вторники, среды –
все летит в бесконечности дней,
заплетаются в мелкие дреды,
растворяясь в потоке людей...

Расписавшись сомнения кляксой,
растерявшись в безумстве идей,
растекаешься в мысленных стансах,
повторяя все громче: «Не смей!»

И плывешь походкой несмелой
в полуобразе вполоборота,
боязливо касаешься нерва
своей маленькой полудуши...

* * *

А может, мы коснемся воздуха...
кончиками пальцев встретим рассвет...
растворимся капельками в облаке...
превратимся в радугу...

Но нас там нет!..

ДВА ПОЛЮСА СИМФОНИИ...

(Приглашение к дискуссии)

Татьяна ОСИНА

ИСПЫТАНИЕ ЧИСТИЛИЩЕМ

Душа трудится и развивается только тогда, когда есть достаточное количество художественных впечатлений. Таким, бесспорно, ярким художественным событием для всех любителей искусства Ташкента стала премьера спектакля «Симфония... ну что, начнем?» по мотивам пьесы современного украинского драматурга Виктора Понизова «Аз Есмь Тварь», состоявшаяся 8-9 сентября 2018 года в театре Марка Вайля «Ильхом». Этот совместный проект Лаборатории Артема Кима, театра «Ильхом» и ансамбля «Омнибус» был осуществлен при поддержке Швейцарского Бюро по сотрудничеству и развитию при Посольстве Швейцарии в Узбекистане. Создатели спектакля: инсценировка и авторские тексты Бориса Гафурова и Глеба Голендера; режиссеры-постановщики – Борис Гафуров, Глеб Голендер, Анвар Абдуллаев, Артем Ким; композиторы – Артем Ким, Санжар Нафиков; хореограф – Мария Тихомолова; художник по костюмам – Глеб Голендер; художники по свету – Илья Ратанов и Лев Лесин.

Новый спектакль, – а это современная рок-опера, – привлек зрителя своей очевидной оригинальностью и креативностью. На новом витке и в новом жанре он продолжает и развивает тему, которая не раз «звучала» в спектаклях «Ильхома» последних лет: «Дождь за стеной», «Аэропорт», «Жестяной барабан», «Замок», «Собачье сердце» – спектакли острой социальной направленности. Зрителю может показаться (но только на первый взгляд), что перед ним еще одно воплощение «эстетики отрицательного», – так сегодня обозначают присутствие на сцене бомжей, проституток, пьяниц, наркоманов, убийц и всевозможных других героев-грешников Горького «На дне». На самом деле, пьеса украинского драматурга В. Понизова, положенная в основу новой провокационной постановки театра «Ильхом», продолжает традиции великой русской литературы и русского театра (Гоголя, Горького), которые всегда были проникнуты любовью к человеку, состраданием и болью за него. Так было в прошлом, так происходит

Татьяна ОСИНА. Кандидат философских наук, доцент. Родилась в Ташкенте. Окончила Ташкентскую государственную консерваторию. Публиковалась в периодических изданиях Узбекистана, в сборниках научных трудов.

и сегодня в лучших произведениях современной драматургии, ибо современному зрителю, особенно молодому, по-прежнему, как и 100 лет назад, важно давать надежду, показывая «зеленый росток, пробивающийся сквозь асфальт». Сегодня как никогда сложно молодым приходится выбирать между моральными ценностями, установками, которыми жили их отцы, и приноравливаться к параметрам счастья, диктуемым современной буржуазной моралью.

Кардинально изменилась сама жизнь, изменилась сама суть конкуренции за выход в счастливый финал. Стремление войти в новую элиту, потребительский психоз, охвативший массы, привели к девальвации культурных ценностей в пользу легкого развлекательства, размываются нравственные и духовные основы человека, поэтому современный театр испытывает глубокую потребность говорить о Смысле, о Серьезном, избирая для этого эстетически яркую, эффектную, театрализованную форму-упаковку, как в новом спектакле «Ильхома» «Симфония»: герои-грешники и подонки проходят через серьезное саморазоблачение и очищение, а зритель вместе с «серьезом» получает великолепное «дьявольское шоу» – праздник для уха и глаза, синтез искусств (рок-опера), красочный визуальный ряд, изобилие красного, черного, белого цветов с их очевидным символическим подтекстом, всевозможные превращения и обманки.

Такая атмосфера возникает уже в начале спектакля. Все пространство сцены «заливает» красно-пурпурный занавес, на его фоне блещут красными же фрачными пиджаками ведущие, напоминающие опереточных персонажей, зазывающих публику в зал. Зрители уютно располагаются в креслах, настраиваются на определенный лад: судя по атмосфере, разлитой в зале, их ждет цирковое шоу, «новый аттракцион». Но открывается занавес и (как удар электрошоком) они оказываются на суде в чистилище. На середину сцены сбрасывается кукла-тело, или душа главного грешника... и начинается серьезный разговор о злободневном и вечном: «Зачем человек живет?», «человек – тварь дрожащая, исчадие ада?» или «Человек – это звучит гордо?». Оказывается, что человеческое никому не чуждо, оно присуще даже самым отъявленным подонкам – несчастным людям, проживавшим жизнь во тьме, но способным оказать друг другу поддержку и проявить сочувствие в моменты трагического отчаяния и горестного прозрения, осознания того, что натворил человек со своей жизнью, с жизнью близких, родных и незнакомых людей.

Вот и герой – главный грешник «Симфонии», – начав с безобидного проступка в трехлетнем возрасте, пройдя через всевозможные возрастные злодейские прегрешения, заканчивает свою мирскую жизнь откровенно преступной деятельностью. Согласно средневековым представлениям, накопленная концентрация зла – настоящая «энциклопедия грехов» – обеспечивает ему прямую дорогу в Ад, на муки вечные, но наш Плохой по воле драматурга и театра попадает на Суд в чистилище, где, пройдя через самобичевание и раскаяние, которые страшнее адских мук, обретает некоторую надежду на спасение. Другими словами, герой проходит определенный путь самоочищения: примитивный, развязный, не испытывающий никаких моральных терзаний и колебаний, он постепенно прозревает, осознает содеянное и испытывает искренний стыд и раскаяние в процессе проведенного судебного разбирательства.

Сам суд – это, несомненно, композиционная и содержательная основа пьесы и спектакля. Четко определяются две главные позиции: Судья – «Хороший» – в черном костюме и маске средневекового инквизитора со средневеково-лихими же методами в арсенале (секаторами, дрелями и прочими орудиями пыток) и Подсудимый – он же «Плохой» – в белом, ответчик и грешник. Суд на глазах

у зрителя превращается в настоящее ристалище-поединок, не уступающий по накалу страстей знаменитым психологическим дуэлям Ф. М. Достоевского: Порфирий Петрович – Родион Раскольников (в киноверсии «Преступления и наказания» И. Смоктуновский – Г. Тараторкин). В нашем случае – это замечательный дуэт Борис Гафуров – Глеб Голендер. Любимые ученики Марка Вайля 1-ой Студии «Ильхома», не раз встречающиеся в партнёрском взаимодействии, познавшие суть ансамблевой игры еще в юности, а сегодня – несомненные обладатели зрелого актерского мастерства, они с блеском осуществляют на сцене задуманные драматургом В. Понизовым всевозможные обманки, переходы и превращения – добро-зло, зло-добро, черное-белое, ад-рай, небеса-ад, суд-кабацкая вакханалия, суд-тюрьма, дьявол-ангел, судья-грешник, грешник-судья. Одно из самых таких неожиданных и ярких превращений – удивительно пронзительный, саморазоблачающий финальный монолог судьи-грешника Бориса Гафурова, воплотившего в своем образе в одном лице всех «скупых рыцарей» мировой литературы – Плюшкина, Головлева, провинциального Гобсека.

Новый спектакль «Симфония... ну что, начнем?», открывший 43 театральный сезон «Ильхома», вызвал бурю эмоций у зрителя и позволил поклонникам этого театра в очередной раз по достоинству оценить мощный созидательный дух этого замечательного творческого коллектива.

СИМФОНИЯ?..

Алла ПОПОВА

*Театр, зритель, бис,
Восторг и восхищенье!
Гримёрная, фойе, артист.
Души усталой возрожденье.*

*Вступает музыка любя,
Лаская нежно слух,
Артист играет для тебя,
Витает счастья дух.*

*Ты здесь откроешь для себя
Любовь и восхищенье.
Сияет сцена для тебя,
Она – твоё спасенье.*

Алла ПОПОВА. Родилась в 1951 г. в Кумышкане. Окончила библиотечный факультет ТашГИК (ныне ГИИКУз). Работала библиотекарем. Автор поэтических сборников «Природы я частица», «Осенняя пастораль», «Востока теплое дыханье...», «Жил когда-то Насреддин...».

За что мы любим театр? За то, что он дарит нам ощущение причастности к происходящему, осознание счастья бытия во всем его многоцветии, слезы радости и горя, будит сострадание к ближнему, а главное – заставляет задуматься над тем, что происходит вокруг и какую роль играем мы в этом, да и вообще – «кто мы?». Зачастую преподносит жизненный урок, подталкивает к выбору. Быть или не быть? Любить или уйти? Простить или наказать? Замкнуться в себе или открыть душу миру, начать жить, дерзать, вопреки всему творить, страдать, дарить кому-то любовь и счастье. Именно в этом, на мой взгляд, и заключается концепция и философия театра, его назначение.

И вдруг в спектакле «Симфония... ну что, начнем?», поставленном по мотивам пьесы украинского драматурга Виктора Понизова «Аз Есмь Тварь», его авторы решили почему-то, что единственно возможным способом донести до зрителя авторское видение мира и грешной сути человеческой – это громогласная, ничего не выражающая музыка, которая совершенно заглушает актерские монологи, оглушает зрителя музыкальными взрывами такой силы, что минут на пять становишься совершенно ватным, не понимая, что происходит, ничего не слыша. Потом для пушей доходчивости глаза зрителя ослепляют ярким светом прожекторов, так что на 5–7 минут он и не видит совершенно происходящего на сцене. Чтoб не удалось ему сразу прийти в себя, многострадальному, вдобавок ко всему на протяжении всего спектакля в глаза ему летят пыль и песок, да еще и дымок в придачу душит.

Актерский состав – изумительный. В спектакле, в котором почти нет действия, именно два рассуждающих героя держат зрителя в напряжении и заставляют думать и сопереживать. Но, когда главный герой выразительным жестом показал член и зазвучали матерные слова, как я поняла, для того, чтобы молодежь не забыла, что русский мат еще жив (иначе не объяснишь), я снова несколько потерялась, и опять свет прожекторов в глаза!.. взрывы!.. пыль!.. песок!..

Я не пытаюсь сравнивать «Симфонию...» со спектаклем по пьесе М. Горького «На дне», хотя вроде и прослеживается какая-то тематическая традиция. Но там все страдания и унижения человеческой личности, вся человеческая грязь подаются без мата, пыли и унижения зрителя.

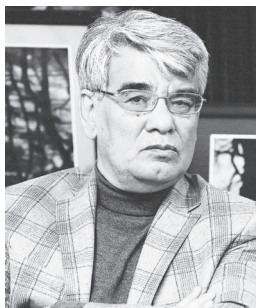
После этого спектакля домой я возвращалась пешком через весь город, пытаясь избавиться от гнетущего чувства какой-то нравственной растоптанности. Почему меня, зрителя, так унизили матом, светом прожекторов, оглушающими звуками? Неужели без этого не поняла бы я того, что хотели сказать спектаклем?.. Не так-то уж все сложно: детские грешки, через которые прошли, пожалуй, все и которые толкуются достаточно подробно, и серьезные взрослые преступления, о которых упомянуто лишь вскользь и которые далеко не всегда становятся результатом детских прегрешений, вернее, далеко не каждый жестокий шалун, истязающий лягушку, становится злодеем пожизненно.

Я не думаю, что этот спектакль может сделать человека чище, лучше, мудрее, вызвать святое чувство катарсиса.

Только безупречная сценическая игра главных героев (Глеба Голендера и Бориса Гафурова) их умение сосредоточить внимание зрителя, их человеческое и актерское обаяние не позволили спектаклю развалиться на глазах у зрителя. А современное жанровое определение – «рок-опера» – вовсе не спасает, а обязывает...

Рок-опера «Юнона и Авось» по мотивам поэмы Вознесенского (композитор – А. Рыбников, постановка и режиссура – М. Захаров) высекает слезы у зрителя совсем не песком и прожекторами...

«Случайный зритель»

ОФИСНАЯ ВЫСТАВКА

Рассказ

Усман АЗИМ

Асрор Валиевич – человек дела: из тех, кто трудится на совесть, с душой, не оставляя сегодняшнюю работу на завтра. Он крепко держит в руках клубки проблем, связанные с ведомством, умело и своевременно раскручивает их, зорко наблюдая за процессом до полного и окончательного его завершения. Он, как запрограммированная машина, работает четко, без усталости. Всё помнит, всё знает, всё контролирует. Голова, как компьютер, в любой момент точно выдаст любую цифру, продиктует нужный текст. Ну-ка, сколько там составляла посевная площадь в стране в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году? Асрор Валиевич закинет голову назад и, бурявая взглядом потолок, четко произнесёт: «Один... миллион...» Когда запустили такой-то завод? Он опять обратит взор к потолку: «В тысяча...» Что там было сказано тем-то на таком-то совещании? Он опять глянет вверх: «Та-ак, пишите... "Мы всегда ставим благо народа выше своих интересов..."» Кто плохо знал его, бывало, бросит подозрительный взгляд на потолок – уж не скрыто ли там что-нибудь вроде табло. Некоторые сверяли его данные со справочником: удивлялись – надо же, ни единой ошибки! Все, как выдано Асрором Валиевичем, – и в цифрах, и в цитатах!

Говорят, Асрор Валиевич мог бы без особых усилий вполне заслуженно занять кресло руководителя рангом выше. Но человеку, с головой погруженному в работу, недосуг помышлять о карьере. Впрочем, его и так почему-то все опасаются, а вышестоящее начальство – уважает. Даже сегодня, когда в ведомствах беспардонное обращение с подчиненными становится образцом трудового рвения, на него никто не смеет не то чтоб голос повысить, даже взглянуть косо.

Сам же он с подчиненными держится ровно: не повышая тона, соблюдая во взаимоотношениях определенную дистанцию: никого не приближая к себе излишне и чересчур не отдаляя от себя. Тут тоже действует, руководствуясь простыми принципами. Выполнил свое дело – молодец! Запорол? Попробуй еще раз. Не получается? Ну что ж, дружище, придется нам с тобой расстаться, ищи работу в другом месте. И никакой заступник тут не поможет. Потому как ничего, кроме профессионализма в работе, он не признаёт – авторитеты здесь бессильны. Сотрудничать с ним особенно тяжело льстецам: эти, продвинувшиеся в угодничестве лица, попав на работу, пытаются своим сладкоречием пролезть за теплую пазуху Асрора Валиевича. Но, не пробравшись к теплой пазухе «уважаемого акахана», пребывают некоторое время в полном замешательстве, затем со свойственной

Усман АЗИМ. Народный поэт Узбекистана, лауреат премии Маяковского. Поэт, прозаик, драматург, киносценарист. Родился в 1950 г. Автор более двадцати книг, множества пьес и киносценариев.

им предприимчивостью принимаются искать подходящее им более широкое поле деятельности – переходят на службу в другое ведомство.

У Асрора Валиевича необыкновенный талант в выборе цветовой палитры. Он видит многообразие гамм и разноцветье полутонов, вплоть до десятков и тысячных долей тонов. При контрольной проверке образцов тканей может сделать короткое, но едкое замечание типа: «это не тот зеленый, о котором мы с вами договаривались» или «здесь предусматривался пурпур», либо «голубой не бывает такого тона». Опытные специалисты принимают его замечания без излишних рассуждений как приговор судьбы, так как внутренне давно смирились с тем, что авторитет Асрора Валиевича в этой области непререкаем, ему нет равных. Они лишь с полуулыбкой обмениваются взглядами и в знак согласия удовлетворенно кивают друг другу головой, мол, несомненно, он прав. Бывает, кто-нибудь из новеньких, засомневавшись в его суждениях, торопится сослаться на образец оригинала. В таких случаях Асрор Валиевич не возражает, а бросает на правдоискателя, как на слепого, сочувственный взгляд и велит позвать Ван Гога.

Ван Гог – признанный чудака учреждения. По характеристике Шодмонбекова, «редкий, но качественный субъект». Настоящее имя этого неразговорчивого, замкнутого, вечно обросшего, неряшливо одетого молодого человека Бокибек. Никто не знает, на какой он должности и чем конкретно занимается. Но и сидящим без дела его никто не видит. Он то пишет плакаты, то раскрашивает баннер, то занимается компьютерной графикой... Дизайн всех кабинетов ведомства тоже дело рук Ван Гога. Всякий посторонний, заходя по делу в кабинеты офиса, сначала удивленно оглядывается по сторонам и, забыв на мгновение, зачем пришел, восхищенно произносит: «Ничего себе... здорово!» Некоторые посетители, чтобы так же украсить свой кабинет или собственный дом, бывало, даже пытались «арендовать» Бокибека. На что мастер на все руки, смущенно опустив глаза, внимательно выслушивал лестное предложение, но не шел. Даже тогда, когда не привыкшие к отказу «акаханы» при деньгах предлагали очень солидные вознаграждения, Бокибек лишь пожимал плечами и молча удалялся, не слыша, как вслед ему говорил со вздохом один из тех, кто не привык к отказам, но повидал мир: «Оставьте этого малого – упертый чудака. Деньги ему не интересны. Такую сумму ему предлагают, а у него хоть бы глаза загорелись!..»

Иногда Бокибек четыре-пять дней не появляется на работе. «Запил», – вздыхают те, кто сомневается в совершенстве брэнного мира; те же, кто еще верит в чудеса, пророчески произносят: «Картину пишет». В такие дни больше всего переживает начальник отдела кадров Муяссар Кадыровна, у которой бледнеет лицо, насупливаются брови, а недовольно сжатые тонкие губы становятся еще тоньше. Она выглядит воинственной вдовой, готовой к отмщению за погибшего в неравной схватке мужа. В такие дни всем, кто попадает к ней на глаза в коридоре, она недовольно бурчит, что в учреждении нет никакого порядка, что во времена Сталина подобных негодяев бросали в тюрьму, о чем она собственными ушами слышала по телевизору. А у нас вон что происходит!..

Те, кому скучно, оттого что в учреждении не происходит ничего «интересного», намекают Муяссар Кадыровне чиркнуть рапорт и занести генеральному, ведь Бокибек не ангел небесный. Очевидно, представив себе Бокибека в облике ангела с крыльями, Муяссар Кадыровна отчаянно отмахивается от советчика и, переполненная гневом, решительными шагами направляется в свой кабинет. В такие минуты ее бледное лицо становится синюшным: будь оно проклято это учреждение и этот Ван... как его там? Мерзавец! Да разве она не заходила с рапортом к главному? Заходила. И не раз... Асрор Валиевич, прочитав рапорт, прямо у нее на глазах рвал его на мелкие кусочки и выбрасывал в мусорную корзину! Бедная Муяссар Кадыровна, сочтя происходящее недоразумением, напоминала, что речь идет о злостном нарушителе трудовой дисциплины Бокибеке, который беспричинно вот уже три дня не появляется на работе.

– В чем дело? – Асрор Валиевич хоть и произносил эти слова со свойственным ему спокойствием без особого ударения на каком-нибудь слове, все же в тоне его чувствовались нотки неприязни к ней.

Но разве Муяссар Кадыровну, всем сердцем ратующую за порядок, примешь этим! «Да этот Бокибек... Нормурадов... как там его еще называют... Ван Гог, что ли... Этот алкаш вот уже три дня...» Но, смущенная еле заметной насмешливой улыбкой, игравшей на губах руководителя, запутавшись в словах, растерянно замолкала на полуслове, так и не закончив свою речь.

– К вам есть одна просьба, – произносил спокойно Асрор Валиевич.

Муяссар Кадыровна тут же с готовностью хваталась за карандаш и, приготовившись писать, раскрывала блокнот.

– Так вот!.. Впредь с жалобами на Бокибека Нормурадова не заходите ко мне.

– Но почему?.. Ведь...

– Не вмешивайтесь в то, чего вы не понимаете...

Она не понимает этого алкаша?!

– Не понимаете. Идите. Займитесь своим делом. И еще! Прекратите слежку за сотрудниками. Здесь вам не ЦРУ, а мирное учреждение. Люди должны свободно передвигаться и спокойно работать...

Муяссар Кадыровна вышла тогда от главного оскорбленной. Но еще больше ее задевало то, что такие же языкастые, как этот Шодмонбеков, дали ей кличку ЦРУ, о чем она догадалась сама, услышав невзначай это слово, произнесенное кем-то как бы безадресно. Неужели они не знают, откуда такое усердие у Муяссар Кадыровны? Знают. Зная, зубоскалят. Муяссар Кадыровна, в жизни не прочитавшая ни одной книги, вспомнила опять виденное по телевизору – сталинские времена.

Но вот в кабинет входит, ни с кем не здороваясь, вызванный Асрором Валиевичем Ван Гог. После кивка главного, бросает взгляд сначала на образец оригинала, а затем на товар, вызвавший недовольство начальства, Ван Гог отрицательно качает головой. Этот жест – его категоричный приговор. Асрор Валиевич учиняет Ван Гогу допрос:

– И что же там произошло?

– Это...

– Что это?

– Это не тот голубой, что в оригинале.

– Почему? Технология нарушена?

– Нет.

– Тогда что?

– На краске сэкономили.

Генеральный отпускает Бокибека и поворачивается к посмевавшему с ним спорить правдолюбцу:

– Слышал, что он сказал? На краске, говорит, сэкономили. Воровство, проще говоря!..

Оппонент пытается что-то возразить. Но Асрор Валиевич, впери в него свой леденящий, как зимняя стужа, взгляд, заставляет его замолкнуть на полуслове. Затем абсолютно спокойно, совершенно без эмоций, тоном запрограммированной машины произносит:

– Либо вы специалист из другой области, либо не умеете работать, либо мошенник, либо игрушка в руках мошенников! Прошу завтра в десять утра доложить мне, какое из моих предположений вам подходит... А теперь переходим к очередному вопросу...

В этом офисе, где осуществляется руководство разветвленным по всей стране производством, работы бывает более чем достаточно, и весьма непростой. Каждый сотрудник ошущает груз ответственности. Здесь даже время, соответствуя

графику, как-то уплотняется. Постоянное напряжение, диктуемое конкретностью заданий, зарождаюсь здесь, подобно пламени, хоть и рвется наружу, заставляя ра- деть тех, кто на производстве, тем не менее ответственность за реализацию про- ектов напрягает в первую очередь работников офиса. И тогда серое однообразие будней скрашивает Ван Гог.

* * *

Люди, пришедшие утром на работу, ощущают вдруг некую новизну. На стенах развешаны картины... Красочные, разнообразные картины! Все вдруг чувствуют, что картины, как чудеса ирреального мира, распространяют вокруг еле заметные зага- дочные блики. Никто из сотрудников почему-то не торопится, как всегда, быстренько юркнуть в свой кабинет. Их задерживает в фойе чарующая сила, исходящая от них. Все начинают внимательно рассматривать полотна. «Как здорово!» – звучит неволь- ное восхищение кого-то, кто-то вслух начинает сожалеть о том, что не находит време- ни для посещения музеев, кто-то свой восторг выражает молча, покачивая головой. «Ой!» – раздается радостный возглас юной Жасмины, вошедшей в фойе. Девушка не так давно после колледжа поступила на работу секретарем. Джура Алимович, пере- ступив порог пенсионного возраста и с боязнью дожидаящийся проводов на заслу- женный отдых, ощутив вдруг прилив бодрости, просветленно улыбаясь, говорит:

– Не припомню, чтоб в наше время было подобное.

А у главного бухгалтера Джамили Гафуровны, застывшей возле натюрморта с изображением букета алых роз, на глаза почему-то наворачиваются слезы. Неза- метно вытирая их, женщина вспоминает такой же яркий алый букет роз, взявшихся невеста откуда и время от времени ярким пламенем являющихся ей во снах. Цвет снявшихся ей роз настолько утончен и притягателен, что преследует ее всю жизнь, и ни один цветок в яви не дарует ей тех чувств, какие она испытала когда-то... Как капли алой крови, запали ей в сердце те алые полуоткрытые бутоны, подобные которым в жизни ей не встречались. И вот теперь пред ней стоял заключенный в рамку тот самый букет, живее всего живого, излучая те же оттенки, тот же блеск...

Сотрудники пытаются держаться как обычно, но все же чувствуется, что в этом ра- ционально мыслящем учреждении, не допускающем ничего иного, кроме конкретики, что-то изменилось. В воздухе витает дух некоего непостижимого блаженства – не то обретения, не то потери, не то тоски, не то радости – и это обстоятельство, внезапно освободив сердца от повседневной суеты, увлекает людей не то к недостижимой бес- конечности, не то к истинной душевной свободе, о коей они успели подзабыть.

Подступающую опасность прежде всего замечает Муяссар Кадыровна.

– Все по местам! – сухо произносит она командным тоном.

Голос ее звучит, как у робота, и заставляет всех прийти в себя. Потому что в этом суровом, без единой живой нотки голосе слышится скрытая угроза. Все осознают, что этот голос является отзвуком той далекой, но еще не забытой мо- гушественной силы – диктата вышестоящих органов, законов с железной логикой, стальных фургонов без окон и людей в погонах, одним махом решавших челове- ческие судьбы. Сотрудники, будто расставаясь с чем-то дорогим, еще раз окинув взглядом картины, несколько смущенно начинают расходиться по своим кабинета- м и... вдруг нерешительно останавливаются. Кто-то почтительно прикладывает руку к груди, у кого-то на лице появляется угодливая улыбка...

В фойе входит Асрор Валиевич. Он, как всегда, походя здороваясь с сотрудниками, энергично направляется в сторону своего кабинета, расположенного в самом конце ко- ридора. Но через несколько шагов, бросив исподлобья взгляд на стены фойе, замечает картины и, поубавив энергичный шаг, останавливается, затем, будто засомневавшись в том, что видит, с некоторой растерянностью обводит взглядом развешанные повсюду полотна... и почему-то преображается. Сотрудники, обступившие его, замечают, как

он вдруг отключился от всего, забыв, похоже, о людях, работе, своем высоком положении и даже о том, зачем он здесь. Не отрывая взгляда от полотен, он, как околдованный, с жадностью вглядывается в картины, сунув плаш и портфель в руки поспешно вбежавшему вслед за ним помощнику, не успевшему встретить его у машины. Асрор Валиевич был похож на удивленного человека, неожиданно встретившего чрезвычайно дорогое ему существо, того, кого считал давно умершим и кто неожиданно предстал перед ним живехоньким. Он судорожно сглатывал, лоб и нос покрылись каплями пота. Вокруг почему-то воцарилась полная тишина. Но Асрор Валиевич не замечал ее.

Муяссар Кадыровна начинает тревожиться, что люди теперь любят своего руководителем, подобно тому как недавно, застыв, восхищенно любовались картинами. Происходило нечто такое, что было не под силу осмыслить начальнице отдела кадров... «Генеральный директор не обезьяна в зоопарке, чтобы его разглядывать», – пронесется в голове у женщины, и она настойчиво повторяет:

– Рабочее время давно началось!

Муяссар Кадыровне хотелось, чтобы эти слова услышал и Асрор Валиевич. Но тот был глух. Железный голос отрезвил лишь подчиненных. Нехотя покидая пространство, напоенное негой и нежностью, они неторопливо разбредаются по своим кабинетам. А внимательно разглядывающий одну за другой картины генеральный директор не замечает бега времени. В приемной Асрора Валиевича в ожидании утренней пятиминутки с ручками и блокнотами в руках толпятся заведующие большими и малыми отделами, не решаясь войти в кабинет из-за отсутствия руководителя, все еще пребывающего в фойе. Муяссар Кадыровна начинает чувствовать, что наступила пора положить конец этому недоразумению и взять узды правления в свои руки. Она молча машет руками людям, мол, расходитесь побыстрее. Убедившись, что в коридоре больше никого не осталось, подходит к генеральному директору и негромко, но настоятельно произносит:

– Асрор Валиевич... – и вновь: – Асрор Валиевич...

Но тот не то чтоб оглянуться, даже взгляд от картин оторвать не может и лишь произносит:

– Тихо... – и опять: – Тихо!.. – задержавшись надолго возле одной из картин.

...Безоблачное небо. Пустынное предгорье. Совсем голое. Всякую растительность высушило и перемололо знойное лето, а ветреная осень давно развеяла ее по миру. У подножья горы старая грунтовая дорога с еле заметными редкими машинами. У дороги ожидают попутки две маленькие фигурки с поклажей: сидящий на земле старик и стоящий рядом внук. Они из кишлака. Старик в чапане и тюрбане. На мальчике тоже чапанчик и тюбетейка. Они изображены настолько крошечными, что не разглядеть даже их лиц. От этих маленьких фигур, томительно ожидающих транспорта, веет печалью и шемящей сердце болью... Куда они направляются, жители этих предгорий – старик с внуком? Кого они ждут? Какая судьба ожидает их впереди? Откуда такая печаль? Почему так проникновенны старость и молодость, слившиеся с тишиной могущественной безбрежности этих долин и возвышенностей? Куда несет их судьба?..

Спустя некоторое время Асрор Валиевич, не отрывая глаз от картины, обеспокоенно вытянув руку, как незрячий, будто нашаривая что-то, нетерпеливо произносит:

– Где? Где?..

Ничего не понимая, но энергично, как подобает инициативному работнику, Муяссар Кадыровна тут же делает шаг в сторону генерального, чтобы расслышать его и тут же выполнить просьбу. Но, понимая бессмысленность этого движения, вдруг останавливается:

– Асрор Валиевич! Вам что-нибудь принести?

Асрор Валиевич с несвойственным ему раздражением морщится:

– Что значит «что-нибудь»?.. Найдите Ван Гога!

Опять этот Ван Гунг или как там его... прибила бы его на месте! Надо же, сколько шума вокруг его персоны! Ходит небось где-то, своими неопрятными космами трясет! Плевал он на дисциплину! Сам себе хан, хоть и болван! Слова плохого о нем не скажи! И выгнать с работы – ни в коем случае! Этот внутренний монолог, рвущийся из глубины раздосадованной души Муяссар Кадыровны, так бы хотелось озвучить... но тут бдительный взгляд начальницы отдела кадров улавливает силуэт Ван Гога, беззвучно шагающего по коридору в сторону Асрора Валиевича. Вот паршивец! Прямо как призрак с того света! С неба, что ли, свалился?

– Очень правильно подметил! – с некоторым волнением говорит Ван Гог генеральный директор. – Неоспоримое решение! Это хорошо... голая осень. Все пожухло, опало, время, когда в воздухе колеблется серебристая паутина, да?

– Вы почувствовали это? – произносит Ван Гог с засветившимися по-доброму глазами. – Присутствие в воздухе летающей серебристой паутины... – Затем серьезно добавляет: – Но это может разглядеть не каждый.

Муяссар Кадыровна впервые бросает взгляд на картину. Эти двое что, издеваются над ней, что ли? Где тут летает серебристая паутина? Они что, с ума посходили?

– Тишина. Ни ветерка, ни дуновения! – с еще большим восхищением произносит Асрор Валиевич. – Паутина еле заметно движется в воздухе, плавно зависает...

– Да-а! Именно так! – одобрительно кивает головой Бокибек, затем задумчиво произносит: – Возможно, эту картину следовало написать размером побольше. Тогда она впечатлила бы еще больше...

– Нет! – резко возражает генеральный. – Она хороша именно в таком виде! Не смейте больше трогать! Бывают вещи, ниспосланные свыше. Эта картина – дар Небес! Не прикасайтесь! Испортите!

– Знаете... – теряясь, затрудняясь подобрать слова, продолжает Бокибек. – Еще больше... воздуха было бы в картине... мне так думается...

– Эй, художник, в этой картине воздух всего мира...

– Нет, послушайте... – теряется опять Ван Гог.

– Ис-пор-ти-те!

Бокибек, не соглашаясь, отрицательно качает головой. Асрор Валиевич, радуясь чему-то, обнимает Бокибека за плечи:

– Идемте ко мне, поговорим! Идемте!..

Директор, необыкновенно воодушевленный, все еще держа Бокибека за плечи, ведет его в свой кабинет. От изумления Муяссар Кадыровна застывает на месте. Через мгновение взгляд ее ловит идущую по коридору главного бухгалтера Джамилю Гафуровну, которая молча проходит мимо, будто не заметив кадровичку и, встав к ней спиной, разглядывает натюрморт – букет алых роз. Лица ее хоть и не видно, но заметен водоворот ее чувств: она глубоко дышит, сдерживая волнение, беззвучно вздыхает, и вот уже видно, как задрожали плечи.

Муяссар Кадыровна торопливо подходит к главному бухгалтеру и бережно кладет руку ей на плечо:

– Что случилось?

Джамиля Гафуровна оборачивается к ней в каком-то оцепенении, будто не узнавая, готовая заплакать. Затем, быстро взяв себя в руки, торопливо вытирает глаза.

– Да так... – произносит она, пытаясь улыбнуться. – Просто так...

Однако подступающее к горлу рыдание трудно скрыть. Склонив голову, она бросается бегом по коридору в сторону своего кабинета.

* * *

В офисе в этот день все выбиты из колеи. Как результат, происходят странные события. Прежде всего срывается установившееся со дня основания компании и ставшее привычным, как дыхание, ежеутреннее совещание. В приемную в то

утро, как всегда первым, сунул голову Шодмонбеков и с привычным для него юмором обратился к юной секретарше:

– Ёсуманханум, – на свой лад называет он ее, и кивает в сторону кабинета: – Можно уже заходить?

Секретарша морщится:

– Сто раз вам сказано, Зафар Расулович, меня зовут Жасмина! – отвечает она ему на русском языке.

Шодмонбеков тоже в сотый раз, не изменяя себе, повторяет:

– По-узбекски это будет Ёсуман, матушка моя! Я обращаюсь к вам на государственном языке!

– Ну что мне теперь делать? Мои родители учились в русской школе...

– Ладно, ладно, матушка... Но нашей независимости тоже вот уже больше двадцати лет... Вам хотя бы имя свое не мешало бы изменить, записав его на родном языке, и все было бы прекрасно!

Секретарша выходит из себя:

– Я не могу изменить свое имя! Ведь по-узбекски Ёсуман обозначает еще и «ведьма»!

Шодмонбеков громко хохочет.

– Ёсуман – это такой цветок, матушка. Насекомое, которое садится на него, больше не взлетает, остается в нем. Прилипает. Ёсуман завораживает. Прямо как вы! Ведь кинувший на вас взгляд тоже теряет голову, не так ли? А вы, как на букашку, не соизволите посмотреть на воздыхателя. Ох, Ёсуманханум, Ёсуманханум!.. – Он опять кивает в сторону кабинета Асрора Валиевича: – Ну что, можно заходить?

Жасмина, будто вспомнив, что находится на службе, принимает серьезный вид.

– Нет! – решительно произносит она, приступая к набору текста на компьютере, что на языке секретарши означает: «Всё! Шутки в сторону, пора работать».

Шодмонбеков, тоже изменив шуточный тон, серьезно произносит:

– Но сейчас... совещание!

Жасмина, помолчав, вспыхливо говорит:

– Асрор Валиевич велел никого не пускать. Я ему напомнила, что сейчас пятиминутка, а он мне говорит: «Вы что, по-узбекски не понимаете?» И дался ему этот узбекский!.. – Пальчики Жасмины начинают бегать по клавишам еще быстрее.

Шодмонбеков, не понимая, в чем дело, испытывает некоторую растерянность. Он служит в этом ведомстве уже двадцать лет! Каждый данный Богом рабочий день начинается с небольшого совещания. Это собрание, как разбойник с большой дороги, хладнокровно подстерегает тебя ежедневно в восемь тридцать утра в этом самом кабинете, оно неотвратимо, как судьба: «Сначала пройди через испытание, а там посмотрим». К тому же еще этот Асрор Валиевич!.. Хоть бы пошутил разок или теплое слово сказал. Как запрограммированная машина! Легче договориться с непробиваемой броней или камнем, чем с ним. У них хоть глаз нет. Глаза же генерального! Стоит ему холодно посмотреть – льдом обрастешь, за целую неделю не оттаешь!.. Как же теперь?..

Острослов и балагур Шодмонбеков, способный человека и в краску вогнать, и развеселить, создав вокруг себя весеннее настроение, теряет:

– А мне... что теперь делать?

Жасмина, на мгновение отвлекшись от текста, глянув на него, говорит по-русски:

– Зафар Расулович... Ведь правда... как-то не то!..

– Матушка, там кто-то есть?

Жасмина, будто собираясь открыть тайну государственного значения, глубоко вздыхает. Пальцы, бегающие по клавишам, резко останавливаются.

– Есть! – говорит она. – Есть! Этот... Как его... Ван Гог! Они там беседуют!.. Шунака гаплашишяпти-и-и!.. – добавляет она по-узбекски.

– А-а...

Шодмонбекова внезапно осеняет. С трепетом в сердце он догадывается, что в офис проникло что-то, с чем он прежде не сталкивался, и это что-то ведомо только тем, кто сидит сейчас в кабинете генерального – Асрору Валиевичу, посчитавшему ерундой утреннее совещание, и Ван Гог, превратившему фойе в сказочный уголок, развесив там картины. Он замечает, что и Жасмина какая-то странная.

– Правда, здорово получилось, да, Зафар-ака? – говорит девушка с несвойственной ей проникновенностью. – Картины... Как хорошо...

– И не говори, доченька!..

Ведомый тем самым трепетом сердца, Шодмонбеков поднимается с места и направляется в фойе. Он чувствует, что оно наполнено упоительным воздухом познания, и этот воздух, переполнив его, распространяется по коридору, пробирается в кабинеты, захватывает весь офис, проникая в сердца, распространяется по всему свету, порождая негу грустного томления.

Жасмина, закрыв глаза, погружается в свои мысли. Затем, будто на пожаре, быстро начинает набирать номер телефона.

– Алло... Алло!.. Прости меня!.. – говорит она в трубку. – Прости!.. Я виновата!.. Что? Встретиться? Куришамизми? – добавляет она по-узбекски. – Где?.. Понятно! Могу! Буду! Вот сейчас отпущусь и побегу! Бегу, джаным! Бегу!..

Она торопливо вскакивает с места и устремляется к кабинету Асрора Валиевича. Потом отчаянно машет рукой «ах, будь что будет» и стремглав бежит в коридор, оттуда в фойе, где люди рассматривают картины, из фойе мимо Муяссар Кадыровны, застывшей, будто рушится небо, выбегает на улицу.

* * *

– Я безмерно рад, – говорит Асрор Валиевич, взволнованно шагая по кабинету. – Здорово! Не думал, что такое возможно! Восхитительно! Но только... не портите вон ту картину!

Ван Гог не узнает генерального. Разве можно сравнить человека, слова которого проникнуты душевной теплотой, даже нежностью, с суровым Асрором Валиевичем?! Разумеется, он замечает и ценит, как тот уважительно, даже бережно, можно сказать, лелея, относится к нему, но то, как он сияет сейчас, будто солнце, видит впервые!словно сама душа заговорила, излучая искренность. Ван Гог с кроткой улыбкой произносит:

– Нет... Я чувствую, если...

– Я тоже чувствую! – резко прерывает его Асрор Валиевич с пылкостью, свойственной творческим людям. – Эта картина – само совершенство! Понимаете? Совершенство! Пытаясь выплеснуть воду из корыта, можно выплеснуть и ребенка!..

– Ну!.. – Ван Гог внезапно вскакивает с места. – Незавершённая она!..

– Это произведение, – в пылу полемики подходит к нему Асрор Валиевич, – прекрасно именно своей незавершенностью!..

Теперь горячится Ван Гог, абсолютно забыв, что перед ним начальник:

– Странно, как можно считать совершенным незаконченное произведение?!

Асрор Валиевич хочет что-то сказать, но вдруг, сделавшись серьезным, смотрит прямо в глаза Ван Гог.

– Может, выпьем?... – произносит он напряженно. – Двадцать лет не пил. Но сейчас... давай!

Ван Гог кротко улыбается.

– Ладно, – говорит он, будто не замечая напряженного состояния генерального директора, и направляется к двери.

– Постой!

Асрор Валиевич твердыми шагами идет в угол кабинета к сейфу, энергично нажимает на кнопки и, бесшумно открыв дверцу, достает оттуда пачку купюр и протягивает Ван Гог.

– Бери! – говорит он воодушевленно. – Посидим как надо!.. Не забудь купить закуску.

Ван Гог берет деньги, но почему-то не торопится уходить.

– Может... – он испытующе смотрит на руководителя, – посидим где-нибудь в укромном местечке, на улице...

Асрор Валиевич с некоторой опаской смотрит в окно, за которым сиротливо тянутся нескончаемые улицы, и торопливо произносит:

– Нет! – по лицу его пробегает тень опасения. – Нет! Здесь посидим! Здесь!..

– Разговоров лишних не будет?

Гендиректор машет рукой, мол, пусть говорят.

Ван Гог почему-то радостно покидает кабинет.

* * *

Весть о том, что совешания не будет, по сарафанному радио распространяется по офису. Учреждение, подобно войску, остающемуся в неведении – быть сегодня бою или нет, пребывает в состоянии обеспокоенности: оружие к бою готово, враг на прицеле, а подводы, доставляющие боеприпасы, остались неизвестно где. Руководители отделов и департаментов с непроницаемыми лицами начинают вышагивать по коридору. То там, то тут собираются группки обсуждающих что-то людей. Очень скоро все собираются в фойе. Один за другим сотрудники выходят из кабинетов и начинают рассматривать картины.

– Товарищи! Рабочий день давно начался!

Но на слова Муяссар Кадыровны никто не реагирует. Она демонстративно записывает в блокнот нарушителей порядка. Вот вычтут у них из зарплаты, тогда узнают, как любоваться картинами в рабочее время! Примеры вольного поведения заразительны. Что будет, если все сотрудники начнут работать как этот недоумок Ван Гог? Вон уже началось!.. Эта дура, легкомысленная Жасмина, ничем не интересующаяся, кроме нарядов, не обратив на нее внимания, бегом помчалась на улицу. За ней, загадочно улыбаясь, неслышно ступая, проскользнул Ван Гог... И в фойе начинают происходить непостижимые уму Муяссар Кадыровны загадочные события. Сначала она видит, как отрываются от земли ноги Шодмонбекова, а затем Джуры Алимовича. Женщина крепко зажмуривается, закрывает и открывает глаза. Потом смекает, что в воздух поднимаются и остальные. Муяссар Кадыровна тоже почему-то пытается воспарить. Но чувствует, что не может оторвать от земли свое грузное тело, ясно понимая, что пора прекращать подобные полеты. Если этому не положить конец, мир в водовороте этого хаоса погибнет. Ведь человек не птица! Кто же будет выполнять работу учреждения? В конце концов спросят с нее, куда, мол, смотрела, почему допустила такое! Надо немедленно прекратить этот беспорядок. Ведь сказано же одним поэтом или мудрецом: «Скатившийся камень может гору свалить»! Во весь голос она кричит:

– Вам говорят! Рабочий день начался!

На этот раз голос начальника отдела кадров звучит панически и устрашающе.

Первым на землю с грохотом опускается аксакал Джура Алимович.

– Вот тебе и на!.. – говорит он. – Ну что за невежество! Как вы не поймете, ведь такая выставка не каждый день бывает! Бог ниспослал милость, она в нашем учреждении! А эта женщина... – Он в сердцах машет рукой и быстрыми шагами удаляется в свой кабинет.

Офис погружается в нервозную тишину. Сотрудники, парящие в воздухе, вдруг чувствуют силу гравитации, их полет испорчен: сложив крылья, один за другим они начинают опускаться на землю, вдруг чувствуя силу, исходящую от начальника отдела кадров, и молча застывают перед раскрасневшейся Муяссар Кадыровной. Через некоторое время в фойе появляется взволнованный Джура Алимович и на глазах изумленной публики сует в руки Муяссар Кадыровны лист бумаги:

– Вот! Заявление! Ухожу на пенсию, пока не умер, задохнувшись в этом нестерпимом офисе! Кроме всего прочего, у человека есть душа! Ведь мир неизмеримо широк! А вы сделали его таким тесным, что дышать невозможно!..

Он резко отворачивается от Муяссар Кадыровны и начинает созерцать картины.

Но картины вдруг меркнут, теряют силу притяжения. Сотрудники чувствуют, что нити, связующие их сердца с картинами, трещат, обрываются, и они, будто проснувшись, впадают в странное состояние, виновато разбредаясь по своим кабинетам. Муяссар Кадыровна удовлетворена. Но, завидев летящую по коридору с букетом алых роз Жасмину, она вновь теряет душевное равновесие, застыв на месте и провожая ее взглядом. Ей кажется, что Жасмина и вправду летит. Летящего же человека она видит впервые и припоминает слова покойной матери: «Человек в этом мире суетится-суетится и умирает». Муяссар Кадыровне крепко запомнились эти слова. Но тут женщина, вдруг перестав верить своим глазам, в страхе отодвинулась в сторону. Жасмина же, пролетев мимо неожиданно возникшего препятствия, не прерывая полета, скрывается в приемной.

Приемная, куда она влетает, вздрагивает, и воцаряется тишина: телевизор молчит, телефон не звонит, даже кондиционер, обычно жужжащий, подобно бьющейся о стекло осе, больше не шумит. Но Жасмина не замечает этого, на лету ставит букет алых роз в вазу. Продолжая махать крыльями, с нежностью смотрит на благоухающие цветы. Затем, как бабочка, покружив в воздухе, садится в кресло напротив компьютера. И вдруг видит, что экран постоянно работающего компьютера не светится.

– Черт! – говорит она, вскочив с места и подлетев к выключателю, нажимает на кнопку. – Опять нет тока...

В этот момент в приемную входит Джамиля Гафуровна. Вид усталый, лицо покраснело от слез, веки кажутся чуть припухшими...

– Асрор Валиевич... – Джамиля Гафуровна останавливается на полуслове. Взгляд ее падает на цветы, стоящие в вазе. – Ой!..

Нахлынувшая откуда-то неожиданная радость мгновенно смывает с ее лица следы слез и усталости.

– Откуда... эти цветы?

Жасмина невольно смеется:

– Подарили!.. Совға қилишди!.. – добавляет она по-узбекски.

Ее слова, радость, исходящая от всего ее существа, не нуждаются в разъяснении о том, кто ей их подарил.

– Поздравляю! – говорит Джамиля Гафуровна, тоже охваченная необыкновенной радостью. – Прямо один в один... Как те... Видела алые розы на картине в фойе?

– Натюрморт?

– Да-да!.. Тот самый... Те же цветы! Они самые!.. Я-то думаю, куда летит наша девушка!..

– Где вы меня видели?

– На улице... В окно смотрела! Похоже, ты тоже истосковалась по этим цветам!.. Ах Жасмина, знала бы ты, из какого далёка явились эти цветы!

Джамиля Гафуровна неожиданно отрывается от земли и в пьянящем полете нагибается к цветам, закрыв глаза, вдыхает их аромат, нежно прикасается щеками к лепесткам...

В этот момент в дверях появляется Муяссар Кадыровна.

– Вас полчаса не было на работе! – говорит она, официально обращаясь к Жасмине. – Пишите объяснительную!

И Жасмина, и Джамиля Гафуровна вдруг ощущают возникшую силу притяжения и, беспощадно низвергнутые, падают с небес на землю.

* * *

Асрор Валиевич, стоя у окна, наблюдает за улицей.

Осень, погружена в желто-красный багрянец. Опадающие листья, покачиваясь в безветренном воздухе, бесшумно опускаются на выстроившиеся по обеим сторонам улицы автомашины. За мчащимися по автостраде автомобилями вздымается вихрь листвы. Зеленый газон вокруг офиса усеян багровыми листьями абрикоса... Листопад! Листья в воздухе, на тротуарах, клумбах! Будто весь мир объят этим шафранно-красным увяданием!

Асрор Валиевич за много лет почему-то впервые глядит из окна на мир без опаски. Он ощущает, как огромная осенняя скорбь просачивается в окно, шема, пробирается в самые глубины его сердца. Будь что будет! Он не станет сопротивляться. Пусть пробирается!.. Пусть надрывает его сердце! Можно же позволить себе хоть один день пожить, как того требует сердце! Сколько можно прятаться от пленительного мира?.. Сколько можно избегать встреч с ним?.. Он не позволяя себе видеть ни суровую красоту зимы, ни легкое очарование весны, ни пышную зрелость лета, ни эту скорбную пленительность осеннего листопада. О, как он любит эту колдовскую пору! Он чувствует, что осень может увести его туда, куда зовет сердце. И тогда он лишится того, что строил на протяжении многих лет, заковав себя в цепи. Жизнь его может быть разбита в пух и прах!

Он хорошо знает силу того, что глубоко замуровал в себе – в темнице своей души! Он чувствует энергию этой силы, готовую каждую минуту прорваться. Стоит ему только дать себе волю, и он сгинет в пучине чувств! И тогда не будет разницы между небом и землей! Мир предстанет перед ним в своем истинном свете. И увидишь красоту, переливы, потоки, трагедию, любовь, справедливость и неправду, подлость и благородство, мель и глубину. А увидев все это, будешь страдать, испытывать невыносимую боль!

Когда-то ему помогли избавиться от этой боли. Преподали науку «жить не хуже других», разъяснили необходимость быть таким, как все, и направили по тому пути, где якобы процветают радость и благоденствие. Он тогда всем своим существом поверил, что это и есть счастье на веки-вечные, потому что на пути том стояла Мунис.

Впрочем, всему виной была осень...

Разве не осень, двадцать лет тому назад околдовав его, заставила увязаться за Мунис, страдать из-за нее, радоваться?.. О, та осень! Утопившая тротуары в опавших листьях, бесшумно падающих, кружа и покачиваясь в воздухе! И девушка... стоявшая в конце тротуара, не смеющая ступить на ворох опавших листьев... Осень, переливаясь тысячей красок, столкнула его лицом к лицу с этой девушкой. Асрор потерял голову, не смог противиться, хоть и понимал, что ломает себе крылья, которые несут его к другой судьбе, притягательную силу которой он еще не осознал. Он пожертвовал ради Мунис своей целью, надеждами, всем своим миром. Но, видно, судьба не сдается так легко! Посапывая, кряхтя, еле волочась, нагнетая тоску, она тащилась за ним, как бродячая собака. Беспокойство и тревога от этого преследования не оставляли его ни на минуту. Он же, неотрывно глядя в глаза девушки, что повстречалась ему осенью, все время старался изо всех сил тащить груз ответственности за нее, возложенный на его плечи. Вот почему он всегда боялся смотреть на мир, так влекущий его, постоянно угрожающий увести его невесту куда – не то под землю, не то на небеса. Он прятал глаза, особенно осенью! Волшебный период года, который обворочит мгновенно, если дать слабину.

Но сегодняшняя неожиданная выставка вдруг освободила его от оков, в которые он сам себя заключил! И будь что будет!.. Ишь, какой номер выкинул наш гений Ван Гог! Усесться бы возле этих картин, да и плакать во весь голос. Реветь до тех пор, пока не растворись, превратишься в луч света!.. А тут еще эта осень!..

Он ошушал, как пали сотворенные его волей железные оковы, открылась темница, оберегавшая его от душевных мук и волнений. Сердце его наполнилось воздухом свободы! Или железные тиски уже давно готовы были распахнуться – нужен был лишь повод?..

Раскрывается дверь кабинета и входит Ван Гог. На губах все та же кроткая улыбка, в руках увесистый пакет. Но в движениях чувствуется некая деловитость и чуть заметная торжественность. Он, как свои пять пальцев знающий кабинет начальника, делает знак в сторону комнаты отдыха, находящейся в глубине просторного кабинета.

– Заходим туда?

Асрор Валиевич, как алкоголик, нетерпеливо дожидаящийся выпивки, в приподнятом настроении потирает руки.

– Э, давай быстрее! Открывай прямо здесь!

Ван Гог кладет пакет на край огромного, занимающего полкабинета совещательного стола. Оглядывается по сторонам и, взяв со стола Асрора Валиевича газету, стелет на уголок вместо скатерти. Вытаскивает из пакета и открывает пластмассовые контейнеры с острыми закусками. Откуда-то появляется открывалка. Консервные банки, вынутые из волшебного пакета, вскоре обретают контуры лодок с поднятыми парусами – все готово к употреблению... О! Ван Гог отлично справляется! Сразу видно: человек опытный. Соления, колбаса, шпроты, вяленая рыба, шашлык... Когда же он испытывал такое нетерпение? Да, двадцать два года тому назад! Двадцать два года!..

– Открывай скорей!

Ван Гог, не обращая внимания на нетерпеливый приказ начальника, проходит в комнату отдыха и возвращается с двумя пиалами.

– Рюмок у вас, конечно, нет!..

– Да не тяни ты!..

Ван Гог вынимает наконец из пакета бутылку.

– Своя, отечественная, узбекская. Но отличная!

Точными движениями он разливает водку по пиалам.

– Ты меня восхитил! – говорит директор приподнято. – Оказывается, ты мастер и в этом деле!

Ван Гог, не обращая внимания на шуточные намеки своего сурового начальника, берет в руки пиалу:

– Ну что, пьем?

– Пьем!..

Асрор Валиевич, по-детски радуясь неожиданному празднику, одним глотком осушает пиалу. Сморщившись, закусывает и расцветает в улыбке, ждет, когда выпьет Ван Гог. И, как только тот ставит опустошенную пиалу на стол, с серьезным видом приступает к разговору:

– Знаешь, – говорит он, будто ища в словах новый смысл, – в чем смысл жизни? В искусстве!..

Он знает, что повторяет свои давние мысли и чувствует, как нутро и душу охватывает благостное жжение, понимает, как страстно истосковался по такого рода беседам со своими прежними друзьями.

Муяссар Кадыровна удовлетворенно прохаживается по коридору, довольная тем, что сегодня даже без руководителя, забывшего вдруг об ответственности, ей удалось наладить дисциплину, и офис заработал как часы. Затем, закрывшись в своем кабинете, вынимает из сейфа дело Джуры Алимовича. Внимательно читает каждую страничку, изучает данные о его родственниках. Не случайно же этот старый маразматик швыряет при людях в лицо Муяссар Кадыровне заявление! Очевидно, у него есть, на кого опереться! Но сколько ни изучала, так и не нашла

его «опору». Все гладко! Как в пустыне!.. Ну все, ему крышка! Чего пузыри пускать, раз не на кого опереться? Уж сидел бы тихо, подсчитывая с удовольствием зарплату да полпенсии в придачу. Всё! Будешь дома сидеть, ожидая, когда пенсию принесут! Кому ты решил показать характер, Муяссар Кадыровне? Вот сейчас и будет подготовлен приказ! Глядишь – и пенсионер! А офис этот будет тебе только сниться по ночам! Хм, вот и подыхай, раз недоволен!..

Ушедшая с головой в скандальное дело, она и не заметила, как пролетел рабочий день, а вместе с тем пропустила событие, которое произошло в офисе ближе к полудню. Сотрудники, приунывшие после натиска Муяссар Кадыровны, как бескрылые птицы, сгорбившись, поглядывали в окна, став свидетелями еще одного удивительного события. Ближе к обеду они увидели, как Ван Гог в каком-то пьяном полете выпорхнул из двери офиса и, покружив немного меж роняющими листья деревьями, взмахнув крыльями, умчался высоко в небеса. Многих это не удивило, нет! Ведь он человек чудной. Подумаешь, летает! Но когда увидели вылетающего из офиса в высшей степени восторга Асрора Валиевича, то, не веря своим глазам, застыли, прильнув к окнам.

Асрор Валиевич давно уже не ходил пешком. Поэтому, пройдя пару кварталов, он просто не узнал погруженный в осень город. Ему казались незнакомыми эти места, которые он видел лишь из окна машины, да и то сквозь призму стены, возведенной между сердцем и окружающим его миром. Но зато теперь Асрор Валиевич узнавал осень, вспоминая ее волнующие печальные уроки, захватывающие сердце, зовущие куда-то. Куда? Не надо бояться! Сердце не обманет! Нет, не обманет!.. Может, он возвращается на путь, сотворенный для него всемогущим Господом?.. Что бы то ни было, он чувствует, что сердце его не обманет.

Что это за место? Это же тот самый парк, утопающий в листьях, бесшумно падающих, покачиваясь в неподвижном воздухе! Надо же, не узнал. Ведь именно в этом парке он встретил ее. Мунис... Девушку, остановившуюся прямо на границе полоненного осенью парка, боясь ступить на тротуар, чтобы не помешать тому, что творил пьяный листопад! Девушка, стоявшая в нерешительности у самой волны листопада, показалась ему сказочной и необыкновенно красивой. Он оцепенел...

Затем последовал за ней, не отставая, не помня себя, ничего вокруг не замечая, – шел до тех пор, пока не забыл о себе, о своих мечтах. Он ходил за ней до тех пор, пока не узнал, что девушка тоже влюблена в него, но отец ее ни за что на свете не отдаст замуж за него. Как смогла эта девушка в одно предложение вместить одновременно и счастье, и несчастье? Асрор, услышав ее слова, со свойственной для влюбленных смелостью, беззаботно перешагнул нежданно выросшую перед счастливым человеком гору. Перешагнул и по-прежнему продолжал идти за ней по пятам. Шел и шел...

Пока не столкнулся лицом к лицу с отцом Мунис – Самигом Нигматовичем Миркалоновым.

* * *

Самиг Нигматович – большой человек. Его имя в городе известно каждому. Стоит ему появиться со своими людьми на свадьбе или похоронах, как начинается суэта. Уважаемому гостю предлагают пройти в специально отведенную комнату. Каждый норовит услужить. Даже важные городские персоны рады зайти в специальную комнату либо с блюдом в руках, либо с бутылкой, чтобы хоть разок показаться на глаза такому важному гостю. Гаишники, стоит только намекнуть, что ты человек «акахана», тут же, извинившись и отдав честь, с улыбкой отпускают. И, как только отъедешь, облегченно вздохнут: «Слава Всевышнему, пронесло».

Его имя действует на людей волшебным образом, заставляя стремглав выполнять все его поручения.

Вот такой человек за пятнадцать минут и решил его судьбу...

– Это... Значит, ты Ахрол? Нет, Асрор! Хорошо... Сказать по правде, я бы не стал выдавать за тебя свою дочь. Но мне понравился один твой поступок, понял? То, что ты отколошматил сына Хамдама Расуловича, понял? И дружков его поколотил! Правильно сделал, нечего к девушкам приставать! Это я тебя не отдал милиции, понял? Но теперь кончай подобные дела! Понял? Чего молчишь? Странный ты парень! Чего не благодаришь? Счастье тебе привалило... Не понял, что ли?

– Понял, – ответил Асрор, помня наказ Мунис о том, что следует во всем соглашаться с Самигом Нигматовичем.

– Ты эту свою профессию теперь бросишь, понял? Больше не возьмешь в руки эту штуку... как там... кисточку, понял? Будешь учиться в текстильном, я уже договорился, понял? Мунис – моя единственная дочь. Если состоится свадьба, станешь мне сыном, понял? Мой дом, короче, все, что имею, будет принадлежать вам обоим, понял? Я буду тебя продвигать. Даст Бог, станешь уважаемым, как я, человеком, большим начальником станешь, понял?

– Понял!.. Понял!..

Асрор принял все его условия. Он выполнит их! Да что там выполнит, он готов даже жизнью пожертвовать! Лишь бы Мунис была рядом! Отречется от всего, если потребую! Выполнит всё, что прикажут! Для чего ему жизнь, если в ней не будет Мунис?

Ради Мунис парень отказался от всего, что у него было. Решил ни на что не оглядываться. О, он сильный человек! Но мир, от которого Асрор отказался, следовал за ним по пятам так же, как он без устали преследовал Мунис. На протяжении двадцати двух лет он железной волей противился желаниям души. К становлению же своей новой судьбы, строившейся по плану и при поддержке теперь уже покойного тестя, он и сам приложил немало усилий: стал признанным специалистом отрасли, продвинулся благодаря собственному старанию и трудолюбию. Стал таким, каким его хотел видеть Самиг Нигматович. Но сегодня... Во всем, что происходит сегодня, виноваты Ван Гог и эта безумно прекрасная осень. И вот он идет, ведомый сердцем, туда, куда тянет душа...

* * *

Увидев на портале здания светящуюся надпись «СУХБАТ», он повеселел. Надо же, все то же название! Сохранилось... Дружише... Разве может не быть другом этот скромный уголок, радушно принимавший уставших, но жаждущих творить, стремящихся познать тайны творчества людей – тех, кто бывал счастлив встретиться и пообщаться с близким по духу. Впору поклониться тебе, друг мой, за твое неизменное существование. Извини, что обращаюсь к тебе на «ты», а не на «вы», уважая твой почтенный возраст. Да, в этом кафе всегда бурлила жизнь. «Место пира дервишей» – так называл его поэт Рауф Парфи, который звал дервишами всех, кто занимался творчеством. Сам же поэт приходил сюда, как в свой дом. Разговорам там не было конца – достигая апогея, эта бурлящая река мыслей и всевозможных точек зрения, растекалась ручейками по улочкам города, сохранившимся после землетрясения старым домам, квартирам, мастерским художников, съемным комнатам и общежитиям. Душевный трепет передавался от сердца к сердцу, и тогда оживали камни, на деревьях появлялись плоды, из саженцев разрастался сад – в трепетном волнении пребывал весь Ташкент. Именно так оно и было! Я тоже пребывал в этой пучине. А написанные мною картины возвышались на гребне волны.

– Ну его!.. – сказал однажды покойный Рузы Чарыев, утирая глаза. – До слез довел!

Да, я тоже заставлял людей плакать! Все, кто видел мои картины, очарованно застывали на месте – это правда! Только Мунис... Глянув мельком, производила безразлично: «Неплохо». Картины тоже чуждались Мунис... Я старался приобщить ее к стихам, картинам, даже водил в бурлящие эмоциями компании

поэтов и художников. Но она не то с боязнью, не то с отвращением усаживалась в сторонке, не прикасалась к еде, не участвовала в разговорах, после недолгого пребывания подавала знак, мол, пойдем домой. Однажды, заметивший этот жест чуткий Рауф Парфи, одарив её своей обаятельной улыбкой, сказал:

– Я возлагал на ваш приход большие надежды, полагая, что наш круг пополнится еще одним дервишем. Похоже, надежды мои были напрасны, очень жаль. Выходит... Асрора вы у нас крадете, не так ли?

Украсть того, кто молился Богу, чтобы эта девушка украла его, было не сложно: Мунис тогда одним взглядом увела меня от них навсегда! Вот тебе и судьба, дарованная Богом! Отныне – покой...

Он понимает, что какая-то могущественная сила, высвободив его из железной скорлупы, куда он сам себя заточил, несет в сторону блаженного волшебного мира, по которому он истосковался и без которого не мог больше жить. Сегодня, после выставки Ван Гога, явившейся полной неожиданностью, он почувствовал, что созрел для того, чтобы легко, с восторгом вознестись над своим сытым, роскошным существованием, которое он воспринимал, как свою судьбу, и теперь... должен рискнуть.

Боже всемогущий! Почему же не рискнуть? Почему?.. Разве не ты столкнул меня лицом к лицу с этой осенью, временем года, с которым я надолго расстался в тот далекий памятный день моей жизни?.. Разве не я оставил ее там, не в силах преодолеть ниспосланное тобой испытание? Следовательно, пришла пора начать жизнь заново, с того места, где она оборвалась!.. Так веди же меня, веди!

Асрор Валиевич входит в кафе. Бармен, увидев его, изменившись в лице, вздрагивает:

– Фу, Аброр-ака! Вы меня напугали! – он торопливо пробегает глазами по залу: – Вы что, близнецы?

Асрор Валиевич, хоть и не понимает, о чем речь, но, не имея желания углубляться в этот незначительный разговор, мимоходом отвечает:

– Да, близнецы.

– Аброр-ака зашел в зал минуту назад. Смотрю, опять идет Аброр-ака!.. Я уж подумал, не схожу ли с ума!.. Во даёте, акаханы!.. До смерти напугали!.. Вон он, уважаемый, сидит!..

Асрор Валиевич мельком бросает взгляд в сторону, куда показывает бармен, затем не торопясь пробегает глазами по этикеткам бутылок, выстроенных в ряд на полке.

– Вон то у тебя имеется? – спрашивает он, указывая на этикетку французского коньяка.

– У нас все имеется, ака!.. Сколько вам налить?

– Двести...

– Его хорошо бы понемногу, блаженство... – бармен бросает взгляд на Асрора Валиевича и, видя исходящее от него величие, осекшись на полуслове, с улыбкой добавляет: – Как скажете, акахан!

Асрор Валиевич выпивает коньяк на удивление с легкостью. Ни тебе гримасы, ни глубокого выдоха. Затем, не обратив внимания на уважительно протянутую дольку шоколада, направляется к указанному барменом столу.

С приближением Асрора Валиевича люди, сидевшие за столом спиной к нему, шумно двигая стульями, поднимаются с места. «Очевидно, ждали меня», – как вспышка проносится у него в голове.

– О, человек!.. Человек пришел! – радостными возгласами встречает его компания. Но он вдруг вздрагивает, будто неожиданно лицом к лицу встретился с давно умершим другом. Откуда взялись эти слова? Неужели используют всё ту же лексику?.. Кто-то его обнимает, кто-то, крутанув в воздухе рукой, ударяет ладонью о его ладонь, кто-то трется щекой о его щеку.

– Ну-ка, ну-ка...

Эта реплика тоже ему знакома! О, так это же любезность Рауфа Парфи! Она самая!.. Неужели наставник здесь?.. Садясь на предложенный стул, он по очереди оглядывает присутствующих. Нет, Рауфа Парфи здесь нет. Но кто-то догадывается, кого он ищет взглядом:

– Его нет. Мы всей компанией ждали вас. Но несколько человек, не дождавшись, ушли.

– Дело житейское!..

Чьи это слова!.. Его самого! Когда-то он, кстати и некстати употребляя их, поднимал настроение друзьям. Кто-то поступил на учебу – дело житейское! Того-то выгнали с работы – дело житейское! Вчера до утра сидели – дело житейское! Ох-х... голова болит – дело житейское! Ни копейки не осталось – дело житейское!..

Асрор Валиевич еще раз пристально оглядывает присутствующих. Странно! Эти незнакомые люди... были знакомы ему. Даже дороги! Будто он с ними пуд соли съел. Он внимательно смотрит на человека, повторившего некогда им самим произнесенные слова. Этот человек... этот человек... был похож на него. В старых джинсах, поношенном свитере, шегольски пускающий сигаретный дым, метаящий слова, словно камни пращей, цветущий, довольный жизнью – этот человек среднего возраста был его копией. Асрор Валиевич осознает, что бармен спутал его с этим человеком.

Компания душевная – открытая, веселая, поэтому влиться в нее не составляет особого труда. К тому же Асрор Валиевич чувствует, что сердце, переполненное радостью, заставляет его витать в облаках и что на пике таких чувств человек может прийти по душе любой компании.

– Пришел? – говорит ему его копия тоном человека, только вчера видевшегося с ним. – Мы беспокоились, что этот рыночный мир окончательно поглотил тебя.

– Не смог поглотить, – отвечает он, – слишком велик я оказался.

Все смеются. Его ответ почему-то всем пришелся по душе.

– Здорово! – произносит его копия.

– Разумеется, слишком велик, разумеется! – говорит худощавый человек, почему-то с трудом произнося слова. – Я тоже для него слишком велик. – Пусть-ка попробует!.. Вот ему!.. – грозит он куда-то кулаком.

– Здесь сидят оставшиеся в живых – все те, кто не по зубам тому миру! – говорит дородный человек. – Нас не проглотить! Так, а теперь... Вот гость пришел... Чокнемся наконец, что ли! – он торопливо разливает по рюмкам водку.

– Этот бокал мы поднимаем сегодня за нашего гостя!

Опять голос Рауфа Парфи! Где он? Или кто-то подражает ему? Асрор Валиевич не успевает понять, кто произнес этот тост.

– Эй!.. Человек рождается плача и плача уходит из жизни!.. Давайте же, ич-дик – выпьем!

Он и тут не замечает, кто произнес эти слова. Но ведь так говаривал Рузы Чарыев – мэтр Рузы Чарыев, – мешая русские и узбекские слова! Он тоже здесь, здесь!..

– Выпьешь ты, наконец, или нет! – приводит его в себя его копия веселым тоном. – Мало того что опоздал, так ты еще и упираешься!..

Асрор Валиевич одним глотком осушил рюмку.

На следующее утро, проснувшись чуть свет, Асрор Валиевич не может вспомнить, что было вчера. Сначала какие-то бесконечные остроты, споры в веселой компании и обсуждение чего-то! Как же здорово посидели! О ком только не говорили: о Кафке, Гогене, Бехзаде... Творчество всех великих перелопатили! А сам... Сам он что делал? Да он никому говорить не давал, монологи произносил! Ну вот, чуть просветлело в голове: да, молот избитые истины, удивив всех, произнес целую речь о дальнейшем развитии искусства, горячо говорил о том, для чего нужны зрители изобразительному

искусству, какие тяготы пришлось вынести гениям в перипетиях беспощадной судьбы. Словом, блистал, легко преодолевая логические препятствия, осящая, как счастлив в эти минуты! Все, кто был рядом в компании, будто балуя, поддерживали его. Он чувствовал, как экспромты, пробуждали спящие пласты его мозга, поднимает на поверхность дремлющие многие годы знания, воодушевляя, окрыляя его... Он даже почувствовал, что летит... Да, летит! Так он жил раньше! Он летал!..

Потом... потом... потом... что было потом?

Он только помнит, как все вместе вылетели из кафе, но в какую сторону полетели остальные – не может припомнить. Когда его пригласил в свою мастерскую тот самый похожий на него Аброр, он легко согласился, как в дни своей молодости. Вдвоем, споря о вечном, они пробираются сквозь искромсанный лучами света, чуть заметную во тьме осень и влетают в мастерскую, расположенную на первом этаже дома художников в самом центре города.

Войдя в мастерскую, Асрор Валиевич понимает: должно что-то произойти.

Его спутник с шумом раздвигает высокий во всю ширину помещения занавес, закрывавший вторую половину мастерской и, как фокусник, только что завершивший программу и ожидающий аплодисментов, победно возносит руки вверх.

У Асрора Валиевича от изумления перехватывает дыхание.

На стенах картины... картины... картины... Большие и маленькие полотна в рамках и без рамок стоят также на полу вдоль стен...

– Ух ты!.. – только и смог произнести Асрор Валиевич.

С трепещущим сердцем он начинает рассматривать картины, но хозяин ведет его вглубь мастерской к холсту в человеческий рост, укрытому тряпьем, срывает его и свободной рукой взмахивает, как фокусник: мол, пожалуйста, можете смотреть!

На полотне во весь рост изображена молодая женщина в зеленом длинном платье со стелющимся по земле подолом, с пучком багряных осенних листьев в руках. Загадочный взгляд устремлен прямо... в глаза Асрора Валиевича. Он застывает в оцепенении. Мунис?.. Что это значит?

– В молодости я безумно любил эту девушку, – начинает говорить Аброр. – Но пришлось расстаться. Думал, умру без нее... Не умер! Бог дал силы...

– Почему вы расстались? – спрашивает Асрор Валиевич дрожащим голосом.

– Не срослось... Ее родичи... Да и сама она поставила условие, мол, только если бросишь рисовать...

У Асрора Валиевича от волнения аж в ушах зазвенело!

– Вы... согласились?

– Нет, – твердо, но с оттенком грусти произносит Аброр. – Нет! Я не смог отказаться от профессии. Куда убежишь от дарованного Богом?.. Человек рождается плача и плача уходит из жизни!.. Я сейчас!..

Он берет из шкафа в прихожей тарелки, рюмки и начинает расставлять на чайном столике, накрывая стол для долгой беседы до рассвета.

– Когда я выставял этот портрет в Париже, один индийский миллиардер захотел купить его и предлагал миллион... Я не продал! Он и сейчас посылает посредников... Но я не продам!.. «Изображения людей красивее их самих!» Кто это сказал? Поэт Назым Хикмет?..

Асрор Валиевич не слышит его слов. Он стоит перед Мунис, как загипнотизированное змеей существо. Затем, с трудом оторвав взор от глаз Мунис... бросает взгляд на другие картины... О Бог мой! О Повелитель! Что Ты со мной делаешь?!. Эти картины... и те... и те, что на стене, – он когда-то планировал написать... он думал о них, и думы эти вдохновляли его...

О Бог мой!..

Создатель!..

Творец!..
 А что было потом... потом что было?
 Не помнит...
 Совсем ничего не помнит...

* * *

Он долго сидит, уйдя в себя.

Теперь ему становится понятно: по воле Всемогушего он вчера встретился с собой – с тем, кого оставил со своей судьбой. Он почувствовал, как от этой мысли у него посветлело на душе, как дух его крепнет, обретая крылья, он чувствует, что отныне каждым своим действием он будет стремиться к Себе – к своему оставленному «Я» – и почему-то очень радуется этому. Асрор Валиевич решительно берется за ручку и, светясь улыбкой, диктуя себе вслух, принимается писать:

«Заявление...

...прошу освободить от занимаемой должности по собственному желанию...».

Так... А теперь поставим нашу размашистую подпись... Та-ак... Ну а число? И его укажем... Десятое ноября две тысячи тринадцатого года... Молодчина! Отлично!

Наспех собравшись, с портфелем в руках он выходит в приемную к недоумению Жасмины в недоумении, бросает ей «Гуд бай» и прямо-таки вылетает из приемной. Жасмина устремляется к окну. Вылетевшему из здания офиса Асрору Валиевичу преграждает путь шофер. Показывая мобильник, что-то говорит, торопливо открывает перед ним дверцу машины. Асрор Валиевич, ни на что не обращая внимания, чуть качнувшись, неожиданно взмывает вверх... Он несется между деревьями, поднимаясь все выше и выше, и с высоты своего полета видит суетящийся в нескончаемых заботах мир, в котором кто-то хочет обрести богатство, наряды, вкусно поесть и вкусить удовольствия, кто-то ищет пристанище и хочет заработать на кусок хлеба, кто-то жаждет определиться между благородством и подлостью, пониманием и непониманием, любовью и ненавистью, дружбой и враждой. Он чувствует, как горечь и боль этого мира, оторвавшись вместе с ним от земли, наполняют все его существо, понимая, что если, будучи в полете, не отобразит эти Горечь и Боль на полотне, то рухнет и разобьется вдребезги. Асрор даже знает имя силы, несущей его. Знает точно. Творчество! Лишь бы найти себя, пока этот полет не завершен. Так поддержи же меня Сам! Помоги мне! Знаю, если не сверну с этого пути, Ты сможешь мне летать еще долго, без усталости! Ибо Ты самый... самый... самый великий творец! Безграничный создатель... Бесконечный, вечный!

О Милосердный!

О Всемогуший!

О Вездесущий!

Господь!*

Перевод с узбекского Раъно АЗИМОВОЙ.

Раъно АЗИМОВА. Переводчик. Член Союза писателей Узбекистана. Лауреат международного конкурса на лучший перевод с национального языка на русский язык в странах СНГ и Балтии.

* Первый рассказ из трилогии «Дни весны, дни осени».

КРИТЕРИЙ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА

Феруза ХАБИБУЛЛАЕВА

Перевод художественных произведений с одного языка на другой требует кропотливого труда и серьезной профессиональной подготовки. В идеале переводчик должен в совершенстве владеть обоими языками, только тогда будет обеспечена полноценная передача подлинника на языке перевода. Ибо полноценный перевод – это не простое воспроизведение текста на языке перевода, а воссоздание той национальной картины мира, которая отражена средствами языка оригинала со всеми тонкостями и оттенками смысла. Интересно с данной точки зрения рассмотреть переводы одного эпизода романа «Минувшие дни» Абдуллы Кадыри.

Знакомясь с романом «Минувшие дни» («Ўткан кунлар») в переводах на русский язык, мы нередко становились свидетелями неудачного выбора эквивалентов некоторым словам, необоснованного исключения отдельных предложений оригинала, которым не нашлось места в тексте перевода. Конечно же, если исходить из положения о том, что национальная картина мира отражается средствами языка, то такая практика недопустима, ибо само собой разумеется, что она неизбежно приведет к ее искажению. Так, искусное изображение А. Кадыри жизнеутверждающих перемен, происходящих весной в природе, придало особое очарование главе «Вы меня не позабудете?». О столкновении переводчиков с рядом проблем, возникших перед ними при воссоздании непривычной русскому читателю картины, можно судить на примере описания пейзажа.

В оригинале читаем: «Ҳозир кўклам кунлари: қирлар, тоғлар, сойлар; кўк-кизил, оқ-қора, сариқ-зангор, пушти-ғўлас ва тагин аллақанча ранглик чечаклар билан устларини бежаб, киши билан тўнғиб аранг етишкан ошиқлариға янги ҳаёт, янги умид берадилар. Қиш бўйи аллақайси ғўр остларида жунжиб чиққан қуш зотлари: чумчуқлар, читтаклар, тўрғайлар, саъвалар ва бошқа аллақанча қуш дуркумлари ўз тўплари билан вижир-вижир, чуғур-чуғур сайраб қуладилар, ер юзини туткан чечак гиламлари устини ўпиб ялайдилар, ётиб чўқийдилар, сапчиб учадилар... узоқ узоқдан қакку қуш ҳам арзи вуҷуд қилади: – Қакку-қакку...» (А. Кодирӣ. Ўткан кунлар. – Т: Шарқ. – 2014, 142 б.).

В первом переводе, осуществленном Л. Бать и В. Смирновой, содержание передано так: «Дни стояли весенние: горы, холмы, долины были покрыты цветами – красными, белыми, желтыми, голубыми, розовыми. Птицы, всю зиму дрожавшие от холода, – синицы, воробьи, жаворонки, шеглы – теперь носились стаями, щебетали, чирикали, звенели, точно пересмеиваясь, опускались на цветочный ковер, разостланный по земле, что-то клевали, подпрыгивая, и снова вспархивали ввысь. А издали доносилось страстное кукованье кукушки: “Ку-ку... ку-ку...”» (А. Кадыри. Минувшие дни. – Т.: Изд-во лит. и искусства, 1984, с. 145).

Феруза ХАБИБУЛЛАЕВА. Родилась в Андижане. Окончила Андижанский гос. пед. институт языков им. А. Чулпана и магистратуру при АндГУ. Старший преподаватель кафедры русского языка и литературы АндГУ. Автор ряда статей в республиканских и зарубежных изданиях.

Видимо, перевод составной части первого предложения «киши билан тўнгиб аранг етишкан ошиқларига янги ҳаёт, янги умид берадилар», и такой же части второго предложения «ер юзини туткан чечак гиламлари устини ўпиб ялайдилар» на русский язык вызвал затруднение у Бать и Смирновой, для преодоления которого они не нашли ничего лучшего, чем просто опустить это в переводе. Но когда удаляется часть, неизбежно должно пострадать целое! Для того чтобы понять это, необходимо верно представлять место этой части в составе целого, ее функцию, смысловую нагрузку. Однако, раз уж переводчики опускают часть, следовательно, можно считать, что они не смогли прочувствовать смысл целого и место в нем опущенной части. Посмотрим значение этих частей в оригинале. В первом случае опущенная часть («киши билан тўнгиб аранг етишкан ошиқларига янги ҳаёт, янги умид берадилар») означает, что «весна дает новую жизнь и надежду влюбленным, всю зиму мерзшим в ожидании и едва дождавшимся её». Конечно же, это образное выражение, когда словом «ошиқ» («влюбленный») писатель называет людей, соскучившихся по весне, которым надоели зимние морозы, сырость, грязь, слякоть... И здесь, естественно, проявляется национальное мировосприятие узбека, который к зиме относится иначе, чем русский человек. Непониманием этой особенности, вероятно, объясняется пренебрежительное отношение переводчиков к опущенной части предложения. Во втором случае причиной является непонимание смысла сочетания «ўпиб ялайдилар» в контексте предложения. В буквальном переводе оно означают «целовать» и «лизать», то есть при дословном переводе получается, что птицы «целуют и лизут цветочный ковер». Конечно, в этом есть нечто несурзное. Однако в оригинале данное словосочетание употреблено как вариант фразеологизма «ялаб юлкамок», означающего «облобызывать», «расцеловать». Тем самым автор акцентирует высшую степень радости переживших зиму птиц, благополучно встретивших весну. Налицо параллелизм, служащий более яркому описанию радости «влюбленных» – людей.

Перевод М. Сафарова более близок к оригиналу: «Дни стояли весенние, горы со снующими между ними шустрыми горными речками, холмы, долины были покрыты цветами – красными, белыми, желтыми, голубыми, розовыми и еще непередаваемой словами палитрой чудных раскрасок, даруя округе несравненное счастье познания новой жизни, новых надежд. Всю зиму дрожавшие от холода птицы – синицы, воробьи, жаворонки, шеглы – теперь носились стаями, щебетали, чирикали, звенели, точно пересмеиваясь, опускались на цветочный ковер, разостланный по земле, поклевывая, подпрыгивая, снова вспархивали ввысь... а издалека доносилось страстное кукование кукушки: “Ку-ку... ку-ку...”»¹

Сначала необходимо отметить стремление М. Сафарова – автора второго перевода – воссоздать стилистические особенности оригинала, что отражено уже в схожести синтаксических конструкций. В отличие от первого перевода, где наблюдается сокращение, налицо распространение. Так, вписывая в первое предложение фразовый компонент «со снующими между ними шустрыми горными речками» и добавляя слово «долина», М. Сафаров как бы стремится передать все имеющиеся значения слова «сой». Дело в том, что слово «сой» имеет три значения: 1) низина между горами или холмами, русло, водный путь; 2) горная речка; 3) русло реки. В оригинале данное слово использовано в первом значении, которое в контексте со словами «холмы, горы» означает «от и до», т. е. «всё вокруг было покрыто цветами». Рассмотренный пример – свидетельство того, что национальная картина мира отражается прежде всего в языке, поэтому переводчику необходимо знать тонкости языка оригинала.

М. Сафаров постарался вернуть в предложение опущенную в первом переводе часть, важную для отражения особенностей национального мировосприятия. Но и в его переводе отсутствует упоминание о «влюбленных». Если в оригинале под этим образным выражением автор имел в виду соскучившихся по весне людей, то здесь вместо них счастье испытывает «округа». Необходимо учитывать, что данная пейзажная зарисовка служит контрастным фоном душевному состоянию Атабека: все вокруг счастливы, полны надежд –

¹ Абдулла Кадыри. Минувшие дни. – Т.: Шарк. – 2009, с. 151.

только он потерял всякую надежду, глубоко несчастен. Если учесть, что контрастный фон держится на противопоставлении «влюбленные (люди, дожившие до весны) – Атабек», становится ясным, что усечение описания привело к лишению пейзажа сопоставительной функции. Это, в свою очередь, разрушает стройный алгоритм повествования, точнее, композицию текста данного отрывка. А этот алгоритм таков: 1) описание душевного состояния Атабека – 2) контрастирующая с ним пейзажная зарисовка – 3) параллельное (диалогическое) описание природы и движений души героя. Так, первый шаг (что равен первой композиционной части) в оригинале представлен в следующем виде:

«Отнинг бошини ўз ихтиёрига қўйган, илгаригидек юрак ошиқишлари ичида отни тез юришка кистамай сувга тушган нондек бўкиб-бўшашиб, юз хил совук, ярамас хаёллар қўлида эзилиб, ўзининг дунёда борми-йўқмилиғига ҳам тушунмай кета берадир».

Во-первых, душевное состояние героя описывается «извне» – изображено действие. Во-вторых, весь отрывок (композиционная часть текста) состоит из одного предложения. Если предикативный центр предложения («Атабек ехал»), как структурообразующее начало, относит данный отрывок к повествованию, то второстепенные компоненты – обстоятельства образа действия – придают ему свойства описания.

Следует отметить, что здесь основное внимание уделяется тому, КАК ехал Атабек, в чем можно убедиться, детально разобрав второстепенные компоненты предложения: 1) «предоставив волю коню»; 2) «не понукая коня как прежде, когда сердце рвалось к возлюбленной», 3) «размякший и беспомощно разбухший, словно хлеб, попавший в воду»; 4) «подавленный, в беспощадных лапах холодных дум»; 5) «даже не осознавая, существует ли он в брэнном мире или нет». Интонация перечисления вкупе с постепенным усилением значения даёт довольно-таки полное представление о душевном состоянии Атабека, чего не скажешь о передаче этого в переводе. Так, в переводе Л. Бать и В. Смирновой данное предложение разбито на три части: «Атабек не понукал нетерпеливо коня, как делал раньше. Предоставив его своей воле, ехал вялый и расслабленный, не замечая ничего вокруг. Как кусок хлеба, упавшего в воду, он весь размяк, отдавшись своим невеселым думам». В результате упрощения синтаксического строя, во-первых, утеряна интонация оригинала, во-вторых, нарушена последовательная смысловая связь компонентов. Это очевидно. А значит, в переводе М. Сафарова стремление устранить недостатки естественно. Хотя и здесь перевод осуществлен двумя предложениями, синтаксическая конструкция оказалась близкой оригиналу и потому в определенной мере воссоздает его интонационную оформленность: отрывок можно воспринимать как одно предложение, достаточно прочитать его с соответствующей интонацией. Да и в формальном отношении, если в конце первого предложения вместо точки поставить двоеточие, получим бессоюзную подчинительную связь. Но содержание предложения, смысловые связи его частей оставляют желать лучшего. Так, фразовый компонент «словно кусок размякшего хлеба, упавшего в воду» по смыслу не сочетается ни с одним из предыдущих компонентов, ибо нельзя сказать ни «ехал вялый и расслабленный, словно кусок размякшего хлеба, упавшего в воду», ни «раздавленный властью мутных и удушливых раздумий, словно кусок размякшего хлеба, упавшего в воду», ни «не замечая ничего вокруг, словно кусок размякшего хлеба, упавшего в воду». Фразеологизм «сувга тушган нондек» в узбекском языке характеризует человека, которой из-за чего-либо впал в инертное, пассивное состояние. Значение данного фразеологизма, на наш взгляд, можно было бы передать русскими фразеологизмами «опустить руки», «пасть духом». В этом случае стало бы очевидным, что слово «расслабленный» здесь неуместно. Ибо оно в словаре С. И. Ожегова толкуется как «лишенный силы, энергии», что не обязательно является именно результатом воздействия чего-либо. Безусловно, слово «бўшашиб» переведено верно, но, когда оно сочетается с фразеологизмом «сувга тушган нондек», значение данного выражения становится шире значения слова «расслабленный», которое раскрывает только один из его семантических вариантов. К тому же смысл этого слова противоречит состоянию персонажа, который просто убит создавшимся положением. Здесь было бы уместным использовать слова «разбитый» или

«отчаявшийся». Рассмотренный пример лишний раз показывает, что дословный перевод и адекватный перевод – понятия далеко не одинаковые.

Возникает вопрос, почему же в обоих переводах выбран не совсем верный путь – дословный перевод фразеологизма, что не позволило адекватно передать смысл оригинала? Дело в том, что данный фразеологизм, как и любой другой, тесно связан с бытом, культурой и миропониманием носителей языка, т. е. имеет ярко выраженную национальную окраску. Так, например, выражения «шўрвага нон бўктирмоқ», «иссиқ нонни сувга бўктириб емоқ», «қаймоқчой қилмоқ» тесно связаны с национальным бытом, традиционной культурой питания узбекского народа. Другими словами, узбек ежедневно имел дело с «хлебом, размякшим в воде», тогда как для русского это явление не совсем привычное.

Серьезные трудности в переводе вызываются тем, что в тексте оригинала отражаются особенности мировосприятия, культурные и духовные ценности носителей языка. Это можно отчетливо увидеть в продолжении рассмотренного выше эпизода:

«Узоқда кўш ҳайдаб юрган йигитнинг ашуласи эшитиладир: “Икки ёрни ажратувчи бу фалакнинг гардиши!” Рухлик, кучлик кўкрақдан чиқган бу ашула тевааракни зир-р этдириб юборғандек, Отабекка ҳам бошқача бир таъсир берадир. Гўё бу деҳқон унинг истикболидан ҳикоя қилғандек бўладир. Бу байт деҳқоннинг оғзидан яна такрорланиб тагин тевааракни ёнғиратадир. Энди Отабекнинг кўнглидан бир гап ҳам ўтиб кетадир: “Икки ёрни ажратқучи бу фалакнинг гардиши эмас, ота-онанинг орзуси!” Ўзининг сирлик маъносиға Отабекнинг истикболини олиб кўринган бу байт ниҳоят уни йиғлатадир. Кўз ёшлари юзи орқалиқ эгарининг қошиға ва отининг ёлиға тома бошлайдир...”¹

Первое предложение приведенного отрывка в переводе Л. Бать и В. Смирновой представлено так: «Издалека доносится песня человека, погоняющего упряжку волов на пашне: “Время меняет цвет небес, и судьба разлучает влюбленных...”». Во-первых, в оригинале речь идёт не о поющем человеке вообще, а именно о поющем джигите, т. е. молодше – молодом человеке. Казалось бы, не велика беда. Но автор подчеркивает, что поёт именно джигит. И именно поэтому песня так трогательна, ибо жгучая боль утраты певца еще свежа, и она как бы заражает Атабека, заставляет сопереживать ему, живо прочувствовать угрожающую в перспективе боль утраты. Тем самым автор психологически подготавливает героя к принятию судьбоносного решения: «...не вернусь в Ташкент»². Любовные песни поются молодыми, пение таковых еще «зелеными» или «зрелыми» считается неприличным. Из сказанного явствует, что национальная специфика определяет выбор того или иного слова. Не назовешь удачным и перевод песенной строки: «Время меняет цвет небес, и судьба разлучает влюбленных...» Здесь не один, а два стиха – образно-тематический параллелизм, характерный для русской фольклорной традиции. На наш взгляд, такая стилизация неуместна, она сводит на нет функцию песенной строки как художественной детали. Тематический параллелизм придаёт стихам как бы смысловую завершенность, тогда как в оригинале слышна бесконечная жалоба: «Ох, судьба, судьбинушка – разлучница влюбленных!...» Таковой была национальная ментальность; только в одном из тысячи, а то и в целых десяти тысячах подобных случаев наблюдался бунт, а во всех остальных случаях – смирение, жгучая боль в душе, которая и вырывалась наружу только в песнях, стихах. Не лучше обстоит дело и в переводе отрывка М. Сафаровым: «По воле рока разлучены влюбленные сердца!» На наш взгляд, в стихе этом нет чувства, он не несет ничего, кроме сухой информации. Раз так, как же он мог задеть за живое Атабека, заставить его задрожать, расчувствоваться до такой степени, что у него невольно потекли слёзы?

Сопоставление первого и второго переводов фрагментов из романа «Минувшие дни» позволяет утверждать, что авторы Л. Бать и В. Смирнова не придавали должного значения воссозданию национального колорита, тогда как М. Сафаров стремился воссоздать национальное своеобразие, местами даже в ущерб приемлемости перевода. Наше исследование переводов позволяет сделать вывод о том, что важнейшим критерием адекватности перевода должно стать воссоздание национальной специфики оригинала.

¹ Абдулла Кодирий. Ўткан кунлар. – Т: Шарқ. – 2014, 143 б.

² Абдулла Кадыри. Минувшие дни. – Т.: Изд-во лит. и искусства, 1984, с. 148.

Ностальгия

КОНСТАНТИН ПЕРЕВЕРЗЕВ

Ночной старый трамвай

Вот полночный трамвай
С Лабзака на клуб КОР –
На ходу в него впрыгнул,
Принимая укор.

А кондуктор в халате,
Сумка через плечо,
Протянул мне билетик,
Не сказав ничего.

Посчитал я три цифры
И сложил ещё три –
Получился счастливый.
Я сказал: «Посмотри!» –
Одиноко сидевшей
С грустной думой в глазах...
И она посчитала,
А потом мне сказала:
То бумажное счастье,
Что в руках у меня.
«Но не верю я в сказки,
Это не для меня».

А десятый трамвай –
Он в ночи простучал,
С Лобзака до клуб КОР
Запоздавших встречал.

«А сейчас – остановка
“Воскресенский базар”,
Но теперь здесь театр», –
Нам кондуктор сказал.

А она всё сидела,
В глазках – капельки слёз,
И шутить не хотела –
Отвечала всерьёз.

Полуночный трамвай...
Он по рельсам стучал
И как будто минуты
Жизни мне отмерял.

Всё быстрее, быстрее, –
Вот окончен маршрут...
Вслед за всеми я вышел,
Но меня здесь не ждут.

Одинокий трамвайчик
По Ташкенту бежит,
Он по рельсам, по памяти,
Растревожив, стучит.

По ночному Ташкенту
Он опять прозвенит,
Мне напомнив бывшее...
Как же время летит!..

Константин ПЕРЕВЕРЗЕВ. Родился в 1944 г. в Янгиере. Окончил ТашМИИ (ныне ТМА). Работает в Учебном центре Федерации профсоюзов Узбекистана. Публиковался в СМИ Узбекистана. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Пути-дороги

Я ходил по дорогам разным –
По асфальтовым, пыльным, грязным,
По гравийным, песчаным, из глины,
Все пешком исходил, без машины.

Я ходил и в степи, и в горах,
Утопал и в траве, и в снегах,
Я с хорошими шёл людьми,
И с плохими – хоть не по пути.

А зачем я ходил туда,
Где не ждали меня никогда?
Всё равно упорно стремился
Я дойти, пока не оступился.
Я стоял и на месте топтался
Головою в стену упирался.

И такое случалось часто.
Я искал иногда напрасно,
Что искал и кого – неизвестно!
Находил и терял повсеместно.

В темноте я брёл в одиночестве
В детстве, юности и в отрочестве.

Ну а кто, скажите мне срочно,
Покажет дорогу точно
Туда, где всегда светло,
Где солнце светит, тепло?

Туда, где счастье идти
По какому угодно пути.
Я не люблю тупиков
И попутчиков-дураков.

Ну а их по пути так много...
И извилистая дорога.
Постоишь, поглядишь – и вновь
Темп возьмешь, что аж ноги в кровь.

Стремлюсь я в ногу шагать,
От времени не отставать.
Кое-что упустил безнадежно,
Хоть спешу, а всё бесполезно!

То под горку иду, то наверх,
То внизу окажусь, то поверх...
Я люблю ходить по краю,
А зачем мне это – не знаю.

Кто ответит мне, как идти
По такому кривому пути?

Мне б присесть, отдохнуть с дороги!
Мои многострадальные ноги!
Не даёт мне покоя моя
Бестолковая голова!

Вот и сейчас иду стократно,
Но уже не туда, а обратно!

* * *

Белым облаком отцветет миндаль,
А тропа в горах увлекает вдаль...
Сродни облаку, в платье розовом,
Шла она – чуть встревожена.

Птица синяя машет крыльями,
Родники в горах воду вылили,
И сверчки кричат всё сильнее, сильнее,
Подают мне знак: не ходи за ней!

Стой, сверни, – звучит, – поверни назад,
На других, чужих, отвлеки свой взгляд.
Унесёт тебя в даль безбрежную,
Лучше пусть летит птицей нежною!

Воспоминание

Однажды девушку увидел
У телефонной будки Сквера,
Спросил негромко: «Как зовут вас»,
Она ответила, что Лера.

Курантов бой отмерил десять,
Ни к ней и ни ко мне не шли...
Сама судьба свела нас вместе –
Мы рядом медленно пошли.

А вот столы, кафе «Снежок».
Зашли – там музыка играет,
И нам подали «музкаймок»...
Кто был там, тот всё понимает.

Потом ещё одно кафе –
Совсем не хуже ресторана –
Светилось... «Дружба» это? Да!
«Давай зайдём!» – «Зачем?» – «Так надо!»

А здесь уж танцы под оркестр:
Альт, саксофон, труба, гитара...
И микрофон берёт маэстро!
Мы пьём коньяк, едим кальмара...

Вот Карла Маркса, драмтеатр,
На Кирова уже подходим...
Нам хорошо. Она студентка –
Мы много общих тем находим.

– А в парке Тельмана Вы были?
– О нет, туда я не хожу!
– Я – из ТашМИ, с друзьями в парке
Частенько время провожу.

Что было дальше – смутно помню...
Расстались в вихре перемен...
Но память все хранит тот город,
Случайной встречи той момент...

Часы

Не люблю я часы:
Они жизнь отмеряют.
Всё бегут и бегут,
Усталости не знают.

Не люблю я часы:
Они напоминают,
Что короче всё жизнь,
Её пульс всё считают.

Есть куранты в Москве,
Есть куранты в Ташкенте.
О, напомним они
О текущем моменте!

Есть ручные часы
И настенные тоже,
Но одно в них мерило,
Один смысл в них заложен:

Смысл считать поминутно,
Смысл часами считать,
Как проходят года,
Чтоб потом вспоминать.

У одних есть, что вспомнить,
У других – что забыть.
Философия жизни –
Быть или не быть!

В РЕШЕТЕ ВОДЫ НЕ УТАИШЬ

Рассказ

КУЧКАР НАРКАБИЛ

Сторонись дурного, а не можешь – сгинь! Эх, а этот даже не думает уходить. Все сидит и сидит. Все мнется и мнется.

– Братец, ну ладно, всего какая-то маленькая подпись. Ну что с тебя – убудет?!

Ему было не по себе. Что делать? Ведь не чужой. Хоть и не говорит прямо, что человека из меня сделал, но всем видом показывает, что это он когда-то меня в Ташкент привез. Уже двадцать лет прошло, нет-нет, да и скользнет упрек в маленьких узких глазках или движении Довула Даврона. Да-да, как увидит Ильхома, так и пышет укоризной.

– Чтоб не сглазить, братец! Выглядишь прекрасно. Что не говори, а все-таки людьми руководишь, они тебе в рот заглядывают. Твое слово весомо.

Довул Даврон затаился, как кот в предвкушении добычи. Ох и искусен же он! Нисколько не изменился. Даже не постарел. Никто не даст ему шестидесяти. Сидит в кресле напротив Ильхома такой маленький, как Буратино, втянув голову-дыньку в плечи. На сухоньком лице застыла ядовитая ухмылка. Узкие глазки буравят Ильхома, готовы проткнуть его насквозь. Тишину прерывает бесцветный голосок:

– Читал?

– Хм...

– Ну?

– По-моему, было бы неплохо, если бы и Рустам еще прочел, – Ильхом пытался найти способ хоть ненадолго ускользнуть от разговора.

– Братец, хорошо, когда есть кому покритиковать, вот я и пришел к тебе за критикой. Я теперь тоже член Союза писателей. Выпустил четыре-пять своих книг. Видишь, тема неплохая. Актуальная. Куй железо, пока горячо... Говорят же, если захочешь, и в решете можно воду удержать...

– Хорошо, пусть Рустам тоже почитает.

– Рустам, может, и хороший поэт, но ты – другое дело. Знаю, ты член жюри конкурса... руководитель, твоё слово очень весомо. Ну поддержи... Если бог даст... и мы... может...

Кучкар НАРКАБИЛ. Родился в 1968 г. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей Узбекистана. Заслуженный журналист Узбекистана. Главный редактор газеты «Инсон ва конун».

– Довул-ака, сказать правду? Работа еще сырая, много недоработок. Нужно многое изменить. Здесь и намека нет на дастан. А вы же о родине пишете, это святая тема...

– Если сырая, давай испечем. Что, я зря к тебе пришел? Если в такой момент не поддержать земляка, тогда к чему землячество?! Люди, пившие из одного арыка, уже родственники.

Услышав слово «арык», Ильхом вспомнил маленький арычок Бакирок (Крикун) неподалеку от канала Хазарбог. Вспомнилось детство. Перед глазами мелькнули пейзажи далекого кишлака. Вспомнил, как, окончив учебу в Ташкенте и вернувшись в кишлак, Довул Даврон хвастался, что стал поэтом. Эта новость взбудоражила тогда всех. Вспомнил, как после первого курса университета он проходил в газете практику под руководством Довула Даврона. Действительно, были времена, когда он восхищался им, подражал ему. Этого он не забудет. Кто знает, видно, в те времена в силу своей молодости он не всегда мог правильно оценить поведение этого человека.

Ильхом решил отшутиться:

– Говорите, испечем. Но тут даже закваски нет. А значит, печь в тандыре бесполезно, все равно все потечет. Не получится.

Довул Даврон дернулся. Почернел. Покачал маленькой головкой-дынькой:

– Хм... Братец, а ты изменился. Должность меняет людей. Но знай, кресло не на всю жизнь... В горе и радости рядом оказываются лишь близкие. Не забывай, откуда ты вышел, кем был...

Ну это уж слишком! Плохо, когда спекулируют землячеством. Слова Довула переполнили чашу терпения Ильхома. Еле сдерживаясь, он в сердцах сказал:

– Вы что, не проживете без премии?

Довул вскочил. Нервно кусая губы, взвизгнул:

– Нет, не проживу! Да!

Ильхом увидел у собеседника блеснувшие слезы. Он и не предполагал, что все так обернется. Ему стало стыдно. Давно не куривший, Ильхом вытащил из пачки сигарету и судорожно затянулся. Не смея взглянуть на Довула, он неподвижно уставился в одну точку.

– Хорошо. Я напишу рецензию, – сказал Ильхом и отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

Довул подал голос:

– Спасибо, братец, спасибо!.. По капле от богача наполняется водоем бедняка. Я не забуду добра, – встав с места, он торопливо вытащил три листа из блестящего пакета и протянул Ильхому. – Вот и готовая рецензия. Не надо лишний раз напрягаться, братец. Только подпиши и все. Не хочется тебя утруждать. Завтра я уезжаю в кишлак. Отцу твоему, дорогому дядюшке, и твоей маме, родной сестрице, передам от тебя привет. Кишлак гордится тобой, братишка. Когда ты выступаешь по телевизору, у меня слезы наворачиваются. Тьфу, чтоб не сглазить, – не сдержал слез Довул. – Ты хороший парень, дорогой братец!

Ильхом готов был сквозь землю провалиться. Но нет, земля не разверзлась и не разверзнется, пол-то крепкий, качественный!

Он нехотя взял бумаги. Начал читать и... побледнел. Расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, он стал массировать левую сторону груди. Усмехнулся. А затем расхохотался.

– Что это?

– Ре... рецензия, – недоуменно протянул Довул.

– Не путаете? – преодолевая боль, Ильхом продолжал смеяться.

Довул, глядя то на свой пакет, то на бумаги в руках Ильхома, вдруг вскрикнул и выскочил из кабинета.

Ильхом снова пробежался глазами по написанному.

Уважаемый _____ вич!

Я за всю жизнь ни разу не писал жалоб. Однако я не могу оставаться равнодушным, видя, как некоторые личности препятствуют развитию нашей литературы и искусства. Один из них – Ильхом Зафар. Я думаю, что он недостоин быть руководителем такого крупного творческого объединения, потому что он ненавидит талантливых людей и всячески им мешает. Разве справедливо, что такие, как Ильхом Зафар, являются руководителями, да еще членами жюри конкурса? Прошу Вас провести тщательную проверку и принять соответствующие меры...

Подписываюсь псевдонимом: _____ Одил Ростгуй (Справедливый человек)

Ильхом бросил заявление в стол. Губы невольно прошептали:

– По капле от бедняка наполняется водоем богача... Нет, кажется, наоборот! Он снова расхохотался. Вот теперь ему значительно полегчало.

Перевод с узбекского Саодат КАМИЛОВОЙ.

Саодат КАМИЛОВА. Доктор филологических наук, зав. кафедрой мировой литературы факультета зарубежной филологии НУУз, литературовед, переводчик. Автор научных статей, нескольких учебных пособий.

ИННОВАЦИИ ХУДОЖНИКОВ ЖАРСКИХ

ДИЛШОДА СУЛТАНОВА

В 70–80-е годы активно развивается жилищное строительство. Строительные организации «Главташкентстроя» принимают меры для укрепления своей индустриальной базы. В связи с переходом на индустриальные рельсы и поточное строительство усложняются архитектурно-градостроительные проблемы. Новые задачи встают перед строителями: кроме кирпичных четырех-, пятиэтажных и панельных жилых домов, проектируются девяти- и шестнадцатизэтажные здания различных конструкций – каркасные, методом подъёма перекрытий, монолитные, смешанные и другие.

Растут жилые массивы «Юнусабад», «ТТЗ», «Куйлюк», «Ц-17», «Ц-18», «Ц-26», «Чиланзар», «Алгоритм» и др. Большой вклад в дело жилищной застройки в этот период времени внесли архитекторы: Г. Коробовцев, А. Косинский, А. Хуршудов, Е. Маличенко, Н. Абдурахимов, Э. Исхакаев, Н. Пушкарёва, С. Шуваева и художники Жарские.

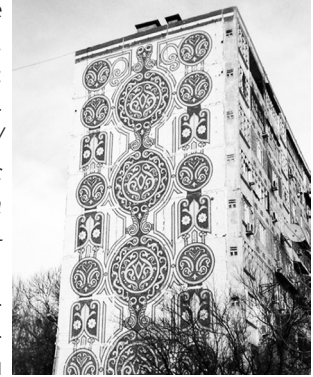
Известно, что высокохудожественные декоративные украшения – наряд города и зданий. Традицию украшать мозаичными и рельефными панно торцы и фасады зданий заложили художники братья Пётр, Николай и Александр Жарские. Пётр окончил Ленинградское Высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухомовой, Александр – Казанское художественное училище, а Николай – Ленинградскую Академию художеств. Таким образом, братья Жарские – Пётр, Николай и Александр, сыновья художника Василия Жарского, имели художественное образование.

В Ташкент братья Жарские приехали в 70-е годы на восстановление города после землетрясения 1966 года. Устроились работать художниками на завод железобетонных изделий. Здесь, в Узбекистане, ими созданы значительные произведения с использованием древнейших стилистических традиций. На их счету более 400 декорированных многоэтажных жилых домов. Начал эту работу старший из братьев – Пётр, монументалист по образованию. Он увидел на серых стенах серые бетонные холсты – большое поле деятельности. Его первое панно для девятиэтажного жилого дома по ул. Мухомовой вызвало легкий шок среди архитекторов.

На торцах пяти- и девятиэтажек из стеклоплитки по эскизам и картонам под авторским наблюдением братьев создавались мозаичные панно. В результате Ташкент при типовой застройке приобретал неповторимость благодаря разнообразию цвета и восточной орнаментике и становился узнаваемым. В 70–90-х годах их творческое сотрудничество с архитекторами города дало замечательные результаты и позволило говорить о «ташкентском стиле» строительства – своеобразном, не похожем на другие – с узбекской мозаикой, восточными узорами. Они сплетаются в самостоятельные

Дилшода СУЛТАНОВА. Родилась в 1970 г. в Самаркандской области. Окончила архитектурный факультет СамГАСИ. Кандидат архитектурных наук, доцент кафедры «Изобразительное искусство» СамГАСИ. Автор статей в республиканских и зарубежных изданиях.

орнаменты, обрамляя законченные сюжеты, посвященные дружбе народов, героям труда и отдельным профессиям. Столица Узбекистана воспринималась как звезда Востока: *«Есть на Востоке добрый город, в кольце садов, в кольце огней. / Он по-особенному дорог, бескрайней Родине моей. / Когда угрюмая стихия под ним сломала полземли, / Была с ним рядом вся Россия и все республики мои. / Глядит ста тысячами окон, вершит высокие дела. / Сияй Ташкент – звезда Востока, столица дружбы и тепла!»*

Архитекторы старались придать каждому зданию индивидуальность, средств отводилось для этого достаточно. Кроме монументальных торцевых мозаик, украшения делали на карнизах фасадов, в межоконных пространствах, на стенах над подъездом и возле него, на автобусных остановках, станциях метро, лестницах, фонтанах, фасадах детских садов и ведомственных учреждений.

Часто это были геометрические или растительные восточные узоры, абстрактные или анималистические сюжеты. Настенные панно служили не только украшением, но и инструментом пропаганды, содержали символы той эпохи. Сегодня многие из них заклеены объявлениями или просто покрашены в ходе ремонтов.

Применялись и чисто русские мотивы в духе художника Билибина – как иллюстрации к русским сказкам. Работы были настолько свежими и интересными, что не оставляли равнодушными, даже если где-то шли жаркие споры на уровне Союза архитекторов, который признал декоративные украшения декоративной подделкой под национальное искусство. В этом была доля правды. Потому что вместо решения настоящих архитектурно-творческих задач строители прятались за «декорированием». То есть настоящие планировочные работы не выполнялись.

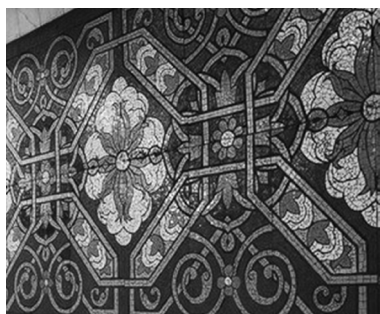
Братья Жарские представляли собой не только единый творческий коллектив, но и образец доброжелательности, заботы о людях. Им совершенно не свойственны были злость, ненависть, стремление к лидерству, власти.

Расцвет эпохи крупнопанельной мозаики пришелся на 60–80-е годы. Процесс изготовления был довольно долгий и трудоемкий. На подготовленный художником шаблон рисунка вручную выкладывались кусочки мозаики. Лицевая (глазурованная) часть плитки заклеивалась бумагой, и панель укладывалась «лицом» вниз на дно формы. Из отдельных панелей составлялись керамические ковры согласно картам фрагментов рисунков. Уложенные панели армировали, заливали бетоном и отправляли на просушку в тепловую камеру. Технология сбора мозаичных плит включала следующие этапы:

- в натуральную величину на бумаге создается рисунок, указывается название цвета, листы нумеруются, на них набирают куски разноцветной мозаики;
- набранный «ковёр» наматывают на барабан, перевозят в цех, укладывают в кассету и бетонируют;
- после обычных технологических циклов снимают опалубку с панели и струей воды удаляют остатки бумаги.

Монументальный жанр мозаики довольно специфичен и далеко не всем под силу. Жарских не пугали законы и тайны монументалистики. Трудность заключалось в том, что они постоянно должны были приводить свою фантазию в соответствие с требованиями и возможностями архитекторов и строителей. Такая зависимость, ведущая к однообразию художественных решений, не устраивала Жарских, поэтому каждое «нельзя» они подвергали критическому переосмыслению: месяцами не выходили из цехов комбината и архитектурных мастерских, нащупывая и находя новые решения.

За 20 с лишним лет деятельность художников Жарских получила признание, их авторитет стал неоспоримым. Об их творчестве сегодня говорят как о художественной школе.

Безусловно, дома Жарских красивы и поэтичны. Палитры у них яркие, жизнерадостные, как и их фамилии. Если все панно поставить в один ряд, перед глазами предстанет ленточное узорно-орнаментальное величие. Восточные мотивы города дружбы и братства звенят, играют, цветы сверкают гранями, летают причудливые жар-птицы. Узоры своим ритмом стройнят дома.

Общая семейная работа, монументальные композиции «Бар для дегустации вин» особенно впечатляют.

А работа Николая Жарского «Театр и кино» украшает одно из зданий города Душанбе. Ташкентское метро Чиланзарской линии по художественному оформлению является достоянием культуры мира. Тема станции метро «Пахтакор» Н. Жарским представлена как хлопковое поле на фоне голубого неба. Память о труде людей. Кстати, по стилизованному рисунку и выбранному колориту можно определить, что их автор не местный. «Пахтакор» отличается от других станций (единственная станция, где стены украшены мозаичным рисунком): нет восточной вычурности, аляповатости, но при всей «нагруженности» рисунком интерьер стен не раздражает – все сдержанно и в меру.

Но бывало в практике монументалистов Жарских, что оригинальность и необычность встречали сопротивление. Некоторые проекты оформления фасадов, например, мозаика на здании института Гидрометеорологии и здании Управления железной дороги не были осуществлены. Кому-то не нравилась нетрадиционность орнаментов, кто-то уличал в подражательстве, упрекал за купеческий перебор и перенасыщенность художественными средствами. Например, три девятиэтажных жилых дома на Дархане, щедро задекорированные П. Жарским синим орнаментом, многим показались излишне роскошными.

Конечно, монументальной графикой не прикроешь бедность архитектуры. Жарские не хуже своих коллег понимали это. Потому и экспериментировали, создавая панно не только на торцах, но и на дворовых фасадах, пытались укрыть нудные вереницы оконных проёмов, или оживляли балконы и подъезды весёлыми мозаиками. Но надо было двигаться дальше. Младший брат Александр был инициатором внедрения рельефных декоративных элементов в оформлении архитектурных построек Ташкента. Позже страсть к декоративному рельефу привела художника к изготовлению крупных скульптурных форм для городов Ижевска и Орджоникидзе. Искания Александра привели к прекрасному национальному искусству узбекских мастеров – резьбе по ганчу, традиционно интерьерному виду декоративно-прикладного искусства.

Много труда затратили Жарские, чтобы вписать новый декоративный рельеф по точной технологии завода, чтобы угадать технологию орнамента, толщину стенок, протяжённость линий. Усилия художников увенчались успехом. Кружевные панели придают дому воздушность, но это только вставки. Пришла идея сделать полностью рельефный торец. Её А. Жарский воплотил в одном из своих последних домов по улице Юсупова, заботясь о создании эстетической среды, окружающей человека. Совмещая принципы рельефа и декоративности, он создаёт небольшие бетонные композиции (фонтаны, малые архитектурные формы) для украшения дворов, скверов, улиц. Тому пример фонтаны, мозаичные бассейны и малые формы кафе «Голубые купола», построенного в 1970 году по проекту Виля Муратова и строителя Павла Саркисова в центре столицы.

Новый этап в архитектурной деятельности Жарских наступил, когда обнаружились большие возможности солнцезащиты (панджары) в украшениях дома. Арсенал средств «одежды» дома, найденный братьями Жарскими, умение их сочетать позволяют обычным серийным девятиэтажкам выглядеть выразительно и оригинально.

Всё новое рождается в мастерской. Наступает момент, когда душа требует забыть про сроки и расчёты, запреты и правила. И тогда братья садились за мольберт.

Их первым учителем был отец – Василий Жарский, прекрасный художник, чьи полотна хранятся в Ижевском, Псковском, Кировском музеях, в многочисленных частных коллекциях. Известен он был и во Франции, где прожил без малого 18 лет и где родились сыновья Николай и Александр. Отец стремился, чтобы сыновья стали профессионалами, и успел помочь им в этом, оставшись в памяти сыновей первым учителем и непререкаемым авторитетом.

Старший из братьев – Пётр Жарский – обладал огромным потенциалом, весёлой энергией, которую он умел сообщить окружающим. Окончив школу изящных искусств в Тулузе, он проникся особенностями французской художественной культуры. Любил мастеров эпохи Возрождения. Пластика фигур и линий у него, как правило, полна внутреннего напряжения. И в изображении человека, и в стремительности птичьего полёта, и в былинных конях – всюду чувствуется динамика. Он очень любит акварель, сангину, бистр, перо – трудные, требующие точности руки, материалы, отказывается от резинки.

Николай в создании орнамента или декора всего дома, как суховатый, точный архитектор, придерживается архитектуры и построения. Его хорошая черта – любовь к пейзажу. На первый взгляд он скептик, но его картины, лирические и светлые, опровергают это. Он любит пейзаж и ловит мгновения: «Первый снег», «Уголок лесной прохлады», «Жизнь рыбацкого посёлка на юге Франции» и др. Независимо от сюжета живопись его вызывает мечту о покое, мысли о вечной, не меркнувшей красоте природы. Его творчество раскованно и оптимистично, он любит дать волю своему воображению, увлекается ассоциациями, создаёт фантастические композиции и образы. По натуре он экспериментатор. Его привлекает новое, и он никогда не боится, что у него что-то не получится. Своеобразные фантазии, необычные пейзажные зарисовки всегда немножко тревожны и таинственны.

Ф. Абдурахманова, администратор группы «Мозаики Узбекистана» в социальной сети, отмечает: «Мое мнение – это мнение обывателя, наблюдательного человека (не многие обращают внимание на мозаичные панно на торцах жилых домов, административных зданий и организаций), а также человека, который неравнодушен к такому виду искусства, как мозаика. К сожалению, в настоящее время мозаика в динамично застраиваемом Ташкенте не предусмотрена. За последние десятилетия на новых застройках не только не появилось мозаики, а, наоборот, она была безжалостно уничтожена или закрашена.

...Возрождение создания мозаичных панно на современных архитектурных сооружениях придаст городу дополнительную привлекательность, особый неповторимый шарм в сочетании с национальным колоритом».

В 2017 году в связи с 80-летним юбилеем института Ташгипрогор была организована коллективная творческая выставка из 50 с лишним работ художников и архитекторов – Петра и Николая Жарских, братьев Ган, С. Сутягина, В. Березина, В. Спивака, Р. Хайрутдинова, А. Каширина и А. Калисламова. Ташкент – звезда Востока, город, который своей неповторимостью, традиционно-национальной и порою интернациональной красотой обязан в немалой степени художникам братьям Жарским. Не только в столице, но и в других городах фасады жилых домов были оформлены позже в этом стиле – мозаикой, рельефом и панджарой (Самарканд, Джизак, Гулистан, Чирчик, Навои и др.).

Жалко, что современные пристройки и наружная реклама у многих домов и зданий закрыли обзор на панно. Отрадно, что ведутся работы по регулированию наружной рекламы, созданию зон, свободных от рекламы. Предусматривается разработка законопроекта о введении административной ответственности за незаконное размещение объектов наружной рекламы (рекламных конструкций). Надеемся, что декорированные фасады многоэтажных домов вновь откроют свою красоту, гармонично сочетающую национальный колорит с современным стилем.

МОНТАЖ И СИМВОЛИКА В РАССКАЗЕ С. АФЛАТУНИ «ПРОСНУТЬСЯ В ТАШКЕНТЕ»

Саодат КАМИЛОВА

В узбекистанской русскоязычной литературе широко представлен жанр рассказа, в котором находят отражение драматические события XX века и стремление осмыслить историю в неразрывной связи прошлого и настоящего. Показателен в этом плане рассказ Сухбата Афлатуни «Проснуться в Ташкенте» (2008), в котором эта тема репрезентируется с точки зрения национальной принадлежности. Следует отметить, что творчество русскоязычного узбекского прозаика и поэта С. Афлатуни является, на наш взгляд, синтезом европейских и восточных традиций художественного письма. Он, как и другие писатели иноэтнотультуры (термин Шафранской Э.: Мифопоэтика иноэтнотультурного текста в прозе XX–XXI вв.: Дис. ... докт. фил. наук), которые, «выступая комментаторами, толкователями, посредниками между двумя ментальностями – “своей” и “иной”, выступая референтами нерусской этнической культуры», становится своего рода «мостиком» в создании общечеловеческих ценностей, всемирной культурной памяти. Рассказ «Проснуться в Ташкенте» многопланов: судьба еврейского народа в годы Второй мировой войны, тема национальной идентичности, тема одиночества и сиротства в современном мире, тема памяти.

Оригинальна в рассказе авторская концепция С. Афлатуни. Это метафорическая притча о связи времен, человеческих судеб вне движения, изменения и развития. В рассказе объективный повествователь, выдвигающий на первый план исповедальное, субъективированное мировидение с элементами объективированного (сказового) письма. Автор реализует свой замысел на принципе взаимосвязи и взаимодействия тематических пластов, каждый из которых выявляет художественные перспективы и оттенки значений. Широко используются при этом символические образы при наличии реалистических и фантастических форм отражения действительности.

Главная героиня Хава – образ символический, наделенный двоякой семантикой. С одной стороны – библейская аллегория на Еву, праматерь человечества, символизирующую неразрывность прошлого и настоящего. С другой стороны, Хава – собирательный образ праведника, Божьего избранника с особым внутренним миром, внутренним зрением, оптически гиперболизирующим окружающую действительность, события, особые отношения со временем. Персонажи рассказа полярно характеризуют ее: «девочка-ангел», «вампир, высасывающий заботу», «принцесса-ведьма». На левом плече у Хавы шестиконечная звезда (символ еврейского народа) и номер 7041. Порядковый номер можно расшифровать как 70-й год нашей эры, начало преследования евреев; 1941 – начало

Саодат КАМИЛОВА. Доктор филологических наук, зав. кафедрой мировой литературы факультета зарубежной филологии НУУз, литературовед, переводчик. Автор научных статей, нескольких учебных пособий.

войны с фашистской Германией, а если перевернуть число, то 1407 – время, когда было уничтожено наибольшее число евреев.

Второй по значимости персонаж-символ – Люба Холоденко, певица, жившая на Кашгарке у акына и ставшая впоследствии акыном-сказителем истории своего народа. Примечательно, что этот образ появляется и в заключительном эпизоде рассказа, перевоплотившись в заключенную по имени Певница (обозначение ее имени-профессии с заглавной буквы не случайно). А образ Дана Зимницкого – отца Хавы – неразрешенное противоречие: Хава считает его работником юденрата – еврейского совета, созданного фашистами для исполнения их приказов; супруга Леа считает, что он женился на ней, так как ненавидел свою мать, желая отомстить ей. Имена Леа и Дан тоже несут библейскую символику и говорят о сложности родственных связей. Может, поэтому Дан видится противоречивой личностью: он – пособник нацистов, с одной стороны, и свято верует в особую миссию евреев, с другой.

Образ Ташкента – третий по значимости пласт повествования. Ташкент – райское место, куда мечтала попасть Хава Зимницкая-заключенная. «Это город тепла, прекраснее которого не может быть ничего во вселенной. Город, где поцелуй пахнет пылью и соком граната, где нет ни голода, ни войны, а только бесконечный свет»¹. Образ Ташкента складывается как пазл, где каждый фрагмент несет определенную смысловую нагрузку. Это и место действия, и место эвакуации евреев (земля спасения), и святое место (место поклонения), и город света, исцеляющий своими дарами (знаки: земля, солнце, яблоки, виноград), и город-шеол (посмертная обитель душ), символ памяти, хранитель истории.

Реализуя этот смысловой пласт и выражая автоконцепцию, повествователь «говорит» от третьего лица, подчеркивая непредвзятость и объективность.

Следующий блок тем – тема национальной идентичности, тема сиротства и одиночества – раскрыт в повествовательной форме «от первого лица». Повествователь – действующее лицо, сквозь призму сознания которого представлены наиболее актуальные проблемы современности. Авторские и персонажно-рефлексивные монологи репрезентируют тему национальной идентичности как одну из злободневных для постсоветского пространства. Автор старается несколько обособиться, выстраивая дистанцию между собой и повествователем. Однако словесная организация нарушает эту дистанцию: «Сойдя с трапа в Ташкенте, я поймал себя на том, что мне хочется поцеловать землю. Пока выбирал место, толпа сзади занесла меня в автобус и, окропив незлобным матом, сдала сумками, чемоданами и сонными детьми». Таким образом, текст иногда утрачивает художественную условность, тяготея к «дневниковым откровениям». Главный герой обладает «билингвистическим советским полукровством» (Э. Шафранская). Процесс самоидентификации в данном рассказе болезнен. Рассказчик тоскует по матери, и эта тоска – отдельный значимый и проникновенный тематический пласт в произведении. Повествование о сложных взаимоотношениях отца с матерью перемежается рефлексией героя: «Я сам не знал, кто я, то ли еврей, скрывающийся за узбекской фамилией, то ли узбек, скрывающийся за еврейской внешностью. Продукт советской межнациональной алхимии».

Пунктирной линией проходит в тексте тема эмиграции. Шишка – друг рассказчика, – эмигрировав, не находит счастья. Сюжетная линия о его судьбе проникнута ностальгическими мотивами: «Все города чем-то похожи на Ташкент».

Все три сюжетные линии базируются на композиционных приемах монтажа, контаминации и рассказа в рассказе. Не случайно экспозиция и финал рассказа представлены как кадры из кинофильма, где сознание героя-повествователя становится фильмом-размышлением над вопросами бытия, а автор выполняет функцию оператора, избирающего лишь «свой» ракурс видения.

¹ Цитируется по публикации в журнале «Звезда Востока», № 3, 2015.

ХУСРАВ ХАМИДОВ

КЛАССИФИКАЦИЯ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ ХИКОЯТОВ «МАСНАВИ»

Чтобы понять и оценить произведения Руми, необходимо иметь представление о его мировоззрении, об источниках, которыми он пользовался, о его эпохе и религиозных убеждениях.

Джалалиддин Руми в процессе создания «Маснави» пользовался многочисленными научными, литературными, историческими, мифологическими источниками, не всегда указывая на них в своих хикоятах.

Генезис части хикоятов «Маснави» уточнен на основе анализа различных источников иранским ученым Бадиуззаманом Фурузонфаром. Обращаясь к аналогичным вариантам каждого хикоята, ученый подчеркивает близость их сюжетов, общность религиозных, научных, философских, литературных взглядов с источниками на древнеарабском и персидском языках.

Б. Фурузонфар в разделе «Источники повествований и притч «Маснави» отмечал: «...я, бедняга, никогда не старался определить генезис всех сказаний “Маснави”. Не хотел взять ответственность за дело выше своих способностей и образования. Такое дело может быть задачей какого-то коллектива знатоков нескольких языков Востока и Запада, имеющих достаточно сведений об истории, литературе, мировоззрении, убеждениях и традициях народностей» (Б. Фурузонфар. Маохизи кисас ва тамсилоти «Маснави». – Тегеран, Амири Кабир, 1984. – С. X). Действительно, определение генезиса хикоятов «Маснави» может быть осуществлено только в результате труда крупного научного коллектива.

Учитывая это, следует дать высокую оценку труду Б. Фурузонфара.

На примере I тетради «Маснави» следует отметить, что ученый указал в своем исследовании на несколько источников «Маснави». Но Руми, один из образованнейших людей своей эпохи, многие источники представлял в «Маснави» в новом облики и, естественно, определить, откуда они взяты, трудно.

Б. Фурузонфар в своем исследовании указал 36 источников хикоятов и символов I тетради. Названия восьми из них не дано в «Маснави», так как поэт использует лишь отдельные мотивы. Полный сюжет четырех хикоятов из восьми есть в последующих тетрадях, ученый указывает страницы, где они даны.

Хусрав ХАМИДОВ. Родился в 1981 г. в Сурхандарьинской области. Окончил магистратуру при СамГУ, работает над докторской диссертацией, исследователь творчества Ж. Руми. Переводчик на узбекский язык трактата А. Джами «Найнома» и узбекской поэзии на таджикский язык.

Названия 28 хикоятов есть в «Маснави», и Б. Фурузонфар указал их первичные источники или близкие им варианты. Подлинные древние источники четырёх из них найдены в других исследованиях. Например, об источнике хикоята «Плевков врага в лицо святому Али» Б. Фурузонфар пишет, что эту притчу, включенную в «Маснави», «не смог найти до сих пор ни в одном источнике». Близким источником он называет хикоят из «Эхё ул-улум»¹, однако выяснилось, что этот хикоят является источником «Маориф» («Просвещение») Термизи², поэтому, вероятно, Руми взял этот хикоят из произведения своего учителя. Указано, что вариант хикоята «Языковед и лодочник» взят из произведения Убайда, первоначальный подлинный источник неизвестен. А притча, приведенная из «Рабё ул-аброр» Замахшари, далека от его сюжета³. Таким образом, источники 18 хикоятов из I тетради в этом исследовании не определены.

Сравнивая хикояты «Маснави» с источниками, мы увидели отличия между ними. В процессе работы выяснилось, что поэт не просто переписал хикояты, но внес изменения в их сюжеты, творчески переработал их. В ходе сравнения хикоятов с источниками выяснилось, что аналогичные варианты отдельных хикоятов встречаются и в других источниках.

Автор «Маснави» родился в религиозной семье, глубоко изучал теологические науки в медресе, впоследствии стал знаменитым проповедником или муфтием, он с наслаждением читал аяты Корана, хадисы Пророка Мухаммада, достаточно хорошо знал учение суфиев, поэтому в его творчестве чувствуется сильное влияние Газзали, Санои, Аттора и других. Следуя по стопам своих предшественников, он заимствовал идеи из их произведений. Конечно, есть исторические хикояты, восходящие к другим источникам.

В процессе исследования хикоятов «Маснави» выяснилось, что хикояты религиозного содержания, кроме своих подлинных смыслов, содержат символы, то есть автор, преследуя цель выразить суфийские, научные идеи, брал некоторые необходимые ему эпизоды из сюжета. Можно выделить 4 вида религиозных хикоятов, результативно использованных Руми в «Маснави»:

1. Повести из Корана.
2. Притчи, взятые из Хадисов.
3. Сказания о пророках.
4. Хикояты о сподвижниках Пророка и религиозных мыслителях.

Руми использовал в своих стихах много пословиц и поговорок из устного народного творчества, народных хикоятов. Как поэт-мыслитель, посредством каждого народного хикоята он формулировал и подтверждал суфийские идеи. Широко использовались для освещения религиозных, нравственных, философских, общественных убеждений поэта символы и их варианты, имеющиеся у разных народов и народностей.

Повести и хикояты в «Маснави» по теме и содержанию делятся на несколько видов, большинство из них восходят к другим источникам. Когда был определен генезис хикоятов «Маснави», определились их отличительные и схожие черты.

Схожие хикояты «Маснави» восходят к таким историческим, просветительским, исламо-суфийским, литературным произведениям, как «Калила и

¹ Бадиуззаман Фурузонфар. Маохизи кисас ва тамсилоти «Маснави». – Тегеран, Амири Кабир, 1984. – С. 37.

² Маориф. Саййид Бурхониддин Мухаккик Термизи. – Тегеран, Нашри донишгохи, 1999. – С. 2-3.

³ Бадиуззаман Фурузонфар. Маохизи кисас ва тамсилоти «Маснави». – Тегеран, Амири Кабир, 1984. – С. 29.

Димна», «Тысяча и одна ночь», «Марзбоннаме», «Рабё ул-аброр» Замахшари, «Джавомеъ ул-хикоёт» Мухаммеда Авфи, «Хият ул-авлиё» Абу Наима Исфাহани, «Ал-джомеъ ас-сахих» Имама Бухари, «Кашф ул-махджуб» Хужвири, «Эхё ул-улум ад-дин» и «Кимёи саодат» Мухаммада Газзали, «Тазкират ул-авлиё» Аттора, «Маколот» Шамси Табризи.

В результате изучения и анализа бытования и трансформации хикоятов выяснилось, что Руми, используя хикояты, вносит свои изменения. Это подчеркивает и сам автор: *«Мудрый человек возьмёт зерно смысла, невзирая на ёмкость, хоть он выворочен»*¹.

Неопровержимо существенное влияние на содержание хикоятов «Маснави» повествований Корана и не только... Например, в процессе пояснения душевного путешествия Дакуки Руми использовал содержание повествования «Муса и Хызр».

Изучить генезис каждой поэмы – задача трудная, но очевидно неповторимое эпическое мастерство Руми, свидетельствующее о масштабе его мышления и мышления деятелей суфийской литературы в целом. Издревле в среде суфиев были популярны хикояты, выражающие личные переживания и нравственные идеи автора. Руми был в постоянном контакте со служащими медресе и хонако, имел большой опыт общения с ними, поэтому результативно использовал прием хикоятгуи – рассказчика, – сознательно внося изменения в содержание и структуру хикоятов, посредством этого разъясняя суфийские вопросы, трудно постижимые для мюридов.

Хикояты из «Маснави» по источникам можно разделить на группы. Источники отдельных хикоятов указал сам Руми. Примером тому являются повествования из Корана, «Калилы и Димны», также эпизоды из произведений Санои и Аттора. Но такие указания есть не везде и не во всех хикоятах. Поэтому найти подлинный источник некоторых из них весьма затруднительно.

Классификация хикоятов по источникам:

1. Хикояты, восходящие к одному точному источнику. Руми в начале сам указывает источник. Значит, источник точно определен: а) автор сам указывает источник хикоята; б) источник использован без изменений, взят из Корана или является сказанием, составляющим основное содержание хикоята; в) источник хикоята во многом похож на хикоят «Маснави». Например, в хикояте «Лев и обезьяны» есть такое указание:

Эту повесть иши в «Калиле» («Калила и Димна»), вывод там же².

Следовательно, Руми излагал данный хикоят на основе повествования из «Калилы и Димны». Или хикоят «Галантерейшик и глиноед» есть в произведении Санои «Хадики», автор «Маснави» был близко знаком с этим произведением, поэтому сказание из данного источника признаётся основой хикоята «Галантерейшик и глиноед».

Случаи с указанием источника хикоята встречаются очень редко. Поиск источников хикоятов, изложенных с различными изменениями, весьма затруднителен, все это осложняет исследование генезиса.

Генезис части повестей и притч определен в книге Б. Фурузонфара «Источники повестей и притч “Маснави”»³. Но не все указанные хикояты могут

¹ Мавлоно Джалолидин Мухаммад Балхи Руми. Маснави маънави. – Тегеран, Савмаа, 2006. 2/3623.

² Там же. 1/899.

³ Бадиуззаман Фурузонфар. Маохизи кисас ва тамсилоти «Маснави». – Тегеран, Амири Кабир, 1984.

быть подлинными источниками хикоятов «Маснави», так как они очень отличаются. Для хикоята «Приход посла Римского цезаря к Омару» указаны источниками хикояты из «Асрор ут-тавхид», «Мухазарот ул-удабо», «Эхё ул-улум». Однако Б. Фурузонфар доказывает в своих «Комментариях к “Маснавийи шариф”», что подлинным источником вышеупомянутого хикоята является «Футух уш-Шом» Мухаммеда ибн Омара Вакиди¹.

2. Хикояты, имеющие несколько источников. К этой группе относятся хикояты со множеством вариантов. Руми в следующих случаях использовал несколько источников: а) когда имеющиеся фабулы нескольких источников близки по сюжету; б) когда наблюдается сочетание нескольких сюжетов в одном хикояте; в) если встречаются варианты народных или символических хикоятов с множеством вариантов; г) когда совершенно неизвестен источник.

Например, хикоят «Взгляд Азраиля на одного мужчину» имеет 12 вариантов. Нашли несколько источников хикоята «Слон и формы разногласий». После Руми Навои тоже использовал этот хикоят в «Лисон ут-тайр» («Язык птиц»)². Остается неясным источник Мавлоно Руми, поскольку в линии сюжета наблюдаются изменения. В хикояте «Покупка халвы Ахмеда Хизравай-ха» источники хоть и известны, но по причине того, что две части притчи взяты из двух источников, хикоят отнесён к этой же группе.

Есть такие хикояты, мотивы которых можно встретить в двух, трёх, даже четырёх и более источниках. Неизвестно, к какому источнику обращался Руми. В решении таких вопросов необходимо обратить серьёзное внимание на композицию хикоятов, это подскажет главный источник, близкий по содержанию. Например, у Б. Фурузонфара источником хикоята «Наследник и сокровище» указана притча «Аджойибнаме»³. Но, как подчеркивает Фарзод Коими, хикоят из книги Танухи более близок по содержанию хикояту «Маснави», что позволяет сделать иной вывод.

3. Хикояты с неопределённым источником. В «Маснави» есть и хикояты с неопределённым источником. Например, до сих пор неизвестны источники повестей «Шейх Дакуки» и «Шейх Мухаммед Саррази». Хотя исследователи указывают на некоторые хикояты, аналогичные хикояту «Шейх Дакуки», но это не определяет точного генезиса. Встречаются хикояты с героем, не похожим на героев источника, аналогичного варианта нет, никакого исследовательского доказательства об источнике тоже нет. Не исключено, что героев некоторых суфийских хикоятов Руми специально скрывает. Например, хикояты «Любовь суфия к пустой подстилке» (II тетрадь), «Суфий, поймавший свою жену с незнакомым мужчиной» (IV тетрадь). Авторы статьи «Измена Мавлоно суфийским хикоятам», анализируя и исследуя суфийские хикояты в творчестве Руми, отмечают, что источников 16 хикоятов в «Маснави» не имеется.

В силу того что не найден генезис некоторых хикоятов, можно заключить, что, во-первых, они не были широко известны в эпоху Руми и, возможно, забыты в настоящее время по причине отсутствия других источников; во-вторых, автор в некоторых случаях внес такие изменения, что аналогичный вариант найти трудно. Это служит доказательством мастерства Руми, сумевшего полностью изменить линию сюжета, подчинить его намеченным целям.

¹ Там же. С. 68-69.

² Алишер Навоий. Мукаммал асарлар тўплами. 12-жилд. – Т.: Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академияси «Фан» нашриёти, 1996. – Б. 252-253.

³ Бадиуззаман Фурузонфар. Маохизи кисас ва тамсилоти «Маснави». – Тегеран, Амири Кабир, 1984. – С. 220.

4. Хикояты, сочиненные самим Руми. Естественно, многие хикояты, сочинены самим Руми. Анализируя их, можно сказать, что автор обрисовал в хикоятах те события, очевидцем которых был сам или непосредственно в них участвовал. Например, в тексте макалата «Благочестие между двух хадисов: “Ар-ризо билкуффри куфрун” и “Ман лам ярзий биказои фалаятлуб раббан сивоь”» Руми излагает один хикоят, героем которого является он сам.

В «Маснави» во многих случаях автор подчеркивает свое безразличие к событиям, происходящим вокруг и описываемым им.

Как отмечает Абдулхусайн Зарринкуб, «придание Руми содержанию нескольких бейтов своей газели формы хикоята “Маснави” свидетельствует о том, что существует близость между “Маснави” и его многими газелями, и свидетельствует о том, насколько ярок эпический талант Мавлоно»¹.

Следовательно, к изложению каждого хикоята Руми подходил творчески, вносил изменения в их состав по своему усмотрению. В результате его хикояты приобретают новый вид.

Таким образом:

1. Источники многих хикоятов «Маснави» определены Б. Фурузонфаром, А. Зарринкубом. Определение источников хикоятов способствует осознанию эпического мастерства Руми, подлинного смысла его идей. Он внёс столько изменений в состав хикоятов, что определить источники некоторых из них невозможно. Причем делал это Руми умышленно, в соответствии со своим творческим замыслом.

2. Для достижения намеченных целей Руми соединяет элементы нескольких хикоятов и создает новый, поэтому генезис таких хикоятов можно определить по нескольким источникам.

3. На примере хикоятов с неопределенными источниками, вероятно, сочиненными самим автором, можно сделать вывод, что в процессе создания «Маснави» увиденное самим Мавлоно освещено в рамках «Маснави» как эпизод общественной жизни, жизни народа в эпоху Руми.

¹ Абдулхусайн Зарринкуб. Сирри най. 1 том. – Тегеран, Илми, 1990. – С. 300.